

Министерство образование и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт иностранных языков
Кафедра перевода и переводоведения

**Проблемы сопоставительного
языкознания,
межкультурной коммуникации
и переводоведения**

**сборник научных трудов
с международным участием**

Выпуск № 2

Екатеринбург 2013

УДК 81
ББК Ш10
П 78

Ответственный редактор:
зав.кафедрой перевода и переводоведения,
канд.филол.наук А.И. Глазырина

Рецензенты: **Гендлер И.В.**, канд.филол.наук, доцент кафедры издательского дела и редактирования ФГБОУ ВПО «ТюмГУ»;

Шустрова Е.В., докт.филол.наук, профессор кафедры перевода и переводоведения института иностранных языков УрГПУ.

Сопоставительная лингвистика. Вып. 2. Проблемы сопоставительного языкознания и межкультурной коммуникации.

П 78 : сборник научных трудов с международным участием. Отв.редактор Глазырина А.И. ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет». 2013. 114 с.

В сборнике представлен широкий круг проблем по различным вопросам лингвистики, сопоставительного языкознания, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации и переводоведения.

Для аспирантов, магистрантов, студентов и преподавателей филологических специальностей высших учебных заведений.

УДК 81
ББК Ш10
П 78

Рекомендовано Ученым Советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский государственный педагогический университет» в качестве научного и здания.

© ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вопросы общей лингвистики и сопоставительного языкознания

АНДРЕЕВА М.И. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭМОТИВОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПОДЪЯЗЫКАХ.....	5
АРСЛАНОВА В.Ф. ПОНЯТИЕ НЕОФРАЗЕМ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ	8
БОГОЯВЛЕНСКАЯ Ю.В. ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ В ГАЗЕТНОМ ЗАГОЛОВКЕ	12
БОГУСЛАВСКАЯ Е.Л. ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЙ ПРИДАТОЧНОЙ ЧАСТЬЮ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ	16
ГЛАЗЫРИНА А.И., АНТОНОВА А.В. ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ В РУССКОМ КОМПЬЮТЕРНОМ ПОДЪЯЗЫКЕ: ДАННЫЕ КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА	20
ЕРОФЕЕВА Е.В. СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ОПТАТИВОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....	26
КОВТУНЕНКО И.В. РУССКИЕ И ФРАНЦУЗСКИЕ СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ С КОНКРЕТИЗАТОРАМИ: СПЕЦИФИКА СОЧЕТАЕМОСТИ.....	29
КУЗЬМИНА Е.К. ИНОЯЗЫЧНЫЕ ПРАГМОНИМЫ КАК ФРАГМЕНТЫ ГОСТЕВОГО ЯЗЫКА В ТЕКСТЕ РЕКЛАМЫ	34
МЕЗЕНЦЕВА Т.А. ЭМОТИВНЫЕ РАЗГОВОРНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ	39
ПЛОТНИКОВА М.В. ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ.....	41
ПРОТАСОВА Б.Б. РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА НАРЕЧИЯ ІСІ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....	44

Лингвокультурология, межкультурная коммуникация и переводоведение

DESCHAMPS ERIC LES ORIGINES DES CLICHES SUR LA RUSSIE EN FRANCE.....	48
ERARD PATRICK ÉCRIRE ET CORRIGER.....	56
БАХАРЕВА О.О., ТОМИЛОВА А.И. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРЫ С ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ Х. ГИЛЬЕНА).....	58

БУНЬКОВА Н.С., ТОМИЛОВА А.И. ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ИСПАНСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ М. ЭРНАНДЕСА)	62
ГАВРИШ Л.Ф. ФОРМИРОВАНИЕ ОСОЗНАННЫХ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ	67
ИГОШЕВА О.С., ТОМИЛОВА А.И. ОСОБЕННОСТИ РИФМЫ В ИСПАНСКОЙ ПОЭЗИИ.....	71
КУЗИНА Ю.В. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «АНГЛИЙСКИЙ ЧУДАК» В СКАЗОЧНОЙ ПОВЕСТИ Л. Ф. БАУМА «УДИВИТЕЛЬНЫЙ ВОЛШЕБНИК СТРАНЫ ОЗ».....	75
КУРКОВА Ю.Н. ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА «БАБУШКИНЫ СКАЗКИ» ЖОРЖ САНД)	81
МАНЧЕВА Е.Г. МОДАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СО СТРУКТУРОЙ КОМПАРАТИВНОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА	83
МУРТАЗИНА Д.А. СТРОИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В МЕТАФОРИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В КОНЦЕПТОСФЕРАХ НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	88
ПИТОЛИН Д.В. МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «СВОЙ» В РАМКАХ ДИХОТОМИИ «СВОЙ–ЧУЖОЙ» В РОМАНЕ К. МАККАРТИ «THE CROSSING».....	91
РЯБОВА М.В. ПЕРЕВОД И МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕНИЕ: АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	94
ШУСТРОВА Е.В. ПРОЯВЛЕНИЯ АРХЕТИПА АНИМЫ/АНИМУСА В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ НА Б. ОБАМУ	100
ЮЖАКОВА А.А., ТОМИЛОВА А.И. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ЗОО-КОМПОНЕНТОМ НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК ...	106
Список авторов, опубликованных в сборнике.....	111

Вопросы общей лингвистики и сопоставительного языкознания

*Андреева М.И.
К(П)ФУ, Казань, Россия
lafruta@mail.ru*

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭМОТИВОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПОДЪЯЗЫКАХ

Представители каждой профессии используют лексику характерную для их рода деятельности. От степени погруженности индивида в профессиональную область зависит его словарь. Человек, не сталкивающийся в своей практике с тонкостями конкретной деятельности или обыватель, оперирует базовой лексикой с редким использованием кодифицированной части профессионального языка. Специалист же, напротив, владея понятийно-категориальным аппаратом определенной сферы деятельности, сочетает в своем лексиконе термины и незакрепленные словарные единицы – профессионализмы. Практическая заинтересованность порождает соответствующую терминологию [Серебренников 1970: 479].

В.М. Жирмундский справедливо замечает, что «профессиональная специализация сказывается в языковом отношении не в грамматической дифференциации, как в классовых диалектах, а в выработке специального словаря, в основном доступного лишь представителям данной профессии» [Жирмунский 1936: 105].

Профессиональная речь входит в социальную сферу деятельности человека. Исходя из этого, обратимся к такой языковой дисциплине, как социолингвистика. Она развивается на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии и изучает широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями.

В ряде основных вопросов социолингвистики рассматриваются следующие проблемы, характерные для взаимосвязи языка и определенной группы общества: социальная дифференциация языка на всех уровнях его структуры и, в частности, характер взаимосвязей между языковыми и социальными структурами; типология языковых ситуаций, характеризующихся распределением социальных функций между различными языками и диалектами, используемыми данным коллективом, и в особенности, речь в контексте социальной ситуации – выбор оптимального варианта для построения социально корректного высказывания. При этом выявляется сам механизм отбора социально значимых вариантов, устанавливаются критерии, лежащие в основе выбора. Одним из данных вариантов является использование профессионализмов – это слова и выражения, свойственные речи представителей той или иной профессии или сферы деятельности, проникающие в общелитературное употребление (преимущественно в

устную речь) и обычно выступающие как просторечные, эмоционально окрашенные эквиваленты терминов [Ярцева 2002: 138]. Нередко профессионализмы проникают в общелитературный язык и закрепляются в нем как стилистически маркированные. Например, общеупотребительное слово «приземлиться» это единица, заимствованная из подъязыка авиации. По модели данного слова появляются такие глаголы, как «приводниться» и «прилуниться».

Язык людей объединенных в профессиональные группы может трактоваться и как жаргон. Согласно одному из определений, жаргон это разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии, положения в обществе, интересов или возраста. От общенародного языка жаргон отличается специфической лексикой и фразеологией и особым использованием словообразовательных средств. Лексика жаргона пополняется за счёт заимствований из других языков, но большая её часть создается путем переосмысления общеупотребительных слов. Например, «рвануть» - пойти, «тачка» - автомашина [Ярцева 2002: 56].

Некоторые ученые прибегают к использованию таких терминов как профессиональная речь, язык науки, язык для специальных целей, профессиональный язык и специальный язык. Профессиональная речь понимается как особая функциональная разновидность, обслуживающая профессиональную сферу общения [Елистратов 2000: 43]. Специальный язык – языковые подсистемы, используемые специалистами в области науки и техники для коммуникации, связанной с профессиональной деятельностью в официальных и неофициальных ситуациях общения. Основными конституирующими элементами специального языка являются термины и профессиональные жаргонизмы [Жеребило 2004: 108].

Профессиональный язык это тот же национальный литературный язык, но при конкретных профессиональных условиях он содержательно редуцируется, становится в зависимости от области знания и предмета общения монотематичным, насыщается специальными словами и выражениями, использование которых предполагает компетентность. Все это возможно лишь при переходе субъектов общения на профессиональный уровень сознания [Виноградов 1999: 276; Солнышкина 2005: 25].

Профессиональный подъязык – многофункциональная языковая формация. Являясь одной из функциональных разновидностей литературного языка, он выполняет следующие основные функции языка: эпистемическую – отражение действительности и хранение знания, когнитивную – получение нового знания, и коммуникативную – передача специальной информации [Платонова 1999: 149].

Являясь полиструктурной языковой системой, специальный язык на содержательном уровне распадается на конкретные профессиональные языки, которые при общей основе специального языка всякий раз приобретают свои приоритеты в плане выражения. Но при этом у них

есть общие разновидности, характер которых обусловлен формой реализации — письменная и устная формы.

Исходя из темы работы «Специфика лексико-семантической группы эмотивов: мотивационно-номинативный аспект (на материале русского и английского профессиональных подязыков)» целью исследования является определение и структурно-семантическое изучение эмотивов в профессиональных языках. Поставленная цель предполагает следующие задачи: 1) с помощью метода сплошной выборки выявить в составе профессиональной лексики эмотивы; 2) при помощи компонентного анализа объединить эмотивы в тематические группы в соответствии с базовыми эмоциями; 3) разделить все эмотивы на однословные и многословные.

Изучение эмотивов – слов или фразеосочетаний, используемых для выражения эмоционального отношения / состояния говорящего (Шаховский 1987, с.20) в профессиональных языках дополнит широкий спектр исследований ученых лингвистов, изучающих профессионализмы. В рамках проводимого исследования рассматривается номинация эмоций средствами вариантов английского профессионального морского, музыкального и авиационного некодифицированных подязыков, Рассматривается денотативный макрокомпонент значения. Материалом исследования служат 265 эмотивных единиц.

В музыкальном подязыке было выявлено 14 единиц, номинирующих такие положительные эмоции как: удовольствие (6) **Dig** нравиться, **Flip over** получить удовольствие, **Rave** отрываться, **Rave about** сходить с ума, **Chuffed** Довольный, **Chuffed to ten** Чрезвычайно довольный; наслаждение (4) **Get hip to sth. / Get off / Get someone's motor running / Knock out** испытывать особое наслаждение; радость (1) **to be a sock** вызывать восторг; интерес **Turn on** вызывать интерес, восторг, приятное волнение; страсть **Crazy** волнующий, возбуждающий; спокойствие **Cool** невозмутимый, спокойный.

Английский вариант профессионального языка авиации содержит 7 эмотивов. В рамках данного подязыка рассматриваются следующие эмоции: гнев (2) **Rhubarb** ссора, несогласие, **sad apple** нервный человек; спокойствие (2) **wind** спокойствие и уверенность, **all parts bearing equal strain** все под контролем, нет оснований для беспокойства; страдание **reversal** проблема; неудача, провал; удивление **to take aback** поразить, ошеломить, захватить врасплох; радость / счастье **on the top / crest of the wave** на вершине счастья, удачи. Преобладает количество положительно окрашенных элементов.

Английский вариант морского профессионального подязыка содержит 214 эмотивов. Гнев насчитывает 62 единицы и включает в себе следующие номинации: **агрессия** (15), **ссора** (13), **жалоба** (11), **раздражение** (8), **злость** (4), **угроза** (3).

Такие чувства как **грусть, досада, изнеможение, беда, слезы и поражение** составляют тематическую группу страдание, включающую 46 элементов эмотивной лексики. Весь спектр базовых эмоций

градуированно номинируется в английском варианте морского профессионального подъязыка: страх (43), радость (15), спокойствие (14), удивление (9), удовольствие (9), интерес (5), волнение (3).

72% от представленных эмоций являются отрицательными и номинируют эмоции страха, гнева и страдания. Положительная оценка принадлежит 28% лексики.

Исследование структуры эмотивов профессиональных подъязиков показало преобладание многословных единиц – 78% (в музыкальном подъязыке 9, в авиационном – 5 и в морском 194 сочетания). Однословные элементы составляют, соответственно, 22% от всей лексики (5 единиц в музыкальном языке, 3 – в авиационном, 49 в морском).

Библиография

1. Виноградов С. И. Культура русской речи. М., 1999. 560 с.
2. Елистратов В. Аргю и культура. М., 2000. 157с.
3. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.
4. Серебренников Б.А. Общее языкознание: формы существования, функции, история языка. М.,1970. 597с.
5. Солнышкина М.И. Профессиональный морской язык. Москва, 2005. 255с.
6. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987. 192с.

Лексикографические источники

1. Валиева Р.Х. Англо-русский музыкальный словарь. Казань, 2006.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Магас, 2004. 155 с.
3. Казачкова М.Б. Англо-русский словарь профессионального языка авиации. Казань, 2008
4. Солнышкина М.И. Англо-русский словарь морского языка. Казань, 2005.
5. Солнышкина М.И. Словарь морского языка. Москва, 2005. 279с.
6. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2002.

*Арсланова В.Ф.
БГПУ, г. Уфа, Россия
Arslanova_Valiya@mail.ru*

ПОНЯТИЕ НЕОФРАЗЕМ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Огромный приток новых слов и необходимость их описания обусловили создание особой отрасли лексикологии – неологии – науки о неологизмах. В неологии имеет место такое понятие, как неологизмы – это слова, которые являются абсолютно новыми лексическими единицами для каждого исторического периода.

Неофраземы - это новые фразеологизмы и устойчивые сочетания слов с формирующейся идиоматичной семантикой, или аналитические сочетания. Один из типов неологизма, который выделяется по виду

языковой единицы, наряду с неолексемами, неосемемами [Котелова В.З. 1978: 5-25.].

Неофраземы отличаются от слов-неологизмов и стилистической коннотацией, и сферой употребления. Если лексические неологизмы, как правило, являются, за редким исключением (*клонировать, дилер, инаугурация, поп-группа, кикбоксинг*), межстилевыми, то неофраземы прежде всего относятся к разговорному (*вешать лапшу на уши* — 'вводить в заблуждение кого-либо') и газетно-публицистическому стилям речи (*отмывать грязные деньги* — 'путем банковских манипуляций скрывать происхождение незаконного обогащения'). По стилистической окраске лексические неологизмы в большинстве своем стилистически нейтральны (исключение составляют лишь отдельные неологизмы типа *пирамидчик, популист, политтусовка*); неофраземы чаще всего отличаются сниженной коннотацией [Алефиренко Н.Ф. 2008: 23-28].

Информация обычно нуждается не столько в объективном номинировании, сколько в экспрессивно-образном знакообозначении, которое передавало бы ценностно-смысловые отношения к ней субъекта познания, который может быть не только персональным, но и коллективным. Справиться с этой сложной коммуникативно-прагматической задачей знакам прямой номинации не по силам. Языковое сознание ищет при помощи ассоциативного мышления новые символы косвенно-производного характера.

Вслед за, предложенной Н.Ф.Алефиренко, классификацией экстралингвистических факторов возникновения неофразем [Алефиренко Н.Ф. 2008: 23-28], мы выделяем пять групп:

1) общественно-политические события: войны, мятежи, революции приводят к падению нравов, увеличивается количество преступлений, наблюдается смешение стилей, происходит демократизация языка и семантическая неофразеологизация. Сравните, первичные и вторичные значения неофразем: *горячая точка* — 1. 'место ожесточенных вооруженных конфликтов' и 2. 'любая остроконфликтная ситуация'; *златая цепь на дубе том* — 1. строки из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» и 2. 'о новом русском'

2) урбанизация: рост численности городского населения, распространение арготизмов (слова и выражения разговорной речи, заимствованные из различных социальных, профессиональных диалектов (арго) и использующиеся в семантически преобразованном виде в просторечии и сленге, сохраняя в них яркую экспрессивную окраску), и их проникновение в язык. Сравните: *кинуть на бабки* — 'обманом завладеть деньгами', *кинуть тачку* — 'проехать на такси, не заплатив', *кинуть фишку* — 'отколоть номер';

3) юридические и криминогенные ситуации: обмен и усвоение арготических фразем преступниками и, как следствие этого, перенос таких фразем в разговорную речь: *играть на пианино* — 'давать отпечатки пальцев', *крошить батон, катить баллон* — 'вести себя агрессивно по отношению к кому-либо';

4) события культурно-просветительского характера: в СМИ, в среде

актеров, политиков наблюдается «принцип пирамиды», когда арготические фразы первоначально используются на вершине, а затем начинают употребляться широким кругом людей: *звездная болезнь* — ‘завышенное ощущение собственного величия’; *черная дыра* - ‘обстоятельства, поглощающие финансовые средства’; *мыльная опера* - ‘телесериал плохого качества’;

5) социально-психические факторы: употреблению арготизмов способствует своеобразная мода на блатные выражения, подражание; иногда переходу арготизмов способствует недостаток образования. Так, например, вместо «иди отсюда» говорят: «иди в баню», «луну расчесывай», «тундру пылесось»; выражение «рога отсохли» употребляют для выражения состояния усталости от занятий.

Мы исследовали различные источники за период 2010-2012 г.г. В частности, интернет-ресурсы, статьи, пособия (<http://www.lingvaflavor.com> новые термины в одежде, 04.02.2012; Новые слова про одежду в английском, 21.11.2011; <http://www.dailymail.co.uk/femail/article-1171948/How-lose-muffin-Top>, <http://esquire.ru/coined-word>, 18.12.2011; <http://www.worldwidewords.org>; <http://dic.your-english.ru>; <http://rapidsteps.com> (Американский+сленг)).

В результате отбора материала методом сплошной выборки мы обнаружили и проанализировали неологизмы.

1. *read-in* — состязание чтецов [<http://oxland-school.ru>];
2. *dentalspa* - зубо-врачебная практика, использующая возможности спа для расслабления пациентов [<http://www.windsor.ru>];
3. *homeshoring* - выполнение работы в сфере услуг в домашних условиях сотрудниками, располагающими необходимыми телефонными и Интернет-возможностями [<http://www.windsor.ru>];
4. *vanity sizing* - преднамеренное «уменьшение» размера одежды, для того, чтобы владелец почувствовал себя польщенным, что в одежде данной марки он выглядит стройнее и, соответственно, стремился и дальше покупать только эту марку [<http://rapidsteps.com>];
5. *you are so Obama* - очень «крутой» и умный [<http://rapidsteps.com>];
6. *closet music* - чуланная музыка (музыка, которую слушают без свидетелей из-за боязни быть осмеянным) [<http://esquire.ru/coined-word>];
7. *retroshopping* - ретрошопинг (сравнение цен на одну и ту же вещь в разных магазинах, осуществляемое уже после того, как эта вещь приобретена) [<http://esquire.ru/coined-word>];
8. *cheeseball* - человек, у которого отсутствует чувство вкуса и стиля [<http://www.glebov.com.ua/ru/news/67>];
9. *stealth bag* - сумка-невидимка (сумка, сшитая таким образом, чтобы невозможно было определить ни ее цену, ни изготовившую ее фирму, ни стиль жизни ее потенциального владельца) [<http://esquire.ru/coined-word>];
10. *kitchen pass* - кухонный пропуск (разрешение, которое дает один супруг другому, отпускающая его из дома на вечеринку или еще куда-то) [<http://esquire.ru/coined-word>];

Мы распределили, найденные нами, неологизмы по группам, согласно предложенной Н.Ф. Алефиренко классификации экстралингвистических факторов возникновения неологизмов.

В результате наиболее частотной оказалась 5 группа неологизмов (социально-психические факторы, 40%), менее частотная 3 группа неологизмов (юридические и криминогенные ситуации, 4%).

1 группа неологизмов - 31%

2 группа неологизмов - 7%

3 группа неологизмов - 4%

4 группа неологизмов - 17%

5 группа неологизмов - 40%

(где 1 - общественно-политические события; 2 - урбанизация; 3 - юридические и криминогенные ситуации; 4 - события культурно-просветительского характера; 5 - социально-психические факторы)

Мы провели анализ учебной литературы, используемой в российских школах. Изучили серию учебников: Клементьева Т.Б. Happy English - 2, Биболетова М.З. English, Афанасьева О.В. English, Афанасьева О.В. Spot Light, Верещагина И.Н. English, Malcolm Mann Laser B1 (Student's book). При внимательном изучении всех вышеперечисленных учебных пособий, с уверенностью можно сказать, что в каждом из них присутствует раздел, содержащий неологизмы. Но они не являются неологизмами. Неологизмы являются новыми в методическом плане, но не в языке.

Мы решили провести серию уроков, направленных на введение и объяснение понятия неологизмов ученикам 10 класса. Приведенные на уроке неологизмы были отобраны нами методом сплошной выборки из Интернет-ресурсов, статей, пособий. Так же мы выделили цели изучения материала учениками: знакомство с лингвистическими особенностями неологизмов, обучение некоторым особенностям перевода и способам употребления неологизмов, приобретение переводческих навыков, обогащение словарного запаса и кругозора учеников. После серии уроков мы провели срез (Процент усвоения неологизмов учащихся 10 А класса составил 76 %).

Итак, неологизмы представляют интерес в связи с научным осмыслением вопросов языковой изменчивости, так как являются примером открытой и динамической системы языковых единиц.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-синергетическое освещение процессов неологизации Текст./Н.Ф. Алефиренко // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты). - М., 2008.-с.23-28.

2. Котелова В.З. Первый опыт описания русских неологизмов - Л., 1978.- с.5-25.

3. <http://oxland-school.ru>

4. <http://www.windsor.ru>

5. <http://rapidsteps.com>

6. <http://esquire.ru/coined-word>

7. <http://www.glebov.com.ua/ru/news/67>

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ В ГАЗЕТНОМ ЗАГОЛОВКЕ

В 80-90 гг. наша страна пережила кардинальные социальные, экономические и политические преобразования: произошел переход от одной общественной системы к другой. Была устранена цензура, что привело к раскрепощению традиционно нормированного газетного языка. Однообразие, шаблон и стандарт уступили место творческому поиску, обостренному борьбой газетных изданий за читательскую аудиторию. Произошел сдвиг стилевых норм [Дускаева 2003: 668], утвердился тенденция к усилению информативной функции и стремление «уйти от сухого, официально-книжного, обезличенного и унифицированного газетного языка прошлого» [Солганик 2003: 264]. Заголовки газет, пожалуй, лучше всего отразили преобразования, произошедшие как в обществе, так и в языке.

Для современной газетной публицистики очень характерны броские, интригующие заголовки, призванные «зацепить» внимание, ведь именно с просмотра заголовков читатель начинает знакомство с новым номером газетного издания и отбирает интересующий его материал.

Заголовок является стилистически сильной позицией медиатекста, его определяют как «сильный текстовый знак, обязательная часть текста с фиксированным положением» [Плаксина, Кусова 2011: 118]. Заголовок в сжатой форме отражает его содержание, часто задает тексту определенную тональность, оценочность, позволяет прогнозировать содержание публикации. Это дает основание исследователям утверждать, что заголовок статьи представляет собой «своего рода ее рекламу» [Чудинов 2003: 148]. По словам С.М. Гуревича заголовок «играет роль крючка, заглотив который, читатель знакомится со своим «уловом» – всей публикацией» (Гуревич, 2002: 46).

Существуют различные мнения относительно функций газетных заголовков. Т.Ф. Фильчуку удастся свести все их многообразие к следующему перечню: информативная, рекламная, интегративная, воздействующая, экспрессивная, знаковая, эстетическая, тематизирующая, оценочная, символизирующая, графически-выделительная и смыслообразующая [Фильчук 2011: 2]. Последняя понимается как прогнозирующая в работе Э.А. Лазаревой: заголовки, являясь знаками текстов «помогают составить первый, самый общий, прогноз о содержании». Автор обращает внимание на то, что заголовки оживляют фоновые знания читателей, а значит, следует добавить к общему списку важную когнитивную функцию заголовков – «участие в контроле за пониманием произведения, сличение интерпретации его с имеющимися в памяти моделями и актуализированными фоновыми знаниями» [Лазарева 2006].

При этом важную роль в правильном понимании заголовка играет парцелляция, ведь именно знак точки позволяет графически выделить значимый для восприятия отрезок информации.

В рамках данной статьи под парцелляцией понимается специальный прием коммуникативно-стилистической организации текста, призванный усилить эмоциональное, интеллектуальное и информационное воздействие на читателя. С точки зрения синтаксиса парцеллированная конструкция представляет собой расчлененное предложение, представленное несколькими коммуникативными единицами – основной частью и парцеллятом (парцеллятами), отделенными от нее точкой. Снятие знака точки – депарцелляция – восстанавливает структуру предложения. В семантическом и синтаксическом плане парцеллированное предложение обнаруживает полное тождество с непарцеллированным вариантом. В стилистическом отношении парцеллированная конструкция – это прием, целью которого является создание определенных стилистических эффектов.

Парцелляция газетных заголовков уже привлекала внимание исследователей. Манькова Л.А. в своей диссертационной работе отмечает, что «парцелляция газетных заголовков становится все более свободной» [Манькова 2000: 135]. Ержанова Г.А. рассматривает парцелляцию как один из доминирующих приемов создания заголовков [Ержанова 2010: 6]. Цумарев А.А. отмечает, что парцелляция в заголовке – «важное средство реализации его рекламно-экспрессивной функции» [Цумарев 2003: 22]. Использование парцелляции в заголовках русских газетных текстов отмечается уже в 50-х годах XX века [Долгирева 2002]. Однако, несмотря на внимание лингвистов к этому явлению, исследований особенностей парцелляции в динамическом аспекте не проводилось.

Вопрос о синтаксической природе заголовка является дискуссионным. Одни исследователи полагают, что его можно рассматривать как предложение, другие относят его к особым синтаксическим единицам, не равным предложению. Заголовки могут представлять собой отдельные слова, словосочетания, предложения различной структуры или их части. Однако в случае с парцелляцией заголовка мы всегда имеем дело с предложениями различных видов.

В качестве источника материала для анализа динамики развития парцеллированных газетных заголовков мы выбрали газету «Коммерсантъ». Этот выбор был предопределен несколькими факторами: 1) «Коммерсантъ» – «российская ежедневная общественно-политическая газета с усиленным деловым блоком» [Новая иллюстрированная энциклопедия 2003: 73], относимая к уважаемой, качественной прессе; 2) «Коммерсантъ» выгодно отличается от других газет высокой частотностью использования парцеллированных заголовков; 3) данное издание является одним из немногих изданий, дающих доступ к бесплатным архивам. Основная масса российских газет либо таких архивов не имеет, либо предоставляет этот доступ на коммерческой основе.

Газета «Коммерсантъ» выходит on-line с октября 1992 г. Осуществляя сплошную выборку материала, мы констатировали следующий факт: в первый месяц своего существования в сети Интернет газета активно использует различные модели парцелляции

заголовка (74 случая), в ноябре их количество резко падает (6 заголовков за весь месяц), а в декабре 1992 г. был зафиксирован только 1 случай парцелляции заголовка. Анализ номеров за все последующие годы, с 1993 по конец 1998 гг., позволил выявить лишь единичные случаи заголовочной парцелляции:

- Лондонский клуб готов пойти на уступки. *В отличие от Парижского* (№ 177 от 26.09.95)

- Торги на МТБ возобновятся. *Но не завтра* (№ 66 от 18.04.96)

- Благополучие россиянина выросло. *Чуть-чуть* (№74 от 22.05.97)

С января 1999 г. ситуация резко изменилась: уже в № 1 от 19.01.1999 было зафиксировано 5 случаев парцелляции заголовков, в № 2 от 20.01.1999 – 5, в № 3 от 21.01.1999 – 5, № 4 от 22.01.1999 – 4, № 5 от 23.01.1999 – 2, № 6 от 26.01.1999 – 3, № 7 от 27.01.1999 – 5 и т.д.

Анализ парцелляции в разных изданиях и в разные временные срезы дает основания с уверенностью утверждать, что парцелляция заголовков выступает характерной чертой не только индивидуального авторского, но и коллективного стиля (о коллективном авторстве газеты см. [Рождественский 1996: 240-249]). Очевидно, что «Коммерсантъ» был в поиске собственного формата и стилистики и на период с 1993 г. по 1998 гг. отказался от использования этого средства экспрессивного и информативного выделения.

Если говорить о частоте использования парцелляции заголовков, то следует отметить, что в каждом номере газеты как в 1992 г., так и в 1999-2000 гг. фиксировалось от 0 до 9 случаев. Анализ газетных номеров 2012-2013 гг. показывает значительное снижение этого показателя – от 0 до 4 случаев.

Таблица 1.

Динамика применения приема парцелляции в заголовках в период с 1992 г. по 2013 г.

Период	% от общего количества заголовков
1992 г.	3,5
1999-2000 гг.	9,6
2012-2013 гг.	2,1

Как видно из таблицы, пик использования парцелляции газетных заголовков приходится на 1999-2000 гг., а в 2012-2013 гг. их процент по отношению к общему их числу заметно падает.

В 1999-2000 гг. парцелляция заголовков пользуется такой популярностью, что это приводит порой к довольно высокой плотности применения: даже в рамках одной полосы может встретиться до трех-четырех случаев. Примером может служить полоса №93 газеты №185 (2070) от 04.10.2000, где 3 из 8 заголовков парцеллированы:

- Виктор Анпилов откестился от коммунистов. *Потому что Геннадий Зюганов "соскальзывает в религию"*.

- Транснациональная радикальная партия может быть исключена из ООН. *За связь с чеченскими террористами.*

- "Мир" нашел добрых людей. В ракетно-космической корпорации "Энергия".

Парцелляция заголовков применяется легко и регулярно. Редакторы, пользуясь их привлекательностью, максимально выжимают ее стилистический и прагматический потенциал. На странице электронного сайта читатель видит лишь заголовки, подзаголовки / вводки (лиды). Чтобы побудить читателя «кликнуть» на название статьи, необходимо вызвать его интерес, любопытство. Перекликающиеся парцеллированные заголовки статей, расположенных друг под другом, становятся оригинальным игровым приемом, гарантирующим интригующий эффект. Например, в том же №185 (2070) от 04.10.2000 на полосе №11 находим переключку парцеллятов в названиях:

- Армения крепит оборону. При помощи Греции.
- Грузия разоружает Россию. При помощи Греции.

Общий заголовочный парцеллят «При помощи Греции» становится смысловой нитью, связующей две разные статьи, имеющих нечто общее – решающую роль Греции, способствующей укреплению обороны Армении в первом случае, и готовой продать военную технику Грузии, что может повлиять на дальнейшую судьбу российских баз в этом регионе, во втором.

Итак, парцелляция – эффективное средство создания яркого заголовка, способного вызвать интерес читателя и способствующего восприятию текста газетной статьи. Парцеллированный заголовок – характерная черта, присущая не только индивидуальному авторскому, но и коллективному стилю газеты.

Сопоставление парцеллированных заголовков убеждает в том, что авторы регулярно находятся в поиске новых моделей парцелляции в связи с необходимостью «зацепить» внимание читателя «свежей» конструкцией с ярким экспрессивным потенциалом.

Перспективным представляется дальнейшее исследование динамики развития парцеллированных заголовков в прагматическом, когнитивно-дискурсивном и стилистическом аспектах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гуревич С. М. Номер газеты. М. : Аспект Пресс, 2002. 192 с.
2. Долгирева А.Э. Газетный заголовок в прагмалингвистическом аспекте: дис. ...канд.филол.наук, 2002. 298 с.
3. Дускаева Л.Р. Языково-стилистические изменения в современных СМИ // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 664-675.
4. Ержанова Г.А. Синтаксические и когнитивные основы газетных заголовков (на материале русского и английского языков): автореф.дис. ...канд.филол.наук, 2010. 29 с.
5. Лазарева Э.А. Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации восприятия // Известия УрГПУ. Проблемы образования, науки и культуры. Выпуск 19. 2006.

http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0040%2803_19-2006%29&xsl=showArticle.xslt&id=a18&doc=../content.jsp

6. Манькова Л.А. Лингвистическая типология газетных заголовков: дис. ... канд. филол. наук, 2000. 192 с.

7. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 9. Кл-Ку. М.: Большая российская энциклопедия, 2003. 718 с.

8. Плаксина Е.Б., Кусова М.Л. Языковые средства реализации воздействующей функции заголовков (на материале российской и французской прессы) // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 117-120.

9. Рождественский Ю.В. Общая филология. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. 326с.

10. Солганик Г.Я. О языке и стиле газеты / Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во МГУ, 2003. С.261-268.

11. Фильчук Т.Ф. Атракционная природа заголовков и заголовочных комплексов публицистического дискурса. http://www-philology.univer.kharkov.ua/nauka/e_books/visnyk_963/content/filchuk.pdf

12. Цумарев А.А. Парцелляция в современной газетной речи: автореф. дис. ...канд. филол. наук, 2003. 25 с.

13. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2003. 248 с.

14. Чудинов А.П. Принципы современной когнитивной лингвистики // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Тезисы III Международной научной конференции 27–28 апреля 2006 г. Челябинск. С.55-56.

*Богуславская Е.Л.
ИИЯ УрГПУ, Екатеринбург, Россия
eboguslavskaya@yahoo.com*

ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЙ ПРИДАТОЧНОЙ ЧАСТЬЮ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Образуемые благодаря соединению двух или более синтаксических конструкций посредством подчинительных союзных элементов сложноподчиненные предложения представлены в различных языках большим разнообразием структур и функционально-семантических типов, которые могут быть выделены и обычно выделяются на самых разных основаниях. Указанное обстоятельство обуславливается «не только расхождением во взглядах на сущность и природу соответствующих построений, но и тем, что сами они — в силу своих объективных свойств — требуют, по-видимому, многомерного (разноаспектного) подхода» [Распопов 1973: 148]. Существуют различные системы классификации СПП: функциональная, морфологическая, формальная, семантическая. Отсутствие унификации

классификации и терминологии может создавать трудности при проведении сопоставительных исследований [Саржина 2012: 84, Шемшуренко 2011].

В отечественных грамматиках английского языка «придаточным определительным называется предложение, играющее в составе сложноподчиненного предложения роль определения к одному из его членов, выраженному существительным (реже местоимением)» [Бархударов, Штелинг 1973: 413]. В основе данного определения лежит традиционная **функциональная (логико-семантическая классификация) СПП**, которая исходит из синтаксической функции придаточного по отношению к главной части. При этом придаточные приравниваются к членам предложения и выделяются предложения: подлежащные, сказуемые, дополнительные, обстоятельственные и определительные. «Отличие придаточных предложений от обычных членов предложения заключается в том, что, в силу наличия в них сказуемого, они способны выражать различные модальные и временные отношения» [Бархударов, Штелинг 1973: 393].

В работах по синтаксису сложного предложения зарубежных лингвистов, которые, как правило, опираются на **формальную и морфологическую классификации СПП**, определительные придаточные предложения принято называть «придаточными относительными» (Relative clauses), поскольку они вводятся относительными местоимениями и наречиями, или «адъективными придаточными» (Adjective clauses). Как известно, формальная классификация исходит из характера основных средств связи предикативных частей — союзов и союзных слов. В рамках этой классификации различаются: а) сложноподчиненные предложения с придаточными, присоединяемыми союзами, и б) сложноподчиненные предложения с придаточными, присоединяемыми союзными словами. Дальнейшее их деление определяется характером союза или союзного слова. Морфологическая классификация исходит из того, какой частью речи является слово, к которому присоединяется придаточное (различаются приглагольные и приименные придаточные), или из аналогии придаточного с определенной частью речи. В связи с этим различают сложноподчиненные предложения с субстантивными, адвербиальными, адъективными придаточными. Во втором случае «речь идет опять-таки об аналогии придаточных предложений и членов простого предложения, только последние обозначаются в терминах соответствующих таксономических классов» [Левицкий 2002: 182].

Часто термины «придаточные определительные», или «придаточные адъективные» (Adjective clauses), и «придаточные относительные» (Relative clauses) используются как синонимы [Calderonello et al. 2003: 270—276]. «The relative clause, traditionally called the adjectival clause because it modifies a noun, is typically a postmodifier to the noun head»¹

¹ Придаточное относительное, традиционно называемое адъективным придаточным, поскольку оно служит определением к существительному, выполняет функцию постпозитивного атрибута именной группы.

[Winter 1982: 54]. На наш взгляд, целесообразнее разграничивать эти два понятия и для придаточных в предложениях типа *That is the man who has saved your child* 'Вот человек, который спас вашего ребенка' использовать термин «придаточное определительное», так как он подчеркивает функцию структуры, а не ее форму. К разряду относительных конструкций принадлежат не только определительные, но и другие типы придаточных, в которых встречаются относительные местоимения и наречия. «Часто слово, к которому непосредственно относится рассматриваемое местоимение или наречие, может быть опущено. В таком случае функции относительных местоимений и наречий расширяются: мы получаем то, что обычно называется "конденсированными относительными словами" (Condensed Relatives): ср., например, *Who says that is right* 'Тот, кто говорит это, прав', где придаточное предложение как бы вытесняет подлежащее в более полном предложении *He who says that is right* и занимает его место» [Смирницкий 1957: 95]. В английской лингвистической литературе конструкции с «конденсированными относительными словами» называют *free relatives* [McCawley 1988: 417], или *independent relatives* [Huddleston 1971: 233].

В современной русистике ведущей является **структурно-семантическая классификация СПП**, основанная на общем характере связи между частями сложного предложения. Различаются предложения расчлененные (двучленные), в которых придаточное предложение соотносится со всем главным предложением и не является необходимым для законченности его структуры и содержания. Таким предложениям противопоставляются нерасчлененные (одночленные) сложноподчиненные предложения, в которых придаточное определяет лишь одно из слов главного, то есть «может рассматриваться только в функции развернутого члена "главного" предложения» [Поспелов 1950а: 331] и не может быть исключено из фразы.

Положение об одночленных и двучленных сложноподчиненных предложениях, разработанное Н. С. Поспеловым для русского языка, было использовано В. Н. Жигадло и др. для установления специфических особенностей сложноподчиненного предложения в английском языке. Основным критерием, позволяющим отличить двучленные сложноподчиненные предложения от одночленных, в современном английском языке является степень грамматической и смысловой законченности главного предложения. В двучленных предложениях главное выражает относительно законченную мысль, дополняемую или уточняемую в придаточном предложении. «Грамматическими признаками структурной законченности главного предложения в двучленном построении являются: 1) наличие обоих главных членов предложения — подлежащего и сказуемого, и 2) отсутствие в главном предложении слов, коррелирующих, или так или иначе соотносенных, с придаточным предложением или требующих уточнения своего значения при помощи придаточного предложения. Помимо этого, важным грамматическим признаком большинства двучленных предложений является отсутствие закрепленного места

придаточного предложения. Такое предложение может стоять перед главным, после него и, реже, внутри него» [Жигадло и др. 1956: 316—317]. В английском языке двучленными являются определительные придаточные предложения описательного характера, одночленными — ограничительные определительные придаточные.

В работах исследователей русского языка имеется немало трудов, в которых сводятся воедино различные подходы к изучению СПП и даются построения такой общей многоступенчатой классификационной схемы, которой предусматривался бы всесторонний и исчерпывающий охват разнообразных фактов гипотаксиса [Белошапкина 1967: 105—126; Орлов 1970; Крючков, Максимов 1977]. При этом некоторые лингвисты признают деление сложноподчиненных предложений на одночленные и двучленные излишне схематичным и полагают, что живым фактам языка более соответствует «деление сложноподчиненных предложений на предложения, придаточная часть которых относится к одному из слов главной части, и предложения, придаточная часть которых присоединяется ко всей главной части» [Крючков, Максимов 1960: 21].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бархударов Л. С., Штелинг Д. А. Грамматика английского языка. М.: Высшая школа, 1973. 423 с.
2. Белошапкина В. А. Сложное предложение в современном русском языке: Некоторые вопросы теории. М.: Просвещение, 1967. 160 с. Жигадло В. Н., Иванова И. П., Иофик Л. Л. Современный английский язык. Теоретический курс грамматики. М.: Изд-во литературы на ин. яз., 1956. 351 с.
3. Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. Типы сложноподчиненных предложений с придаточной частью, относящейся к одному слову или словосочетанию главной части // Вопросы языкознания. 1960. № 1. С. 12—21.
4. Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения. М.: Просвещение, 1977. 192 с.
5. Левицкий Ю. А. Основы теории синтаксиса. М.: УРСС, 2002. 236 с.
6. Орлов К. П. К вопросу о классификации сложноподчиненных и придаточных предложений русского языка // ФН. 1970. № 5.
7. Поспелов Н. С. О грамматической природе сложного предложения // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Мин. просвещения РСФСР, 1950а. С. 321—337.
8. Распопов И. П. Очерки по теории синтаксиса. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1973. 220 с.
9. Саржина Е. М. Сложное английское предложение в разных грамматических традициях: проблемы терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (14). С. 84—87.

10. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М.: Изд-во лит. на ин. яз., 1957. 286 с.

11. Шемшуренко О. В. Сложноподчиненное предложение в русском, английском и турецком языках: к вопросу о принципах классификации // Казанская наука, 2011. № 8. С. 183–185.

12. Calderonello A., Martin V. S., Blair K. L. Grammar for Language Arts Teachers. Longman, 2003. 474 p.

13. Huddleston R. D. The Sentence in Written English. A Syntactic Study Based on an Analysis of Scientific Texts. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. 344 p.

14. McCawley J. D. The Syntactic Phenomena of English. Volume 2. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1988.

15. Winter E. O. Towards a Contextual Grammar of English: The Clause and its Place in the Definition of Sentence. London: GEORGE ALLEN & UNWIN, 1982.

*Глазырина А.И., Антонова А.В.
ИИЯ УрГПУ, г. Екатеринбург, Россия
glazyrina-anna@mail.ru*

ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ В РУССКОМ КОМПЬЮТЕРНОМ ПОДЪЯЗЫКЕ: ДАННЫЕ КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА

В настоящее время компьютерные технологии с каждым днем набирают популярность, появляются новые приспособления, процессы, возникают явления и вместе с ними появляется необходимость в их номинации. Изучением этих лексем и процессов, связанных с ними, занимается терминоведение.

С течением времени термины переходят в общую лексическую систему языка, тем самым обогащая его. Это обусловлено тем, что компьютерные технологии популяризируются, получая массовое распространение. Данное явление принято называть детерминологизацией. Н. С. Валгина относит детерминологизацию к одному из активных процессов в современном русском языке [Валгина 2003].

Следует отметить, что в русском языке выделялось несколько периодов, когда он активно принимал лексические единицы из терминологических систем, например, в эпоху научно-технической революции. Сейчас наступила новая эра – эра компьютерных технологий и Интернета, что повлекло за собой создание специального компьютерного подъязыка, состоящего из компьютерного (профессионального и любительского) жаргона (сленга) и технических терминов, представляющих на сегодняшний момент достаточно богатую терминологическую систему. И та, и другая части компьютерного подъязыка активно представлена в СМИ и Интернет. Как следствие, термины начинают употребляться в широком, неузкоспециализированном, контексте.

По мнению А. В. Суперанской [Суперанская 2004], при детерминологизации изменяется интенция и экстенция термина. Под интенцией понимается способность точно и однозначно именовать выделенное исследователем понятие. Под экстенцией – зона применения термина. Так же А. В. Суперанская выделяет две стадии детерминологизации: 1) вхождение термина в виде слова с терминологическим значением в общеупотребительный состав языка; 2) уже в общеупотребительном языке перенос значения этого терминологического слова и возникновение бытового слова на его основе (часто метафорически) [Суперанская 2004].

В результате увеличения числа пользователей компьютеров и сети Интернет терминологическая лексика становится известна не только профессионалам. Однако рядовые пользователи имеют лишь примерное представление о значении этих терминов.

Таким образом, детерминологизированное определение охватывает только основное значение термина. В ходе детерминологизации отпадают «второстепенные» для непрофессионала признаки. Следовательно, в лексемах, зарегистрированных в толковом словаре в отличие от специальных, отсутствует ряд сем, выражающих некоторые функции устройств компьютера, организацию и компоненты механизмов, возможности компьютера, размер и характеристики памяти устройств компьютера, а также отсутствуют семы, определяющие принадлежность того или иного устройства/явления к компьютерной сети.

Например, в толковом словаре русского языка начала XXI века под редакцией Г. Н. Складневской лексема *палмтоп* имеет следующее определение: «*персональный организатор*», при этом в специальном словаре информатики и компьютерных технологий [Фридланд, Ханамирова, Фридланд 2003] *палмтоп* определяется как «*вид портативного компьютера, по размерам и весу напоминающий записную книжку, а по функциям и возможностям почти настольный компьютер*».

Сопоставив эти два определения, мы выявили, что в толковом словаре под редакцией Г.Н. Складневской отсутствуют следующие семы: 'портативность', 'функционал полноценного компьютера', 'малый размер/вес'. Однако появляется новая сема – 'персональный организатор'. Здесь мы видим пример того, что содержательная сторона термина претерпела изменения при неизменной форме термина (см. Таблица 1.)

Таблица 1

Компонентный анализ термина/лексемы палмтоп по данным специальных толковых словарей и толкового «Словаря русского языка начала XXI века» под редакцией Н. Г. Складневской

	'персональный организатор'	'портативность'	'функционал полноценного компьютера'	'малый размер/вес'
Скляревская 2005	+	-	-	-
Фридланд 2003	-	+	+	+

Функционируя в терминосистеме, термин служит для номинации определенной единицы и имеет определенные характеристики: системность, однозначность, отсутствие экспрессии. При переходе в общий пласт языка он становится словом с терминологическим значением, соответственно, приобретает лексико-грамматические характеристики слова.

Так, например, в толковом словаре нами была особо отмечена лексема *отсканировать*. В специальных словарях употребляется форма сканировать, при этом дефиниция изменений не претерпевает, оба словаря дают следующее определение: «ввод изображения в память компьютера с помощью сканера». В этом случае содержательная сторона осталась без изменения, а форма слова изменилась. Данный факт можно объяснить тем, что в русском языке только переходные глаголы могут сочетаться с существительными, числительными, местоимениями в винительном падеже.

Возникает необходимость использования слова с терминологическим значением в словосочетаниях, где существительное обозначает объект действия и должно быть использовано в винительном падеже. В связи с этим лексико-грамматические характеристики слова изменяются, форма слова претерпевает изменения, глагол становится переходным.

Воспользовавшись данными Национального корпуса русского языка, мы обнаружили, что лексема *отсканировать* используется в переносном значении, что свидетельствует о второй стадии детерминологизации: «По-моему, автор и режиссер так старался *отсканировать* реальность, что немного перегнул палку» [«Школа», реж. Г. Германика, 2010-2011].

Мы провели компонентный анализ 44 лексем компьютерного подязыка, в ходе которого нам удалось выявить 221 сему. Приведем список всех выявленных нами сем, поскольку он может представлять интерес при для проведении смежных исследований: 'антивирусная программа в оперативной памяти', 'восстановление испорченных файлов', 'выбор структуры и кодирование данных', 'выполнение вычислительной системой', 'выполнение исполнителем', 'выполнение компьютером', 'выполнение неоднократных действий', 'достижение цели', 'замена фрагментов программ', 'использование в странах с другим языком', 'использование другими программами', 'решение задач', 'компьютерная сеть', 'обнаружение и уничтожение

компьютерного вируса', 'обработка', 'переработка программного продукта', 'пересылка из оперативной памяти в регистровую', 'подготовка программы к работе', 'последовательность команд', 'предупредительный сигнал при обнаружении вирусов', 'приспособление к местным условиям', 'программа', 'программная обработка данных', 'программный комплекс', 'совершение конкретной операции', 'специальная организация', 'теоретическая и практическая деятельность по созданию программного обеспечения', 'управление вводом и использованием других программ', 'устройство', 'часть программы', 'сверхбольшой компьютер универсального назначения в вычислительных центрах', 'свободно распространяемый программный продукт с возможностью покупки официальных прав на него', 'устройство компьютера', 'адаптированная версия, активация действия с помощью нажатия', 'быстродействие', 'вариант программы, предоставляющий максимально полное представление о реальной версии', 'ввод в память ЭВМ', 'ввод данных', 'ввод изображения с бумажного носителя', 'ввод изображения с двухмерной плоскости', 'взаимодействие других программ между собой, с аппаратурой и пользователем', 'взаимодействие с головками ввода/вывода', 'взаимодействие с системой обработки данных', 'внешнее запоминающее устройство компьютера', 'внешний носитель информации', 'внешняя память', 'возможность установки программного продукта', 'воспроизведение национальных шрифтов', 'вращение диска', 'всемирное объединение информационных некоммерческих компьютерных сетей', 'соединение через мост/маршрутизатор', 'вспомогательное устройство ввода информации в компьютер', 'вспомогательные функции', 'выбор программ или функций', 'вывод информации на бумажный носитель', 'вывод информации на пленку', 'вывод кода соответствующего знака', 'вывод на бумажный носитель', 'вывод на экран дисплея', 'выполнение операций', 'вычислительная машина', 'гибкий магнитный диск, используемый в ЭВМ', 'главная часть системного программного обеспечения', 'грамматическая конструкция', 'движение объекта на экране компьютера', 'демодуляция аналогового сигнала в цифровой', 'демодуляция сигнала', 'демонстрационная версия компьютерной программы', 'длительное хранение данных', 'долговременное хранение', 'доскональное изучение вычислительных систем для расширения их возможностей', 'единичность', 'запись данных на носитель', 'запоминающее устройство компьютера, обеспечивающее хранение данных на магнитной ленте', 'знак операции', 'знание операционной системы и работа с машинными кодами', 'иллюзия', 'информация, полученная и передаваемая по сети передачи данных', 'использование в терминальном оборудовании', 'использование для быстрой перезаписи', 'использование для создания вычислительных систем', 'использование жидких кристаллов или электронно-лучевой трубки', 'использование ресурсов компьютеров и программ', 'использование символов кириллицы', 'команда компьютерной программы', 'коммутация', 'часть машины', 'комплексное представление

информации', 'компьютер, подключенный к сети', 'компьютер', 'компьютерный взломщик', 'конструкция языка программирования', 'контроль потока данных, проходящих через устройство', 'круглая пластина', 'крупный сайт', 'локальная вычислительная сеть', 'магнитные диски', 'малый размер/вес', 'манипулятор', 'массовость', 'многопроцессорность', 'модем для приема и отправки факсов', 'модуляция данных', 'модуляция цифровых сигналов в аналоговые', 'передача аналоговых сигналов', 'мощность', 'мощный суперсервер, используемый в мощных сетях для выполнения огромных научных расчетов', 'нагрузка линии связи', 'наличие дисплея и клавиатуры', 'наличие интегральной схемы', 'наличие клавиатуры', 'наличие концентрических дорожек покрытых запоминающим материалом', 'приведение во вращение относительно головок записи/чтения', 'наличие матрицы из игл, ударяющих по красящей ленте', 'наличие одного корпуса', 'наличие упаковки', 'наличие чувствительного элемента встроенных кнопок и лупы', 'наличие экрана', 'нанесение микросхемы на кристалл', 'нанесение на тонкую кремниевую пластинку', 'необходимые для выполнения данные и параметры', 'неполные функции', 'несъемный компонент компьютера малого размера, содержащий головки записи/чтения', 'обеспечение воздействия на человека', 'обеспечение доступа к Интернет', 'обеспечение доступа пользователя к серверу', 'обеспечение контроля процессов и управление системой', 'обеспечение многопользовательского режима', 'обеспечение обмена данными между рабочими станциями', 'обработка полученной информации в ответ на запрос', 'объединение данных, звука, анимации и графики', 'объединение сетей в пределах одного или соседних зданий', 'объем информации в компьютерной сети за определенный промежуток времени', 'ограничение срока действия', 'определение местонахождения объекта', 'основополагающие элементы системы', 'особая среда', 'осуществление приема и передачи сообщений', 'отображение текстовой и графической информации', 'передача данных в графическом виде по телефонным каналам', 'передача данных в цифровом виде', 'передача сигнала по телефонной линии', 'перенос данных с одного компьютера на другой', 'персональный организатор', 'печатающее устройство', 'печать алфавитно-цифровой и графической информации', 'портативность', 'порча файлов/уничтожение данных', 'последовательность машинных операций', 'построчный вывод информации на печать', 'предоставление информации', 'предоставление сервиса', 'предоставление услуг', 'прием аналогового сигнала', 'прием/передача данных', 'применение в компьютерных играх', 'программа, обслуживающая отдельные устройства компьютера', 'программа', 'программист высокого класса', 'программный комплекс, обеспечивающих взаимодействие клиента с сервером', 'просмотр информационных страниц', 'процесс создания', 'путеводитель по Интернету', 'работа с устройствами ввода /вывода и носителями', 'рабочее место пользователя вычислительной сети', 'регистрация у владельца авторского права', 'редактирование/управление', 'режим

взаимодействия пользователя и компьютера', 'рекламная, несанкционированная почтовая рассылка', 'рекордный объем памяти', 'система обмена информацией с помощью компьютерной сети с использованием модема', 'совокупность клавиш для ввода данных в ЭВМ', 'совокупность программных средств, обеспечивающих управление компьютером', 'совокупность удаленных вычислительных сетей', 'создание виртуальной реальности', 'создание помех в работе/искажение результатов вычислений', 'несанкционированная деятельность с устройствами и данными', 'самораспространение', 'создание программного продукта', 'специальный режим', 'способ организации диалога между пользователем и компьютером', 'способность самопроизвольно присоединяться к другим программам', 'стартовый сайт для широкой аудитории', 'схема взаимодействия рабочих станций и сервера', 'считывание данных с носителя', 'съёмность', 'технологии', 'тип персонального компьютера', 'точка соединение ветвей электрической цепи', 'управление движением курсора', 'управление положением курсора на экране', 'управление', 'упрощение использования других программ и работы с ЭВМ', 'установка пакетов магнитных дисков', 'устройство ввода графической информации в виде планшета', 'устройство ввода изображения', 'устройство вывода данных из компьютера в графическом виде', 'устройство вывода информации из компьютера', 'устройство компьютера', 'устройство отображения информации', 'устройство ручного ввода', 'устройство ручного управления в виде наклоняющегося рычажка', 'устройство', 'фиксация положения курсора кнопкой', 'функционал полноценного компьютера', 'функционирование в результате перемещения по поверхности', 'хранение резервных копий', 'электронная деталь ЭВМ', 'элемент клавиатуры'.

Наиболее частотными являются следующие семы: 'устройство компьютера' (3.16 % от общего количества сем), 'программа' (6.3%), 'хранение' (3.6 %), 'обработка информации' (3.16%), 'память' (2.7%), 'малый размер/вес' (2.26%). Как уже упоминалось ранее, чаще всего «выпадают» именно семы, отражающие функции устройств.

Таким образом, мы видим, что популяризация компьютерной техники и Интернета в современной жизни человека способствует тесному контакту языка повседневного общения и языка профессионального общения: новые концепты и понятия изменяют и пополняют не только нашу речь, но и то, как мы мыслим и рассуждаем.

Во всяком человеческом обществе создаются сложные системы, специально предназначенные не только для передачи общих и конкретных знаний, представлений о мире и самом человеке, но и для формирования особых эстетических конструкций, рассчитанных на отдаленные перспективы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие. – Москва, 2003.
2. Суперанская, А.В, Подольская, Н.В, Васильева, Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. – Москва, 2004.

3. Складская, Г.Н, Ваулина, Е.Ю, Ткачева И.О. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. – Москва 2003.

4. Национальный корпус русского языка http://search.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EE%F2%F1%EA%EO%ED%E8%F0%EE%E2%E0%F2%FC+%F0%E5%EO%EB%FC%ED%EE%F1%F2%FC

5. Фридланд, А.Я, Ханамирова Л.С., Фридланд И.А. Информатика и компьютерные технологии. Основные термины. Толковый словарь. - Москва 2003.

Ерофеева Е.В.
ИИЯ УрГПУ, Екатеринбург, Россия
erofeeva@2-u.ru

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ОПТАТИВОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Многие лингвисты относят РА пожелания к бехабитивам (экспрессивам) наряду с извинением, похвалой, поздравлением, сожалением, оскорблением и др. Напомним, что целью данных РА является вербальное выражение реакции говорящего на поведение других людей и повороты их судьбы. Они включают также отношение к чьему-то поведению в прошлом или будущем и эксплицитное выражение этого отношения.

Некоторые лингвисты [Сусов И.П., 1983:5] рассматривают высказывания-пожелания в качестве отдельного класса оптативов. При выражении оптативности существенную роль играют лексические значения имен существительных и глаголов, образующих оптативные конструкции. У существительных речь идет о значениях одушевленности/неодушевленности, у глаголов о значениях интенциональности/неинтенциональности.

Значение пожелания также требует личного субъекта, но допускает использование как интенциональных, так и неинтенциональных глаголов, например: *Que ta vie soit longue et heureuse ! Живи долго и счастливо!* Чаще всего пожелание относится к тому, что от человека прямо не зависит (счастье, здоровье, долголетие), этим и обусловлено употребление в таких высказываниях неинтенциональных глаголов.

Именно пожелания выражаются в повелительных предложениях с глаголами психологических и эмоциональных состояний типа *любить, радоваться, ликовать, бояться, печалиться, волноваться, беспокоиться, сердиться, помнить, опомниться, верить, знать, понимать*. Все эти глаголы обозначают не вполне контролируемые или даже совсем не контролируемые ситуации: *опомнись! эй, народ, ликуй! бойся их!* и т.п. В неконтролируемых ситуациях волеизъявление выступает как простое пожелание.

Повелительные предложения, в которых «каузируется» выполнение полностью или частично неконтролируемого действия, встречаются

относительно редко. В них употребляются глаголы типа *поправляться, выздоравливать*.

РА пожелания включает в себя следующие прагматические типы: пожелания в разговорном обыденном дискурсе, пожелания в застольно-торжественном и праздничном дискурсе. По признаку внеязыковой обусловленности пожелания обыденного дискурса делятся на две разновидности: 1) пожелания, обусловленные релевантными неязыковыми событиями; 2) пожелания, обусловленные аффективными состояниями говорящего.

Наиболее распространенные неязыковые события весьма немногочисленны и поддаются завершённому перечислению: расставание (*bonne route! bon voyage!*), начало трапезы (*bon appetit!*), чихание (*à tes/vos souhaits! à tes/vos amours!*), отход ко сну (*bonne nuit!*). Пожелания, обусловленные аффективным состоянием говорящего, употребляются для выражения говорящим своих положительных эмоций:

(1) – *Amusez-vous, soyez joyeuses, portez-vous bien! Vive la joie! Развлекайтесь, веселитесь, чувствуйте себя хорошо! Да здравствует радость!* [BLN, с. 18]

Под застольно-торжественным дискурсом понимаются разновидности РА, которые конвенционально возможны и социально одобряемы при проведении разного рода групповых застольных мероприятий, как ритуального характера (свадьбы) так и неритуального. Например: *A votre santé! За здоровье!*

Основываясь на данных толковых словарей русского и французского языков, а также, опираясь на фактический материал, мы считаем возможным придерживаться следующего определения речевого акта пожелания: *вербально выраженное желание говорящего увидеть реализацию чего-либо положительного для слушающего, третьего лица или себя самого*. Желание реализации чего-либо негативного не соответствует коммуникативной направленности речевого акта пожелания, и подобные высказывания следует отнести к РА проклятия, угрозы, оскорбления.

Семантическая модель РА пожелания подразумевает употребление в первой части глагола *желать (souhaiter)* в строго перформативном смысле, что ясно указывает на коммуникативную направленность РА. Например:

(2) – *-Je vous souhaite que vous ayez la possibilité de passer plus de temps en plein air! Я желаю вам иметь возможность проводить как можно больше времени на свежем воздухе!* [PDO, с. 68]

Вторая часть высказывания представляет собой гипотетическое предположение положительной бенефактивности для адресата. Она может быть выражена:

1) глаголом в сослагательном наклонении:

(3) – *Nous souhaitons que vous passiez bien vos examens. -Мы желаем вам удачно сдать экзамены.* [ECA, с. 86]

2) инфинитивом глагола в положительной или отрицательной форме:

(4) - *Je souhaite à tous d'avoir notre fidélité!* - Я желаю всем быть такими же верными как мы! [AAF, с. 289]

3) существительным, выступающим в роли прямого дополнения к глаголу «желать»:

(5) - *Je vous souhaite beaucoup de bonheur!* - Я желаю вам много счастья! [AQC, с. 154]

Исследовательский материал показывает, что наряду с перформативной моделью на практике используются примеры выражения пожелания в форме повелительного наклонения глагола:

(6) - *Soyez heureux! - Будьте счастливы!* [PDO, с. 19]

На наш взгляд, данные РА уместнее было бы рассматривать среди директивов, так как для достижения результата они предполагают совершение адресатом некоторых действий. Также широко распространены в языке речевые реплики-клише со значением пожелания, что можно объяснить экономичностью речи: *Bonne et heureuse année! Bon voyage!* и др. Перформативный глагол в таких высказываниях избыточен, а предполагаемая польза для адресата определяется.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кайкова И.Б. Прагматический аспект предложения (на материале побудительных высказываний немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1993. - 16 с.

2. Михалевич В.И. Референциальная и прагматическая направленность ретрогрессивных высказываний в современном французском языке: Дис. ... канд. филол. наук. - Минск, 1989. - С. 105-130.

3. Никитина Н.Н. Вокативные и императивные высказывания в прагматическом аспекте: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1988. -17 с.

4. Почепцов Г.Г. Прагматический аспект изучения предложения // ИЯШ. - М., 1975. - № 6. - С. 15 -26.

5. Ранних Н.А. Речевой акт пожелания и способы его выражения в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1994. - 16 с.

6. Серль Дж. Р. Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1986 - Вып. 18: Логический анализ естественного языка. - С. 242 - 263.

7. Сусов И.П. К предмету прагмалингвистики // Содержательные аспекты предложения и текста: - Калинин: КГУ, 1983. - С. 3 -15.

8. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. - М.: Русский язык, 2002.

9. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива: Русский императив. - Л., 1986. -270 с.

Словари

1. Robert P. Le nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue fr. Nouvelle Ed. millésime - Paris: Le Robert, 2008. - 2838 p.

2. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н.Ушакова в 4-х томах. - М.: Астрель: АСТ, 2000.

Источники примеров

- AAF - Arnothy Ch. L'ami de la famille. - Paris: B - Grasset, 1984. - 348 p.
AQC - Arnothy Ch. Une question de chance. - Paris: Plon, 1995. - 294 p.
ECA - Exbrayat. Un coeur d'artichaut. -Paris: Librairie des Champs - Elysées, 1990. - 186 p.
BLN - Barjavel. La nuit des temps. – Paris : Presse de la cité, 1999. – 381 p.
PDO - Pinte J.-L. Les douleurs de l'oubli. - Paris: Mercure de France, 1992. - 186 p.

*Ковтуненко И.В.
ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия
kivi05@rambler.ru*

РУССКИЕ И ФРАНЦУЗСКИЕ СОЧИНТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ С КОНКРЕТИЗАТОРАМИ: СПЕЦИФИКА СОЧЕТАЕМОСТИ

В современной лингвистике весомое место занимают описания соединительно-связочных средств языка, в качестве которых могут быть использованы различные формы наречий, местоимений, частицы и слова модального происхождения. Описываемые соединительно-связочные средства являются семантическими конкретизаторами связи в предложении или на стыке предложений в тексте. Как отмечают Р.Д. Кузнецова, Е.Т. Черкасова, М.И. Черемисина, Г.Ф. Гаврилова, Н.В. Малычева существование конкретизаторов в языке обусловлено тем, что они восполняют в системе средств связи те звенья, которые содействуют более точной дифференциации самой связи [Малычева 2003: 111].

В исследовании взаимодействия значения единиц внутри сочинительной конструкции теория «вторых союзных элементов», «союзных функций» (М.И. Черемисина), «союзных скреп» (А.Ф. Прияткина) «конкретизаторов» явилась крупным шагом в изучении синтаксиса. Конкретизаторы, встречающиеся при союзах в сложносочиненном предложении (далее ССП), достаточно полно описаны в Академической грамматике (1970), Русской грамматике (1980), а также в работах М. В. Ляпон, Т. А. Колосовой, М. И. Черемисиной, однако вопрос о возможности функционирования специфических союзных сочетаний в сложном синтаксическом целом (далее ССЦ), остается открытым.

Синтагматические свойства союзных конкретизаторов проявляются в их способности сочетаться с первообразными союзами **«и»**, **«а»**, **«но»**, **«да»**, причем конструктивные свойства скреп не нарушаются; происходит своеобразное перераспределение функций: союзная скрепа – это показатель структурно-семантических отношений между предложениями сочиненной конструкции, а сочинительный союз является дополнительным средством связи, усиливающим и подчеркивающим значение скрепы. В этом плане союз **«и»** образует со скрепами свободные соединения. Свидетельством тому служит возможность опущения союза без ущерба для структуры всей

конструкции [Гайломазова 2007: 109]. Ряд конкретизаторов, таких как «**вот**», «**тут**», «**здесь**», «**тогда**» «**вдруг**», использующихся и в сложносочиненном предложении, в ССЦ изменяют свое значение, внося в текст коннотацию неожиданности, внезапности, например: *Через два года никого из стариков уже не было. **И тогда** Миша рассказал Марине всю эту историю (Л. Улицкая, Люди нашего царя); Я – мама. Но **все равно** надо три дня, наверное, пока поймешь, что ты мама (А. Геласимов, Жажда); Была секунда, когда я решил, что пришла смерть, и смерился с нею. **И вдруг** все кончилось – он отпустил меня и отскочил (В. Пелевин).*

В первом случае конкретизатор «**тогда**» усиливает значение следствия, во втором «**все равно**» усиливает противительно-уступительное значение, в третьем «**вдруг**» выражает нечто не соответствующее ожиданиям. Конкретизатор является показателем структурно-семантических отношений, возникающих между предложениями сочиненной конструкции. В данных ССЦ союз и наречие образуют свободное соединение, так как при опущении союза структура предложения не страдает. Ср.: *Через два года никого из стариков уже не было. **Тогда** Миша рассказал Марине всю эту историю.* Мы видим, что опущение союза «и» возможно без ущерба для структуры всей конструкции, но субъективное значение внезапности, неожиданности возникновения какой-то ситуации в ССЦ свойственно всему союзному сочетанию «**и тогда**». В ССП же такое сочетание способно выражать лишь последовательность результативно связанных фактов.

При опущении же лексемы «**вдруг**» исчезает сема удивления, неожиданности факта, а при ней эта сема имеется. В ССЦ создается значение семантического контраста, определяемый эффектом обманутого ожидания. Однако эффект обманутого ожидания невозможно создать при употреблении двойных союзов (*не только,... но и; не то...не то; то ли...то ли и др.*), например: *И он восхищался своим отцом, который - маленький, сухой и одноглазый - был среди своих товарищей **не только** равным, **но и** особо уважаемым: в те годы вся страна еще распевала военные песни, написанные на его стихи (Л. Улицкая).* В представленном предложении повествование плавное, без резких скачков.

«Эффект обманутого ожидания для читателя основан на предугадывании, или на предсказуемости, и нарушении этой предсказуемости. Суть эффекта обманутого ожидания состоит в следующем: непрерывность, линейность речи означает, что появление каждого отдельного элемента подготавливает последующие. Последующее дано в предыдущем. При такой связи переходы от одного элемента к другому мало заметны. Но если на этом фоне появляются элементы малой вероятности, то возникает нарушение непрерывности, которое действует подобно толчку: неподготовленное и неожиданное создает сопротивление восприятию, преодоление сопротивления требует усилия со стороны читателя, а потому сильнее на него

воздействует» [Шевченко 2003: 50-51], что подтверждается в рассматриваемых выше ССЦ.

Как было отмечено выше, круг союзных сочетаний, использующихся в функции средств связи в ССЦ, заметно шире, чем в ССП. Если «Русская грамматика» (1980) фиксирует около 80 конкретизаторов, возможных в ССП, то при анализе ССЦ их насчитывается более 100. Выделяется большая группа специфических союзных сочетаний, специализирующихся на употреблении в ССЦ. Это следующие союзные сочетания: **«и даже», «и действительно», «и в самом деле», «и уже» («уж»); «и тут», «и здесь»; «а вот», «а там», «а затем», «а тут еще», «но вот», «но тут», «но еще», «но уже» («уж»).** Во французской грамматике это союзные сочетания: **«et même», «et en effet», «et aussi», «et puis», «et pourtant», «et etc», «ou bien».** Союз **«or» («а», «же»)**, как правило, совмещает в себе и значение сочетающихся с ним наречий **«ну и вот», «но вот»; «итак»; «однако»; «а ведь».** Однако употребление **«or»** в качестве наречия в значении *«теперь», «сейчас»* для современного французского языка является устаревшей формой.

Особенность употребления в ССЦ достаточно широкого круга конкретизирующих значение союза элементов, объясняется тем, что эти уточнители сами по себе специализируются на субъективном (ментальном) представлении факта (уверенность, неожиданность для говорящего и пр.), поэтому вполне естественно употребление этих конкретизаторов в ССЦ, неаналогичных ССП, представляющих собой полифоничное повествование и допускающих совмещение нескольких субъектно-речевых планов.

Характерной особенностью ССЦ является функция ретроспекции к содержательно-фактуальной информации в верхнем контексте, с чем связано употребление таких союзных сочетаний, как **«и вот», «вот и».** Эти союзные сочетания позволяют осуществить возврат к микротеме текстового фрагмента, внутри которого происходит прерывание континуума, когда автор текста намеренно уводит повествование в сторону с целью сообщить какие-то дополнительные сведения, необходимые для адекватного распознавания текста. Союзное сочетание **«и вот»** при поддержке лексического повтора и системы словопорядка возвращает повествование в русло описательного текстового регистра. Этот сочетание обеспечивает анафорическую связь с микротемой текстового фрагмента (ССЦ), вводя в ткань повествования парадигматически сходные элементы в синтаксически эквивалентных позициях, что и создает параллелизм в построении текстового фрагмента, т.е. отрезка текста, состоящего из двух и более блоков информации, объединенных общей микротемой.

Коннотативное значение неожиданности, внезапности, сопровождающееся отсутствием смысловой координации, может быть параллельным, например, причинно-следственным соотношением содержания коммуникативных единиц, например: *Правда, эта самая наука никак не сможет дать точного ответа на вопрос, изменяла ли*

жена мужу, когда и сколько раз. Но это, возможно, со временем тоже разрешится: прогресс-то идет невиданными шагами. **И вот** образуются шеренги неплательщиков алиментов, отказников, беглецов, и в большинстве своем они люди просто принципиальные: им не денег жаль на чужого ребенка, а исключительно чувство справедливости велит сопротивляться бабьим покушениям... (Л. Улицкая). В представленном ССЦ при помощи союзного элемента «и вот» соединяются два блока информации, объединенные общей микротемой о взаимоотношениях между мужем и женой и проблеме измены в семье, и одновременно читатель осознает, что коммуникативные единицы имеют причинно-следственное соотношение между предложениями.

Во французском языке союз «et» (соответствует русскому союзу «и»), выражая соединительное, последовательное и усилительное значения, в сочетании с наречиями употребляется в смысле «действительно» «et en effet»; «aussi» в смысле «именно»; «с`est en effet... que...», «с`est bien...que...»; в смысле «хотя» «bien que» (+ subj.); в смысле «также» «aussi»; в смысле «даже» «même». Значение союза «et» может уточняться достаточно широким кругом наречий, конкретизирующих его семантику таких как «et puis», «et pourtant», «et etc», а в некоторых случаях союз «et» заменяется наречиями «aussi», «enfin», «ensuit», «puis», «de plus», «bien plus», «même», «or». Например: *Un djinn qui ne sait encore rien de ses propres pouvoirs. **Et, bien sûr**, cette vigueur étonnante, qui suffisait à en faire un être d`une autre nature que sa fille (P. Réju).* – Джинн, который ничего не знал о своих возможностях. **И, конечно**, в ней была та удивительная энергия, одной которой было достаточно для того, чтобы сделать ее человеком, по природе своей совершенно отличным от его дочери (П. Пежю); *Les silhouettes des lycéens somnolents se noyaient dans les grandes vitres noires comme dans les eaux glacées d`un étang. **Tout à coup**, on aurait dit que le prof leur racontait une histoire (P. Réju).* – Отражения дремлющих лицеистов тонули в огромных черных стеклах, словно в пруду с ледяной водой. **Внезапно** ей показалось, что учитель рассказывает им сказку (П. Пежю). В первом предложении значение союза «et» уточняется конкретизатором «**bien sûr**», во втором – автор опускает союз, используя только конкретизатор «**tout à coup**»

Появление при сочинительных союзах различных наречий и частиц восполняет их семантическую недостаточность. Однако свойства связующих наречий по сравнению с союзами (их место в предложении, семантическая структура), показывают, что в данном случае следует говорить о синтаксической транспозиции, а не о полном переходе наречия в союз и появлении омонимов. Разумеется, что здесь выявляются разные степени: ближе всех к союзам стоит наречие «**aussi**», например: *J`étais tellement furieux que j`ai tape du poing sur le bureau, renversant comme des quills un bon nombre de noires figurines. **Aussi** placide que mon diable, le divan somnolait dans l`ombre latérale (P. Réju).* – Я был в такой ярости, что грохнул кулаком по столу, опрокинув при этом, словно кегли, немалое чило черных фигурок. **И**

(а) кушетка такая же невозмутимая, как моя тележка, мирно дремала в тени боковой стенки (П. Пежю).

Разделительная связь во французском языке оформляется посредством союзов «**ou**» («или», «либо»); «**ou bien**» («или» («же»)); «**ou...ou...**» («либо...либо...»); «**ou**» («**alors**») («или же», «и то»). Союз «ou» может быть как одиночным, так и повторяющимся. В некоторых случаях возможно использование союза «ou» с наречиями «**tantôt**», «**plutôt**», что позволяет точнее передать смысл, заключенный в предложении, например: *J'ai encore essayé de convoquer des images affolantes: police, process, prison. **Ou** la perspective d'une existence de meurtrier traqué, la peur au ventre (P. Péju).* – тогда я попытался вызвать в памяти пугающие образы: полиция, суд, тюрьма. Или представить себе существование убийцы, на которого идет облава, смертельный страх (П. Пежю). Сравним: *Maintenant, je suis comme je suis. **Ou plutôt** comme vous m'avez faite (P. Péju).* – Теперь я такая, какая есть. Или, вернее, какой вы меня сделали (П. Пежю). В представленных ССЦ отдельные предложения соединены посредством союза «ou» («или»), однако во втором случае уточняется смысл за счет конкретизатора «**plutôt**» («**вернее**»), что помогает читателю лучше понять отношение героя к происходящему.

Особенностью функционирования союзных конкретизаторов в ССЦ является и то, что в тексте они соединяют предложения, обладающие формальными признаками самостоятельных, т.к. в ССЦ могут использоваться сочетания, обладающие только текстообразующими функциями. Например, круг конкретизаторов, совмещающихся с союзом «а», не совпадает с кругом конкретизаторов, совмещающихся с соединительным союзом «и». Кроме того, круг конкретизаторов, совместимых с союзом «а», в ССЦ шире, чем в сложносочиненном предложении. Потом, «если конкретизатор при союзе «и» только акцентирует, выявляет, актуализирует семантический компонент, потенциально присутствующий в самом союзе, то при союзе «а» конкретизатор часто оказывается носителем значения, непосредственно не связанного с уже имеющейся в ССЦ семантикой этого союза. В этих случаях конкретизатор исполняет роль семантического центра, основного квалификатора отношения и не может быть опущен» [Русская грамматика-80: 62]. Конкретизаторы - носители значения заместительности («зато») и конкретизаторы с альтернативной семантикой не всегда несовместимы с соединительным союзом «и». Русские сочинительные союзы, особенно «и», чаще, чем французские сопровождаются уточнениями типа «**и потому**», «**и там**», «**и, следовательно**», «**и тогда**». Во французском тексте употребляется предпочтительно один союз «et», но может употребляться и сам уточняющий элемент «alors», «c'est pourquoi» и т.д.

Таким образом, в одних случаях конкретизатор образует органическое единство с соответствующим первообразным союзом, например: *Фильм был прекрасен, и все же (все-таки) он мог быть покороче.* В рассматриваемом предложении союз «и» и конкретизатор

«**все же**» образуют единство, так как опущение конкретизатора ведет к резкому изменению значения всего предложения. Следовательно, можно говорить об образовании составного союза. Однако в других случаях конкретизатор факультативен, и союз может употребляться без него.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гайломазова Е.С. Союзные конкретизаторы и их текстообразующая функция, Диссер. канд. филол. наук, 2007.

2. Грамматика русского языка. Под ред. Н. Ю. Шведовой и В.В. Лопатина, М., 1989.

3. Малычева Н. В. Сложное синтаксическое целое с сочинительными союзами. Единицы языка в коммуникативном аспекте: Межвуз. Сб. науч. тр. – Ростов-на-Дону, 1993.

4. Шевченко А.В. Основы лингвистики текста, М., 2003.

5. Черемисина, М.И., Колосова, Т.А. Очерки по теории сложного предложения - Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1987.-197с.

Кузьмина Е.К
КФУ, Казань, Россия
lenysinka@yandex.ru

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ПРАГМОНИМЫ КАК ФРАГМЕНТЫ ГОСТЕВОГО ЯЗЫКА В ТЕКСТЕ РЕКЛАМЫ

Прагмонимы – многочисленная группа лексики в ономастическом пространстве, характеризующаяся разнообразием форм наименований и многочисленностью номенклатуры. Статус, форма и семантика прагмонима неоднократно обсуждались в специальной ономастической литературе, в частности, в работах З.П. Комоловой [Комолова 1969], М.Н. Морозовой [Морозова 1980; 1977], Е.С. Отина [Отин 1974], А.В. Суперанской [Суперанская 1969; 1973; 1993] и многих других. Однако в современной ономастике до сих пор еще отсутствует четкая разработка понятия «прагмоним» в теоретическом плане, а также достаточно полное описание прагмонимии какого-либо языка. В настоящее время отсутствует глоссарий современных прагмонимов, хотя целый ряд наименований находит отражение в специальных справочниках и словарях, но комплексное лингвистическое описание прагмонимов не проведено. Из-за отсутствия разработанных классификаций, ввиду многообразия структурных типов прагмонической лексики, а также в связи с неограниченным количеством самих наименований, перед исследователем прежде всего стоит задача отбора таких единиц, изучение которых могло бы дать возможность сделать необходимые выводы и обобщения, характеризующие не только отдельный вид прагмонимов, но и всю прагмонимию в целом. Такой цели, очевидно, могут служить названия товарных марок крупных фирм и компаний, относящихся к промышленной прагмонимии. Богатый материал для анализа этого разряда имен собственных дает англоязычная прагмонимия в русском

языке. Известно, что прагматика английского языка распространяется и старше русской, что является одной из причин использования англицизмов в качестве прагматиков в русском языке. Теоретическое обоснование возможности изучения названий фирм, их продуктов, товарных марок дается в работах А.В. Суперанской [Суперанская 1969; 1973; 1993].

Прагматик-названия товарных марок крупных фирм и компаний, широко распространены во всех языках. Например:

**Pampers* - компания «Procter & Gamble»

**J adore*. Изысканность и нежность (реклама туалетной воды).

**Maybelline* - Блеск бриллиантов (реклама блеска для губ).

**Ecco* - Обувь для жизни (реклама обуви).

Прагматик может быть использован в различных составляющих рекламного текста. Например:

В заголовке: *Le nouveau parfum femme – Flowerparty chez Yves Rocher* (Новые женские духи – Флауэрпати от Ив Роше)

Pour ce qui aiment le classique et le style libre et sauvage! (Для тех, кто любит классику, свободный и дикий стили!)

Attirer l'attention, être irrésistible, on en a toutes envie ! Voici Flowerparty Yves Rocher, un parfum gai et féminin qui pétille d'impertinence pour charmer à tous les coups! (Привлечь внимание, быть неотразимой, остальные вам завидуют! Флауэрпати от Ив Роше, озорной женский аромат, который искрится дерзостью, чтобы очаровывать каждый раз!)

Un geste d'impertinence : l'orange et la mandarine fusent en une explosion de vitalité et d'optimisme acidulé. (Дерзкий жест: апельсин и мандарин сливаются в терпкий аромат жизненных сил и оптимизма.)

Un cœur palpitant de fleurs et de fruits : le nectar de rose, de framboise et de litchi donne des couleurs vibrantes à la vie et attire l'attention. (Сердце наполняется цветами и фруктами: нектар розы, малины и личи окрашивают жизнь яркими цветами и привлекают внимание.)

Un sillage qu'on reconnaît et qu'on retient: en fond, la vanille crée l'addiction pour qu'on ne vous oublie pas. (Шлейф, по которому узнают и помнят: в глубине, ваниль создает зависимость, из-за которой вас не забудут.)

Vous pouvez acheter ce parfum dans notre magasin du lundi au vendredi de 8h à 21h et le samedi de 8h à 19h, 56 201, Paris, av. Gacilly, Yves Rocher (Вы можете купить эти духи в нашем магазине с понедельника по пятницу с 8 до 21ч и в субботу с 8 до 19ч, 56 201 Париж, просп. Гасилли, Ив Роше)

Flowerparty Yves Rocher, Tout simplement irrésistible! (Флауэрпати Ив Роше, Просто неотразим!)

В основном тексте: *Мое масло. А ваше?*

Если двигателю нужна универсальная защита в любых условиях - ему нужно масло Shell Helix Ultra.

Уникальная формула масла Shell Helix Ultra успешно прошла испытания в команде Ferrari на трассе «Формулы 1» - ведь Михаэль

Шумахер, пилотирующий болид, три раза подряд становился чемпионом мира!

Ваш двигатель тоже защищен от перегрева и изнашивания — благодаря Shell Helix Ultra.

В эхо-фразе: Спрашивайте Shell Helix Ultra в магазинах и сервисных центрах!

В слогане: Shell Helix. Защита двигателя в экстремальных условиях.

For legs that feel a million dollars, 72 cents seem pretty reasonable. (Для ног, которые чувствуют себя на миллион долларов, 72 цента, кажется довольно разумным.)

The Gillettee Daisy Plus shaver is specially designed for Women. With safety twin blades and moisturizing strip that activates when wet. It softens and pampers your skin as you shave, leaving your legs smooth and soft. It's the only shaver that will make your legs feel a million dollars. (Бритва Жиллет Дейзи Плюс разработана специально для женщин. С двумя безопасными лезвиями и увлажняющими полосами, которые активируются при намочении. Смягчает и балует кожу, когда вы бреетесь, оставляя ваши ноги гладкими и мягкими. Это единственная бритва, которая сделает ваши ноги на миллион долларов.)

В эхо-фразе: Recital Performance (заголовок) *For te perfect colour, superb conditioning* (букв.Идеальный цвет для меня, превосходный уход)

Recital offers me a double performance in hair colouring (Реситал дарит мне двойной эффект в окрашивании волос):

- *beautiful colour quality and lustrous long lasting shades* (прекрасное качество цвета и блестящие оттенки на долго)

- *exceptional conditioning leaves my hair soft, silky and manageable. Plus it's reliable and easy to apply thanks to its no-mess gel formula* (исключительный кондиционер делает мои волосы мягкими, шелковистыми и послушными. Плюс, он надежен и прост в применении благодаря своей однородной формуле геля).

Recital offers you all the colour options as well so that you can lighten, darken or enhance your natural colour. (Реситал предлагает вам все варианты цвета, так, что вы можете осветлить, затемнить или улучшить ваш натуральный цвет) (Основной текст)

For advice on home hair colour, ring the L'Oreal expert on (008)338 238 or Melbourne 874 6628 (букв. Для консультации на дому по цвету волос, позвоните эксперту Л'Ореаль на номер (008) 338 238 или эксперту Мельбурна 874 6628) (Эхо - фраза)

Because I'm worth it. (Потому что я заслуживаю это) (Слоган).

Во всех частях рекламного текста:

Выпадение волос: срочно примите меры.

Dercos. Средство от выпадения волос.

Содержит Аминексил. Эффективность подтверждена 76% женщин после 6 недель применения.

Выпадение волос вызвано отвердением коллагена, окружающего корень волоса. Аминексил оказывает воздействие на коллаген и препятствует преждевременному старению и выпадению волос.

Протестирован в клинических условиях. Не делает волосы жирными и липшимися. Не имеет побочных эффектов.

Применять в течение 2-х месяцев 2 раза в год.

Vichy. Источник здоровья кожи.

Очевидно, что использование всех четырех элементов структуры в основном свойственно разъяснительной рекламе, так как необходимо описать товар и обозначить его основные преимущества. Например, отсутствие в сообщении эхо-фразы не сильно влияет на его смысл. Чаще всего такая композиция применяется при построении рекламы информативного типа.

Заголовок: *Jacobs Cappuchino*.

Слоган: *Позвольте себе удовольствию!*

Эхо-фраза: *Jacobs*

В современной ономастике до сих пор еще отсутствует четкая разработка понятия «прагмоним» в теоретическом плане, а также достаточно полное описание прагмонимии какого-либо языка. Отсутствует более или менее полное собрание названий такого рода. Хотя целый ряд наименований находит отражение в специальных справочниках и словарях, еще не проведено лингвистическое описание прагмонимов. Прагмонимы еще не собраны, не проведена классификация по их денотативной принадлежности и структуре. Не прослежено их функционирование в языке деловых документов, научной речи, языке газет и журналов, радио и телевидения. Известно, что прагмонимия английского языка распространеннее и старше русской, что является одной из причин использования англицизмов в качестве прагмонимов в русском языке. Теоретическое обоснование возможности изучения названий фирм, их продуктов, товарных марок дается в работах А.В. Суперанской [Суперанская 1969; 1973; 1993].

Особенность и уникальность рекламного текста заключается в том, что несколько текстовых действий могут быть реализованы на вербальном уровне в лаконично свернутой конструкции, на текстовом уровне - в комбинации знаков разных систем. Текстовые действия, как правило, взаимосвязаны и их трудно отделить друг от друга. Так как одно текстовое действие часто включает несколько других, анализ каждого из них в отдельности представляется недостаточным.

Текстовое действие «**назвать предмет**» нельзя в данном случае рассматривать как собственно текстовое, так как название продукту, предмету, марке, фирме дается вне зависимости от текста или конкретного коммуникативного акта. Называние предмета, или первичная номинация, как правило, представляет собой выбор имен собственных, содержащих в своей семантике положительную оценку, или имен, представляющих собой набор звуков, комбинация которых не имеет лексического значения. В экспрессивно-оценочной номинации предметы часто называются звучными, Например:

**SÉRUM VÉGÉTAL 3 with Apple Oligosides, an exclusive line of skin care formulas that respond with precision to the needs and lifestyle of 40-something women. Increased wrinkles? Lack of radiance? Deep wrinkles? Loss of firmness? 2 made-to-measure programs to discover! Wrinkless &*

Firmness program! (SÉRUM VÉGÉTAL 3 с Apple Oligosides это эксклюзивная линия для кожи с защитной формулой, которая с точностью отвечает потребностям и жизненному стилю женщины бальзаковского возраста. Неровности кожи? Глубокие морщины? Потеря эластичности? Откройте для себя двух шаговую программу).

**Première Classe! Nouvel objet du désir signé Apple, le Iphone est déjà convoité par tous les accros du style. Coté performance, le joujou est équipé d'un navigateur web et lit les fichiers audios et videos. Les Américains l'auront dès les mois de juin... Il n'arrivera hélas en Europe qu'à la fin de l'année!* (Первый класс! Новый желанный объект от Apple, Айфон который содержит в себе все возможные функции, игрушки, веб-навигатор, фото и видео. Американцы уже с июня пользуются им.... А в Европе он появится только в конце года!)

В русской рекламе советуют как поступить, диктуют правила жизни: «Дорога ждет твоего прикосновения. Не разочаровывай ее» (реклама шин Continental).

В русской рекламе чаще товар олицетворяется. Например:

** Идеальный партнер для лета - это пара сандалий Ecco Fym, одинаково удобных и на пляже, и на улицах города. Прекрасно подходят и к джинсам, и к шортам. Сочетают в себе все лучшие качества обуви Ecco и уникальную комбинацию свободы и защиты Ваших ног* (реклама обуви). Здесь обувь стала партнером – живым человеком, причем идеальным, исходя из перечисленных характеристик.

Во французской рекламе чаще используются эпитеты характеризующие товар с качественной и эстетической стороны:

**Boots - les produits de beauté qui sont soufflés par la nature et vous. Boots - votre expert de la beauté et la santé.* (реклама косметической марки BOOTS) (Бутс - косметические изделия, которые созданы природой и вами. Бутс - ваш эксперт красоты и здоровья).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Комолова, З.П. Структура и мотивировка глагольных товарных марок Текст. / З.П. Комолова // Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов. Вып. 2. Новосибирск, 1969. - С. 335-338.
2. Морозова М.Н. Имена собственные русского языка (Географические названия). М.: МГУ, 1977. Ч. 2. - 96 с.
3. Морозова М.Н. Очерки по стилистике художественной речи. М.: МГУ, 1980.-103 с.
4. Отин Е.С. Гидронимия юго-восточной Украины: Автореф. дисс. . д-ра филол. наук. Киев, 1974. - 36 с.
5. Суперанская А.В. Структура имени собственного. М.: Наука, 1969. — 207 с.
6. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного Текст. / А.В. Суперанская. - М.: Наука, 1973. 284 с.
7. Суперанская, А.В. Имя собственное как разряд специальной лексики Текст. / А.В. Суперанская // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XV. Ономастика. Кн. I. Ч. I. Имя и культура. М., 1993

ЭМОТИВНЫЕ РАЗГОВОРНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Разговорная речь характеризуется рядом признаков: она спонтанна, не подготовлена, реализуется в неофициальной обстановке, предполагает непосредственное участие говорящих в коммуникации [Ширяев 1982: 106]. Разговор не имеет заранее продуманного плана, он прерывается дополнительными репликами о том, что беспокоит разговаривающих людей в данный момент: «Обычно ни разговор, ни синтаксическое целое, ни даже предложение говорящими не планируется. Это приводит к появлению добавлений, (...) «лишних слов» и к перестройкам фразы на ходу». [Сиротинина 1974: 122].

В разговорной речи основное внимание собеседников уделяется непосредственному отражению процесса мысли, при этом отсутствует забота о форме выражения мысли, отсюда возникает следующий признак: «Ассоциативный принцип организации целого – неизбежное следствие спонтанности речи, ее диалогичности, ситуативности при отсутствии заботы о форме выражения. Он определяется основным фактором разговорной речи – непосредственностью общения». [Сиротинина 1974: 125].

Важная роль в устном общении принадлежит междометиям, выражающим эмоциональное состояние человека. В.А. Белошапкина отмечает следующее: «Среди неизменяемых лексем особое место занимают междометия, слова-предложения, передающие, хотя и не называющие конкретно, различные чувства, такие, например, как удивление, испуг, гнев, радость: *Ба, знакомые все лица!*; *Ага, попались!* Сам характер эмоций подчас не зависит прямо от лексического значения междометия, а возникает в результате контекстуальных воздействий. Например, междометие *ах* вне контекста может означать и радость, и испуг, и разочарование. Неизменяемость является чрезвычайно существенным свойством междометий». [Современный русский язык 1989: 530]. Также отмечается следующая особенность междометий: «Междометиями являются и сложные (состоящие не из одного корня) образования. Например, *боже мой, черт возьми* – междометия, каждое из которых представляет собой одну лексему, хотя графически в каждой из них выделяются две словоформы». [Современный русский язык 1989: 530].

О.Б. Сиротинина выделяет следующие особенности синтаксиса разговорной речи: «Итак, для разговорной речи характерно: а) необычное лексическое наполнение общерусских моделей словосочетаний; б) неограниченная эллиптичность, приводящая к затруднениям синтаксической квалификации членов предложения и типов предложений; в) употребление особых непредикативных коммуникативных единиц (релятив, «указатели», вокатив); г) часто осуществляемый разрыв словосочетаний; д) предпочтение

сочинительных связей подчинительным, ряда коротких предикативных высказываний развернутому; е) широкое распространение «неорганизованных» построений предложения (самоперебивы, добавления, перестройки фразы на ходу; ж) ассоциативный принцип организации речи». [Сиротинина 1974: 125]. При этом под особой конструкцией-релятивом понимается высказывание, содержащее только реакцию на высказывание (*да, нет, конечно, еще бы, еще чего!* и т.д.) или реакцию на ситуацию (*ну и ну! ух ты! спасибо, здравствуйте, привет, до свидания* и т.д.) [Сиротинина 1974: 109]. О.Б. Сиротинина указывает на следующую характеристику релятивов: «Релятивы могут быть очень разнообразны и по их лексическому содержанию (...), и по степени эмоциональности. Часть из них по своему лексическому наполнению является общеязыковыми (они самые нейтральные), другие возможны лишь в разговорной речи (...)». [Сиротинина 1974: 110].

Условия протекания разговорного языка оказывают влияние на его непосредственные лингвистические особенности. Нормы разговорного языка отличаются высокой вариативностью.

В рамках разговорного литературного языка выявляется важная коммуникативная роль конструкций экспрессивного синтаксиса. Экспрессивные синтаксические конструкции имеют эмоциональную направленность и увеличивают прагматический потенциал высказывания. А.П. Сквородниковым отмечается, что «адекватным нам представляется предельно узкое понимание экспрессивности как разновидности прагматической информации, связанной с понятием интенсивности (усилительности). Экспрессивность как семантическая категория (сема интенсивности), как правило, выступает в сочетании с другими составляющими прагматического значения: эмоциональностью, оценочностью, волеизъявлением, стилевой прикреплённостью, эстетической значимостью (образностью, характерологичностью, изобразительностью)». [Сквородников 1981: 13-14]. Экспрессивные конструкции разговорного синтаксиса составляют определенную языковую подсистему со своими структурными характеристиками и семантическими особенностями.

Сопоставительный анализ синтаксической семантики помогает выявлять типизированные модели выражения определенных интенций говорящего в ряде структурно-синтаксических форм в различных языках. Л.П. Чахоян указывает на следующую особенность: «Именно в зависимости от целевой установки говорящий использует и комбинирует семантические и синтаксические блоки, создавая реальное высказывание. (...) Процесс коммуникации – двусторонний процесс, т.е. он связан не только с интенцией говорящего, но и с восприятием речи слушающим. (...) Обе эти стороны коммуникативного процесса наиболее четко можно проследить, исследуя диалогическую речь, которая непосредственно отражает ситуацию общения». [Чахоян 1979: 26].

Сопоставительный анализ диалогической речи позволяет исследовать семантические и структурные особенности разговорного

синтаксиса. Также следует отметить, что в диалогической речи значительно выше возможность выражения эмоционального отношения к фактам по сравнению с другими сферами речевой деятельности.

Эмоции имеют двойное значение для художественной литературы. Во-первых, эмоции являются непосредственным предметом изображения в художественном произведении. Во-вторых, целью каждой авторской работы является вызов эмоционального отклика у читателей. «Именно человек, его внутренний мир, духовные искания и переживания всегда составляли и составляют центр литературного произведения.(...)Эмоциональное содержание – неперенный компонент семантической структуры текста, оно пронизывает всю ткань произведения, не оставляя равнодушным и читателя». [Бабенко 1989: 102].

Изучение разговорных синтаксических конструкций в текстах художественных произведений позволяет исследовать разговорные фразы, выражающие эмоциональные реакции говорящих, в условиях воссоздания писателем стандартных эмотивных типизированных разговорных моделей, существующих в языке, для выражения разнообразных эмоций и чувств героев произведения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск, 1989. – 187 с.
2. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и её особенности. – М., 1974. – 144 с.
3. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. – Томск, 1981. – 255 с.
4. Современный русский язык. Под ред. В.А. Белошапковой. – М., 1989. – 800 с.
5. Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. – М., 1979. – 127 с.
6. Ширяев Е.Н. Структура разговорного повествования. – Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. М., 1982. – С. 106-121.

*Плотникова М.В.,
ИИЯ УрГПУ, Екатеринбург, Россия
plotnikova_mary@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ

Поэтический текст как особый вид художественного текста имеет определенный набор дифференциальных признаков, подлежащих рассмотрению в контексте его исследования. Интерес к поэтическому тексту как объекту исследования не угасает на протяжении многих веков. Исследование поэтических текстов началось еще в Античности, а в Средневековье появились первые теоретические работы, посвященные поэзии.

В отечественном языкознании предпосылки научного изучения поэтического текста появились в начале XX в. с возникновением «Общества по изучению поэтического языка» [Казарин 1999: 6]. В последующие десятилетия выходили многочисленные лингвистические, литературоведческие, психологические и культурологические работы, посвященные поэзии [Веселовский 1940; Виноградов 1963; Жинкин 1963-1965; Шенгели 1960; Якобсон 1975]. К концу XX в. научный интерес к поэтическому тексту возрастает [Винокур 1991; Выготский 1986; Лотман 1996; Томашевский 1983; Тынянов 1993].

Исследователи неизменно выделяют формальные особенности, такие как ритм, рифма, размер и пр., как доминантные характеристики поэтического текста. Однако с развитием стихосложения, появлением новых форм поэзии, формальные характеристики становятся не столь значимыми для лингвистического исследования в данной области.

Основным в работах последних десятилетий, посвященных теории поэтического текста, считается творческое начало. Именно творчество, художественные интенции, образ мыслей поэта, особенности авторской картины мира находятся в центре современных исследований. Неслучайно В. В. Виноградов определил поэтический текст как «средство художественного мышления» [Виноградов 1963:130].

Поэзия по своей сути чрезвычайно метафорична. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, метафору роднят с поэтическим дискурсом следующие черты: 1) слияние в ней образа и смысла, 2) контраст с тривиальной таксономией объектов, 3) категориальный сдвиг, 4) актуализация "случайных связей", 5) несводимость к буквальной перефразе, 6) синтетичность, диффузность значения, 7) допущение разных интерпретаций, 8) отсутствие или необязательность мотивации, 9) апелляция к воображению, а не знанию, 10) выбор кратчайшего пути к сущности объекта [Арутюнова 1990].

Тем не менее, ключевыми в определении поэтического текста и его дифференциации от текста прозаического являются именно формальные особенности. Поэтический текст представляет собой неразрывную связь его формально-смысловых составляющих. Формальные характеристики поэтического текста, в свою очередь, тесно связаны с его жанром.

С развитием текстологии в поэтическом тексте начали выделять различные микро и макроуровни, соотнося их с соответствующими уровнями языка. Соотношение поэтического текста и различных контекстов также является объектом пристального внимания текстологии [Лотман 1996: 115].

Актуальным является вопрос о единице исследования поэтического текста. В зависимости от поставленных задач, авторы принимают за единицу исследования слово (лексему), строку (фразу), строфу (абзац) либо сверхфразовое единство. В контексте исследования поэтического текста целесообразно принимать за единицу исследования строфу, поскольку строфа является основной единицей организации классической поэзии.

Ю. В. Казарин выделил следующие специфические характеристики поэтического текста:

– цельнооформленность (или связность: максимальная степень формализации поэтического текста – просодия, строфика, рифма, интонационный внутренний жест, мелодика, ритм, музыкальность и т. п.);

– законченность (завершенность): а) формальная; б) смысловая; в) интонационно-музыкальная и т. п.);

– идиоматичность (цельность) (отсутствии вариативности плана выражения поэтического текста, полный изоморфизм формы и содержания при наличии максимальной степени вариативности (восприятия поэтических смыслов) последнего);

– невыделяемость из культурного контекста (поэтический текст как часть цикла, книги, этапа творчества поэта, в целом творчества (наследия) того или иного поэта, поэтического направления, школы, диахронического и синхронического ряда национальной поэзии и т. п.);

– индивидуальность (крайне личностный, субъективный вариант реализации поэтических смыслов в той или иной поэтической форме);

– системность и структурность (по типу языковой системы и структуры);

– оптимальность (формально-структурная и смысловая самодостаточность);

– регенеративность (способность поэтического текста к формальной и смысловой подражательности, тавтологии, рефренности и т. п.);

– открытость (смысловая многозначимость и возможность множественной интерпретации смыслов поэтического текста);

– герметичность (устойчивость формально-смысловых индивидуально-авторских кодов, затрудненность читательского восприятия поэтического текста) [Казарин 1999: 9].

Автор отмечает, что все вышеизложенные характеристики не являются законченными, поскольку поэтический текст, как результат творческой деятельности поэта, имеет индивидуальный набор характеристик, обусловленных творческим мышлением последнего.

Таким образом, научное изучение поэтического текста предполагает выделение определенного набора дифференциальных признаков, релевантных для конкретного исследования и зависящих от характерных особенностей художественного мышления поэта.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 3–32.

2. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 256 с.

3. Казарин, Ю. В. Поэтический текст как система: монография / Ю. В. Казарин. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 1999. – 260 с.

4. Лотман, Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. СПб.: Искусство-СПб, 1996. – 846 с.

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА НАРЕЧИЯ *ICI* ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Референция - это соотнесение высказывания и его частей с действительностью - с объектами, событиями, ситуациями, положениями вещей в реальном мире (и даже необязательно в реальном, поскольку высказывание может относиться к миру сказки, мифа, фильма). Главным механизмом осуществления референции в естественном языке служит дейксис (греч. *deiktikos* "указание"). Классическими дейктическими словами являются: *von/вот, здесь/там, сейчас/тогда, я/ты* и их производные. Соответственно этим словам различают пространственный, временной и персональный дейксис.

Исследование, посвященное референции, с неизбежностью обращается в исследование о местоимениях. Местоимения и вообще местоименные элементы языка - главное средство референции [Вольф 1975: 5, Падучева 1985:10]. Изучение значения местоименных слов как средств дейксиса и связности дискурса развивается в основном по линии идентификации референта. Процедура идентификации заключается в выявлении универсальной дейктической или анафорической процедуры, при помощи которой происходит соотнесение местоименного слова со своим референтом, с тем, что оно представляет. Принято считать, что в случае дейктического соотнесения референт принадлежит миру внеязыковой действительности, а в случае анафорического - он является элементом другого акта речи. Чертой дейксиса является способность идентифицировать предмет, лицо путем непосредственного указания на них как находящихся в поле чувственного восприятия коммуникантов. Анафора - указание на элементы контекста, т.е. указание на идентичность одного акта речи или его элементов другому акту речи. В тексте анафорическая структура состоит не менее чем из двух элементов - соотносительной с местоимением лексической единицы или фрагмента текста - «антецедентом» и местоименной конструкции - повтором.

В работе рассматриваются референциальные свойства дейктического наречия места местоименного характера *ici* в функции анафорического слова. Пространственные указания в предложении тесно связаны с механизмом референции - отнесения высказывания к миру. Для человека как носителя любого языка реальный мир существует в виде самой реальной действительности, воспринимаемой органами чувств. «Референциальный мир» обозначает как то, что человек реально наблюдает посредством своих органов чувств, так и то, к чему человек обращается в памяти или воображении. В этой перспективе язык, будучи системой репрезентаций, соответствует описанию воспринимаемого, но он не является его точной репрезентацией. Не все воспринятое человеком, отражается в языке.

Означаемое дейктических наречий места может рассматриваться только во взаимосвязи его системно-языкового значения и значения референциального. Референция к месту как субъективно выделяемой области пространства, границы которого зависят от целого ряда переменных факторов (физиологических, психологических, социальных, особенностей восприятия и др.), осуществляется индексальными словами - в первую очередь местоименными наречиями *ici* «здесь» и *là* «там», указывающими на место, так сказать в чистом виде. Дейктическое наречие места *ici* во французском языке существует (подобно всем другим лексическим единицам) как слово, имеющее ядро значения и окружающую его периферию. Рассмотрение этих значений в речи и тексте убеждает, что наречие *ici* как средство языка воспроизводит то, что окружает человека, его макро- и микромир, те условия и данности, без которых само существование человека невозможно.

Первичной функцией дейктических наречий места является описание физического пространства. В современной лингвистике слово *пространство* употребляется в широком смысле. Как пространство мыслится все, что входит в сферу деятельности человека. Понятие пространства относится не только к физическому пространству, но и к пространству множества, пространству ситуации, пространству функциональной системы типа «завод», «институт» и т.д. [Селиверстова 1983: 142]. Во французском языке наречие *ici* легко допускает переосмысления и описывает положение дел в метафорическом пространстве, удоболяемом физическому. Многозначность наречия как таковая отражена в лексикографии. В словаре Лярусс указаны следующие значения: 1. Indique un lieu identifié avec celui où l'on est; 2. Indique un lieu quelconque à l'intérieur duquel on se trouve; 3. Indique un endroit précis (mais qui n'est pas forcément l'endroit où l'on se trouve); 4. Indique le moment où l'on parle (present); 5. Indique la situation où l'on se trouve, les circonstances dans lesquelles on est actuellement placé, l'ouvrage que l'on écrit, le discours que l'on prononce; 6. Ici et là// Ici-bas [Larousse 1994: 928-929].

В рамках категории пространства в речи и тексте наречие *ici* репрезентирует некоторый ряд глобальных семантических пространств. Анафорическая функция местоименных указательных слов способствует изменениям в их основном значении, поскольку в тексте расширяется круг замещаемых слов, которые могут обозначать не только местонахождение предмета [Иванова 1990: 69]. Помимо пространственных отношений, референциальные значения *ici* выявляют способность выступать членами следующих семантических пространств: а) временного; б) ситуационного; в) социального; г) текстового; д) речевого. Общим свойством дейктических слов является их тесная связь с контекстом или ситуацией. Местоименные слова идентифицируют только в связи с общим смыслом высказывания.

Примерами первичного пространственного значения *ici* могут быть следующие предложения-высказывания: 1) Je dis que je coucherai **ici** [Simenon 1974: 30]. 2) Il faut sortir d'**ici** [Simenon 1974: 81]. В первом

примере референциально *ici* соотносится с понятием трактира, во втором псарни. Основной оппозицией в пространственных отношениях является оппозиция местонахождения и перемещения. Наречие *ici* выражает значения местонахождения и перемещения ввиду высокой степени обобщения и абстрагирования: Je suis **ici** – «я здесь»; Viens **ici** – «иди сюда». Такой особенностью значения обладает наречие *эндэ* «здесь, тут, сюда» в бурятском языке. В русском языке местонахождение и перемещение четко различаются в формах наречий. Наречие *здесь* – это только *где* – наречие. Отношение перемещения обозначается *куда* – наречием – *сюда*.

Временные понятия возникли в ходе переосмысления пространственных концептов, что нашло отражение в построении языковой модели временных отношений по пространственной схеме, т.е. используются понятия о точке, интервале, пределе. Пространственная категоризация при референциальной соотнесенности особенно четко прослеживается в представлении времени как предела, мыслимого кратким отрезком времени: J'ai envoyé quelqu'un d'interroger les quinquailleurs d'alentour. Jusqu'**ici** pas de résultat [Simenon 1983: 75]. Референциально *ici* связано с понятием предела времени в непосредственный момент ситуации. *Ici* во временном значении сопровождается пространственно-временными предлогами *jusque* – до, *de* – с, от, уточняющими предел во времени.

Референциальным значением *ici* может быть понятие социальной группы людей, объединенных межличностными, профессиональными и другими интересами. В следующем примере понятие социальной среды категоризируется пространственно, как «в коллективе»: Les profs aussi arrivent peu à peu et se complémentent mutuelle sur leur mine qui, d'ailleurs, est mauvaise. ... simplement **ici** on rit des devoirs non corrigés, là des devoirs non faits [Simenon 1974: 25]. Референциально *ici* соотносится с понятием коллектива учителей.

Следующее пространство – ситуационное. «Ситуацию можно рассматривать как отрезок отражаемой в языке действительности» [Гак 1998: 252]. В ситуационном пространстве наречие *ici* может обозначать явления, поступки, факты и события. Разные ситуации, обстоятельства воспринимаются как имеющие некое содержание: Est-ce qu'il tutoyait le grand patron, Xavier Guichard? C'est **ici** que cela devenait angissant. Qu'est-ce que Le Bret lui disait dans le vaste bureau ...? [Simenon 1974: 172]. Поскольку само наречие содержит семы самого общего свойства, то обнаружить antecedent, прямо или косвенно связанный с наречным повтором, можно только при полном семантическом описании соответствующего фрагмента. В данном высказывании референтом *ici* является ситуация «Ксавье Гишар может находиться в дружественных отношениях с начальником».

Текстовое пространство отличается от бытийного смыслом непредставленности фигуры говорящего в указанном пространстве. Референциально *ici* соотносится с понятиями "dans ce livre", "dans cette lettre", "dans cet article" и т.д.: Mon intention n'est pas de faire **ici** une analyse de ce curieux ouvrage, [Dumas 1977: 5].

В речевом пространстве *ici* находится в референциальной соотнесенности с точкой, совпадающей с паузой в непосредственной речи: Il habite au quartier désert, continua Aramis. Or, au moment où je sortais de chez lui..! **Ici** Aramis s'arreta. – Et bien, demandèrent les auditeurs, au moment où vous sortiez de chez lui? [Dumas 1977: 91].

Кроме того, *ici* употребляется в телефонном разговоре для идентификации говорящего, выражает иронию в высказывании *Je vois d'ici* (j' imagine des choses), в оппозиции с наречием *là* выражает близость/дальность в пространстве и времени, скрепляет текст. Несмотря на утверждения об отсутствии или эфемерности значения дейктических слов, изучение данных слов в их реальном функционировании выявляет их многозначность и многофункциональность.

Библиография

1. Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений / М.: Наука, 1975. 224 с.
2. Гак Г.В. Языковые преобразования / М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.
3. Иванова А.Н. Слова «там» - «тут» в письменной и устной речи // Русский язык в школе. -1990. -№1. С.67-71.
4. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / М.: Наука, 1985. 288 с.
6. Селиверстова О.Н. Понятия «множество» и «пространство» в семантике синтаксиса / Изв. РАН. Сер. Лит. и яз. - 1983. -Т. 42. -№2. С.142-150.
7. Larousse. Dictionnaire de la langue française. Lexis/P., 1994. 2109 p.
8. Dumas A. Les Trois Mousquetaires .M.:Edition du Progrès,1977.620p.
9. Simenon G. Maigret chez le minister / М.: Vysšaja škola, 1983.158 p.
10. Simenon G. Maigret se fâche / L.: Prosvešenié, 1974. 231 с.

Лингвокультурология, межкультурная коммуникация и переводоведение

*Eric Deschamps,
Paris, France*

LES ORIGINES DES CLICHES SUR LA RUSSIE EN FRANCE

Bien que des nouveaux moyens de communications existent et qu'il soit désormais plus facile de voyager, la Russie d'hier comme celle d'aujourd'hui est encore vue depuis la France par les yeux de nos auteurs qui continuent de contaminer leurs lecteurs. Les clichés qu'ils ont véhiculés au cours du XIXe siècle, témoins d'une autre époque, sont encore tenaces.

Les principaux clichés hérités d'un livre d'aventure

Tout le monde sait que les échanges culturels entre la France et la Russie ne sont pas nés d'hier, et cette année croisée France-Russie est bien sûr là pour nous le rappeler.

En son temps, la fascination exercée par la France, alors au sommet de sa domination culturelle sur l'Europe, avait motivé Pierre Ier à réaliser un voyage de plusieurs mois en Europe avec une longue ambassade en France en 1717. C'est d'ailleurs à cette occasion, alors qu'il séjournait au Château de Versailles qu'il peaufina son idée de construire ses magnifiques palets de Peterhof près de Saint-Pétersbourg.

Il est donc tout naturel que l'image que les Français ont de la patrie de Tolstoï et Tchaïkovski soit une image déjà surannée vieille de 2 ou 3 siècles.

Si l'on cherche dans la littérature en langue française, les grands écrivains qui ont consacré un ouvrage ou quelques lignes à la Sainte Russie, on se rend vite compte, que face à la pléthore d'auteurs russes qui faisaient même l'effort d'écrire dans la langue alors aristocratique de Molière, les romanciers français de leur côté rivalisaient également pour parler de la Russie à la fin du XIXe siècle. Une étude récente montre, qu'à cette époque, la France est d'ailleurs loin devant toutes les autres nations et arrive en tête pour les nombres d'écrits publiés sur la Russie durant les 40 dernières années du siècle : 250 titres contre 90 pour l'Angleterre seconde de ce classement.

Ainsi durant l'âge d'or du roman dont l'apogée en Russie comme en France se situe au XIXe siècle quelques écrivains français majeurs vont marquer à jamais les esprits de leurs compatriotes en forgeant une image à la fois aventureuse et mystérieuse de la Russie dont les clichés élaborés pourtant il y a près de 200 ans, survivent encore aujourd'hui.

Si la Révolution de 1789 a permis de pauser les bases de l'Ecole actuelle, il ne faut pas oublier qu'à la fin du XVIIIe siècle seulement 15% de la population de l'hexagone parlait français et très peu savait alors lire et écrire. La révolution scolaire qui se paracheva par les lois Ferry (qui vit l'Ecole devenir gratuite et obligatoire en 1881), se fit réellement au cours de la seconde moitié du XIXe siècle en parallèle avec la révolution

industrielle. C'est à cette période qu'un nouveau type de lecteurs apparaît, plus populaire et avide de récits dépaysants lui permettant de s'échapper pour un temps de sa condition précaire.

Les romans d'aventures et les romans-feuilletons publiés dans les journaux populaires à 5 ou 10 centimes à l'époque inondent littéralement la France. Et c'est l'un d'eux qui va définitivement faire connaître la Russie à ces lecteurs : « Michel Strogoff » d'un des maîtres incontestable du roman d'aventure, Jules Verne.

Paru en 1876 et écrit spécialement pour la visite du Tsar Alexandre II à Paris, ce livre fut même en un temps où la censure était encore active (il faudra attendre 1881 pour que les lois sur la liberté de la presse soient votés en France), approuvé par les autorités russes avant sa parution.

Ce roman décrit le périple dans les années 1860 de Michel Strogoff, courrier du tsar, de Moscou à Irkoutsk, capitale de la Sibérie orientale. Sa mission est de prévenir le frère du tsar, sans nouvelles de Moscou, de l'arrivée imminente des hordes tartares qui menacent d'envahir la Sibérie.

Si on suit l'itinéraire de Michel Strogoff, on se rend compte qu'il passe par... Ekaterinbourg après avoir quitté Perm et avant de rejoindre le ville de Omsk et ce avant la construction du transsibérien.

Jules Verne écrit :

« Ni Michel Strogoff ni les deux correspondants ne pouvaient être embarrassés de trouver des moyens de locomotion dans une ville aussi considérable, fondée depuis 1723. À Ekaterinbourg, s'élève le premier Hôtel des monnaies de tout l'empire ; là est concentrée la direction générale des mines. Cette ville est donc un centre industriel important, dans un pays où abondent les usines métallurgiques et autres exploitations où se lavent le platine et l'or. »

Jules Verne, ne s'étant jamais rendu en Russie fait quelques erreurs géographique mais son récit a définitivement encre l'idée encore tenace que la Russie est un Pays immense peuplé de loups, d'ours donc dangereux recouvert de forêts inextricables donc non propice au voyage et donc au tourisme.

Un épisode célèbre du roman est le combat de Michel Strogoff, muni d'un simple couteau de chasse, face à un ours uralien de grande taille qui s'apprêtait à attaquer son amie Nadia qui s'était réfugiée dans sa tanière. Cet événement se situe, évidemment, dans l'escalade du mont Oural juste avant de rejoindre Ekaterinbourg.

Jules Verne écrit : « C'était un ours de grande taille. La tempête l'avait chassé des bois qui hérissaient ce talus de l'Oural, et il était venu chercher refuge dans cette excavation, sa retraite habituelle, sans doute, que Nadia occupait alors ».

Tentative d'interprétation de l'évolution de la perception de la Russie

On peut diviser la perception de nos auteurs et donc l'interprétation faite par les lecteurs sur la Russie en 4 périodes.

1700 – 1820 : Siècle des Lumières et Prémantisme

Au début du XVIIIe siècle, la Russie est un pays encore peu connu dont la puissance est grandissante et dont les distances très grandes

n'inquiètent encore personne en France. Cette vision change progressivement au cours du temps principalement suite à la Retraite de Russie de Napoléon et l'invasion de la France par les troupes russes en 1813. Mais alors, seuls les philosophes s'inquiètent à la condition humaine dans ce pays aux confins du monde qui a vu la Grande Armée anéantie par un ennemie sournois : l'hiver.

Voltaire, Madame de Staël, Joseph de Maistre, Sophie Cottin, Madame Woillez.. En cette période de réflexion sur la vie, sur l'homme et sur sa place dans le monde se succède des voyages scientifiques et d'explorations. Et c'est à cette époque de grandes découvertes que la Russie s'ouvre enfin au monde. Les récits scientifiques mailés d'aventures, publiés dans toutes les sociétés « savantes » font également la joie des lecteurs.

Des expéditions terrestres et maritimes sont diligentés par les différents tsars.

L'astronome Français Louis Delisle de Croyère accompagne en 1733 les Allemands Jean Georges Gmelin, docteur et naturaliste et l'historien Gérard Frédéric Müller. Cette expédition marque le début de la réelle découverte de la Sibérie.

L'astronome et cartographe Français Joseph Nicolas Delisle participe en 1740 à la première expédition au Kamtchatka.

Le Français Louis Delisle de Croyère accompagne le Russe Alexeï Tchirikov en 1741 lors de la découverte des côtes de l'Alaska. Il mourra de scorbut au cours de cette expédition.

Les deux dernières grandes expéditions de la fin du XVIIIe siècle sont menées par le botaniste allemand Peter Simon Pallas en 1769 - 1774 et 1793 - 1794.

Les grandes nations de l'époque veulent également s'informer sur ce grand pays et le Roi de France Louis XV envoie en 1760 l'Abbé Jean Chappe d'Auteroche, astronome pour observer le passage de Vénus sous le disque solaire à Tobolsk.

Durant cette période de préromantisme apparaissent les premiers romans d'aventure liés à la Russie et la Sibérie dont le plus célèbre est le fuit de la romancière Sophie Cottin dont l'histoire parue en 1806 inspirera près de vingt ans plus tard Xavier de Maistre.

1820 - 1905 : Romantisme et Classicisme (ou première période du Néoclassicisme)

Les auteurs font de la Russie un pays lointain, mystérieux où il ne fait pas bon se promener dans les forêts peuplées d'animaux dangereux. L'hiver est décrit comme une allégorie guerrière prête à défendre sa patrie contre tout intrus indésirable.

Xavier de Maistre, Victor Hugo, Alexandre Dumas, Théophile Gautier, Pierre Alexis Ponson du Terrail, Jules Vernes.

La Sibérie est un terme également récurant de divers écrits à laquelle, les auteurs finissent par associer définitivement la Russie. Ainsi, comme beaucoup de Russes pensent que la France c'est Paris ou la Côte d'Azur. La Russie apparaît pour les français non pas comme Moscou ou Saint-Petersbourg mais comme synonyme de Sibérie.

De nombreux écrits parlent d'exils en Sibérie que l'on peut comparé en France au Bagne de Guyane dont l'histoire débute, elle, en 1795 avec les premiers déportés révolutionnaires et s'achève en 1946.

On trouve d'ailleurs de nombreux points communs entre ces deux exils où l'on peut parler de triples peines : exile lointain, travaux forcés (exemple : travail aux forges en Sibérie), climat rigoureux (froid et sec pour la Sibérie et chaud et humide pour la Guyane).

Ils existes quelques œuvres à part, difficilement classable, entre le récit d'aventure et la biographie qui ont apporté des détails précieux sur la Russie.

Une de ces œuvre est le récit de Joseph Alexandre Lardier qui dans ses mémoires nous retrace sa vie de prisonnier des guerres napoléoniennes exilé en Sibérie.

1905 – 1990 : Soviétisme - Communisme

Au début du XXe siècle, le régime despotique du tsar est combattu par les intellectuelles français qui se rendent en Russie. Initialement contre la première révolution de 1905, ils se rangent progressivement derrières les ouvriers en observant leurs conditions de vie.

Après la révolution d'octobre 1917, la Russie devient un pays à la mode prisee par tous les communistes, trotskistes et autres anarchiques de toute la Terre. Les Français ne faillissent pas a ce constat et nombreux seront les écrivains et journalistes qui feront leur voyage d'étude en union soviétique ou à Cuba.

Néanmoins, il existe un paradoxe en France car rappelons que le gouvernement français est le seul gouvernement au monde a avoir reconnu le gouvernement du général Wrangel alors que les intellectuelles faisaient cause commune avec les bolchevique. Ils enverront même en Mer Noire un bateau, le Waldeck-Rousseau, pour aider l'évacuation des russes blancs.

Le Partie Communiste français est a son apogée juste après la seconde guerre mondiale avec près de 25% des sondages aux élections.

Pendant la période soviétique, la Russie, plutôt l'URSS, est vue, avec un point d'orgue pendant les 1950 – 1970, comme un pays fermé et refermé sur lui-même où les plans quinquennaux succèdent aux plans quinquennaux et où la liberté d'expression n'existe pas.

Durant cette période de nombreux intellectuels russes viendrons trouver asile en France comme le firent les russes blancs dans les années 1920.

La Russie bien qu'isolée n'est pas entièrement oublié des français, elle revient même en force dans à la mémoire des téléspectateurs dans une série historique très populaire « Les Brigades du Tigre » diffusée pour la première fois en 1974. Le dernier épisode est vu pour la première fois en 1983 mais la série sera rediffusée à de multiples reprises les années suivantes.

Trois épisodes sont entièrement consacrés à la Russie : « La Couronne du Tsar », « La Grande Duchesse Tatiana », « La Fille de l'air ».

Dans cette série policière qui met en scène l'élite de la police mobile française au début du XXe siècle c'est encore la Russie tsariste d'avant la révolution qui y est glorifiée.

Cette série a été portée à l'écran en 2006 et le thème de la Russie y a été également choisi mais cette fois-ci c'est la Russie anarchiste qui est mise en avant.

Depuis 1990 : Néoromantisme et Néoclassicisme.

Comme l'histoire est un éternelle recommencement, il ne faut pas s'étonner de voir revenir le souvenir d'une période faste à un moment où l'on cherche à gommer les traces du communiste.

Ainsi depuis la chute du soviétisme, le désintérêt de la Russie, héritée de la Guerre Froide s'estompe progressivement.

En France les stéréotypes enfouis durant presque tout le XXe siècle resurgissent comme par magie, inchangés comme du temps de l'alliance franco-russe de 1893, apogée de la période de russophilie en France.

La Russie des tsars, loin d'être oubliée, réapparaît dans la mémoire collective grâce aux écrits de nos auteurs.

Mais le temps est encore long avant de retrouver cette connivence entre deux peuples que Pierre le Grand avait contribué à rapprocher.

La Russie n'est plus le Pays des tsars où il fallait presque une vie pour traverser le pays.

Avec les moyens de transports modernes, les distances se sont rétrécies. Internet permet de voyager sans bouger de chez soi.

S'il existe encore des ours en Russie, il faut plutôt se diriger vers la presque île du Kamtchatka, pour avoir la chance d'en voir réellement plutôt qu'en se promenant dans l'Oural. Non qu'ils aient disparus mais que contrairement à ce qu'on pense ils ne sont pas à l'affût du voyageur égaré prêt à défendre sa forêt ou sa tanière.

Pour les plus nostalgiques le transsibérien permet de découvrir, à vitesse réduite, les grandes étendues de ce pays qui continue à fasciner les « explorateurs avides d'exotismes ».

Une chose néanmoins n'a pas changé, quoiqu'en dise les pessimistes du réchauffement climatique ; c'est l'hiver russe. Preuve en est, en France dès que les températures sont négatives plus d'une semaine, on parle très rapidement d'hiver sibérien comme pour se souvenir de ces malheurs exilés d'un autre temps confrontés aux rigueurs de ce climat à nul autre pareil.

Bibliographie d'auteurs classiques de langue française ayant écrits sur la Russie Ecrits publiés entre 1731 et 1928

Voltaire (1694 - 1778). Voltaire n'a jamais pu voyager en Russie mais son impressionnante correspondances avec Catherine II, lettres écrites entre 1763-1778 montre son attachement autant à la Tsarine qu'à son pays. 30 ans avant Catherine II en 1731, en bon courtisan, il avait déjà fait les éloges de Pierre Ier en écrivant « qu'il était beaucoup plus grand homme que le roi de Suède ».

« Histoire de la Russie » (1759)

Joseph de Maistre (1753-1821). Homme politique, philosophe, magistrat, historien et écrivain savoisien, sujet du Royaume de Sardaigne.

Il fut durant 3 ans l'ambassadeur des Etats de Savoie en Russie à Saint-Petersbourg. Il parlent principalement de la Russie dans 2 écrits qui furent publiés à titre posthume : « Les Soirées de Saint-Petersbourg ou

Entretiens sur le gouvernement temporel de la Providence » (1821) et « Lettres a un gentilhomme russe sur l'inquisition espagnole » (1822).

Xavier de Maistre (1763 - 1852). Comme son frère Joseph, Xavier de Maistre est écrivain savoisien de langue française mais également général de l'armée impériale russe (nommé en 1813). Il se battit contre les troupes napoléoniennes et il faisait parti de l'Etat Major Russe lors de la Campagne de Russie. Il se rend pour la première fois en Russie voir son frère en 1803 et cette rencontre va changer sa vie. En effet, Il s'y maria et y finira sa vie. Ces deux écrits majeurs sur la Russie sont : « La Jeune Sibérienne » (1825) et « Les Prisonniers du Caucase » (1825).

Remarque : La Savoie, aujourd'hui département français, à l'époque des frères de Maistre était un Duché rattaché au Royaume de Sardaigne. Une première fois annexée sous la Révolution Française en 1792 puis de nouveau indépendante lors de la Restauration en 1815, elle ne sera définitivement rattachée à la France en 1860 après référendum.

Mme de Staël (1766 - 1817). Fervente opposante à Napoléon auquel elle a consacré un livre pamphlétaire, elle est contrainte, pour échapper à l'emprisonnement, de se réfugier en Angleterre, elle se réfugie auparavant chez un autre ennemi de l'Empereur, la Russie. Durant son exil elle prend des notes pour son « De la Russie et des royaumes du Nord » qui ne paraîtra qu'à titre posthume en 1821 dans la deuxième partie du livre « Dix années d'Exil ». On y apprend beaucoup sur le caractère du peuple russe, sur le régime politique de ce temps et sur la vie et les moeurs des différentes classes de la société.

Sophie Cottin (1770 - 1807). Marquée par la révolution qui lui a pris son mari, Sophie va s'enfermer dans l'écriture. « Elisabeth ou les exilés de Sibérie » (1806) est le dernier livre de Sophie Cottin. L'auteur dans sa préface nous apprend que le personnage principal de son roman, qui cherche à sauver son père de l'exil, est une histoire vraie.

Catherine-Thérèse Woillez née Rieder (1781-1859). Catherine Woillez est l'auteur d'un grand nombre de romans et participe à l'essor de la littérature enfantine au cours du dix-neuvième siècle.

« L'Orpheline de Moscou, ou la Jeune institutrice » (1841) est l'ouvrage culte de Madame Woillez qui fait l'objet de 58 éditions.

Robert Guillemard (1785 - ?). « Mémoire de Robert Guillemard, Sergent en retraite (1805-1823) » (1826) écrit sous le pseudo de Robert Guillemard par Joseph Alexandre Lardier (1786-) aidée par Charles Ogé Barbaroux (1792-1867).

Il n'existe pas beaucoup d'information biographique sur Robert Guillemard. Jeune recrue de la classe 1805, enrôlé dans les armées de napoléons (ce qui lui donne une année de naissance comprise entre 1784 et 1786). Dans son livre, il raconte que son père, Pierre Guillemard, était maire de Six Fours, une petite ville méridionale à côté de Toulon, avant pendant et après la Révolution. Des détails prouvent que ces mémoires sont une fiction et que Robert Guillemard, dont certains de ses contemporains cherchent à rencontrer dès 1826 juste après la sortie du livre, n'est que le fruit de l'imagination fertile d'un écrivain. Lors de la seconde édition de 1827, devant le succès de son « Mémoire » déjà traduit

en anglais et en allemand, l'auteur avoue que son livre est un roman historique et non les vraies mémoires du sergent Guillemard qui n'a jamais existé. Il nous apprend qu'une partie des événements relatés, il les a lui-même vécus et pour les autres se sont des faits qu'il souhaitait qu'ils ne soient pas oubliés. Il a d'ailleurs été nommé lui même sergent en 1809 dans la marine impériale. En regardant l'année de naissance de son héros on se rend également compte qu'elle coïncide également à la sienne.

Dans un de ces chapitres, il raconte comment Robert Guillemard a été fait prisonnier à la bataille de la Moscowa le 7 septembre 1812, puis exilé en Sibérie avec d'autres prisonniers français pour travailler dans une forge de Nijni-Taguil « zavode ».

Alexandre Dumas (1802-1870). En 1858 et 1859, durant un périple de 10 mois Alexandre Dumas va promener sa plume au rythme de ses pérégrinations de Saint-Petersbourg à Astrakhan, en passant par Moscou, Nijni-Novgorod et Kazan, il fait plonger ses lecteurs au coeur de la Russie profonde : il les initie à l'oeuvre de Pouchkine et aux sagas finlandaises, il les emmène sur le champ de bataille de la Moskova ou à la foire de Nijni-Novgorod, chez les Arméniens, les Kalmouks et les Cosaques, il leur raconte avec un brio étincelant les principaux événements qui ont jalonné l'histoire de l'Empire des tsars, il leur présente les grands personnages qui en furent les acteurs, d'Ivan le Terrible à Pierre le Grand et à la Grande Catherine.

En 1859 il publiera deux récits de voyages « de Paris à Astrakan » et sa suite « le Caucase » mais également deux romans « La Boule de Neige » et « Sultanetta » rapportés eux aussi de Russie inspirés de légendes russes.

Avant de se rendre en Russie il avait déjà écrit un Roman sur ce pays qui le fascinait : « Le maître d'armes » (1840), dans lequel il retraçait le parcours d'un maître d'armes français Augustin Grisier (1791-1865), revenu d'un séjour de dix ans au pays des tsars, où il enseignait l'art de l'escrime aux jeunes aristocrates de Saint-Petersbourg et de Moscou. Parmi ceux-ci figurait Ivan Alexélévitch Annenkov, qui fut déporté en Sibérie pour avoir participé à la conspiration de décembre 1825.

Victor Hugo (1802 – 1885). Il n'est pas possible de parler du XIXe siècle sans parler de Victor Hugo. Certes il n'a pas écrit particulièrement sur la Russie mais il a contribué, par le biais d'un seul poème, à assoier la légende dorée de Napoléon et à mythifier l'hiver russe.

Son « Il neigeait, on était vaincu par sa conquête... », l'Expiation, marquant la Retraite de Russie de Napoléon est publié dans le recueil de poésies « Les Châtiments » (1853). Ce seul poème a marqué et marque encore des générations d'écoliers français. Les premiers vers donnent le thème: la terre russe est une terre hostile qui a raison de ses envahisseurs.

Théophile Gautier (1811-1872). Irascible voyageur, l'un de ces périples conduira Théophile Gautier en Russie en 1858. De ces souvenirs il consacrera plusieurs articles dédiés aux « Trésors d'art de la Russie ». Comme Alexandre Dumas la même année, il fait part au public français de ses impressions de voyages dans une série d'articles qu'il réunira ensuite dans un volume « Voyage en Russie » (1866).

Jules Verne (1828 -1905). Si l'on se penche sur la bibliographie de Jules Verne outre « Michel Strogoff » (1876), on trouve au total neuf ouvrages plus ou moins connus qui traitent directement ou indirectement de la Russie : « Aventures de trois Russes et de trois Anglais dans l'Afrique australe » (1872), « Michel Strogoff » (1876), « Hector Servadac » (1877), « Kériban le têtue » (1883), « Robur le conquérant » (1886), « Sans dessus dessous » (1889), « César Cascabel » (1890), « Clodus Bombarnac » (1892), « Un Drame de Livoine » (1904).

Mais « Michel Strogoff » reste l'ouvrage qui a marqué toutes les générations de lecteurs de Jules Verne et aura contribué à encrener dans l'inconscient collectif des français les clichés sur la Russie. Une entreprise réussie de main de maître par l'un des seuls grands auteurs français qui consacre un livre dont l'action se déroule entièrement en Russie alors que lui même n'a jamais posé un pied dans ce grand pays.

Pierre Alexis Ponson du Terrail (1829-1871). Il fut le fournisseur de romans-feuilletons pour toute la presse parisienne pendant plus de vingt ans. C'est en 1857 qu'il entame la rédaction du premier roman du cycle Rocambole, héros récurrent de son œuvre, qui contribuera à asseoir sa notoriété. La Russie apparaît dès le premier roman de cette saga, l'action du prologue débute en 1812, au cours de la retraite de Russie.

Au moins trois de ces romans consacrés à Rocambole parlent de la Russie : « L'Héritage Mystérieux » (1857), « Le Club des Valets de Cœur » (1858), « La Résurrection de Rocambole » (1865), Louis-Henri Bousсенard (1847-1911). Auteur aujourd'hui quasi oublié en France, Bousсенard connaît un grand succès en Russie, où une quarantaine de ses romans d'aventures sont traduits où il est fort justement comparé à Jules Verne. Quelques unes de ses œuvres parlent tout naturellement de la Russie : « De Paris au Brésil par terre, à la poursuite d'un héritage » (1892), « Les Français au Pôle Nord » (1892), « Le Zouave de Malakoff » (1903).

On peut ajouter à cette liste quelques écrivains plus « récents », auteurs dont les œuvres, lors de leur sortie n'était pas encore ou très peu concurrencées par d'autres médiums tel la radio, le cinéma, la télévision ou internet.

Gaston Leroux (1868-1927). Il est devenu célèbre à la suite de son roman « Le Mystère de la Chambre Jaune » (1907) dans lequel apparaît pour la première fois son reporter détective fétiche « Rouletabille » qui se verra confier une mission en Russie dans son livre « Rouletabille chez le Tzar » (1912). Mais l'un de ses livres méconnu reste « L'agonie de la Russie Blanche », suites d'articles paru pour la première fois dans le journal parisien « Le Matin » et repris ensuite dans un ouvrage unique. Ces articles s'avèreront à posteriori prophétiques, sur la Russie du dernier Tsar, pays où Gaston Leroux, alors reporter, a effectué 3 voyages de 1897 à 1906.

On ne peut pas parler de Gaston Leroux, non plus, sans évoquer un autre de ses succès « Le Fantôme de l'Opéra » (1910).

Albert Londres (1884 - 1932). Grand reporter et écrivain il réussit à pénétrer en Russie en 1920 et il publiera « Dans la Russie des Soviets ». Il

est considéré comme l'archétype du grand reporter, dont un prix porte son nom.

Blaise Cendrars (1887 -1961). Ecrivain d'origine suisse naturalisé français, il passa 3 ans de sa vie en Russie de 1904 à 1907 où il écrira une œuvre de jeunesse qu'on a cru longtemps perdu : « La Légende de Novgorod, de l'Or gris et du Silence » (1907). Poète aguerrie il écrira par la suite sa très belle ode au transsibérien : « La Prose du transsibérien et de la petite Jehanne de France » (1913) extraits :

« ...Et nous allions, grâce au Transsibérien, le cacher de l'autre côté du monde. Je devais le défendre contre les voleurs de l'Oural qui avaient attaqué les saltimbanques de Jules Verne... »

Joseph Kessel (1898 - 1979). Ecrivain-reporter russe né en Lituanie naturalisé français, il écrira notamment sur la Russie. Durant la première guerre mondiale, engagé volontaire, il effectue une mission en Sibérie. Il publie en 1922, un premier recueil, une série de nouvelles sur la Révolution Bolchévique « La Steppe rouge ». La thématique de la diaspora russe revient régulièrement dans son œuvre : « Le Thé du capitaine Sogoub » (1926), « Les Nuits de Sibérie » (1928).

*Erard Patrick,
directeur d'école, Riga, Lettonie*

ÉCRIRE ET CORRIGER...

Enseignant en primaire, j'ai consacré énormément de temps et d'énergie à faire écrire les enfants et à corriger leur travail de mon mieux, la conscience professionnelle en paix ; c'est à peine si l'autre, de conscience, me faisait me demander de quel droit, au fait ? Pendant des années, j'ai enseigné aux enfants de nos montagnes que « Je lui le dis » n'était pas correct, qu'il fallait dire « Je le lui dis », avant de réaliser que c'est tout simplement l'ordre des compléments dans la phrase latine qu'ils pratiquaient, comme leurs parents ! J'étais donc en train d'apporter ma pierre à l'œuvre de la colonisation, en train de privilégier une façon de penser du nord à celle la civilisation gréco-latine ! J'ai continué à corriger ce type d' « erreur » non sans dire aux enfants qu'ils devaient se plier à la règle du plus fort pour réussir à leurs examens tout en reprenant leurs habitudes pour tout ce qui est personnel, et surtout, surtout, ne pas avoir honte du parler de leurs pères.

Écrivain débutant, j'ai fait lire mon travail aux collègues et me suis efforcé de tenir compte de leurs avis. C'est là que j'ai connu de nouvelles affres...

Un très bon ami, responsable d'une petite maison d'édition a eu la gentillesse de prendre le temps de me faire une critique détaillée. Il m'a dit, entre autres, que mon style était parfois lourd, que certaines phrases comportaient trop de « que » qui les rendaient pénibles à lire.

Il est très difficile de recevoir ce genre de critique : ou se situer, entre le désespoir et la vanité outragée ? J'ai corrigé certaines phrases, relu mes textes avec plus d'acuité qu'auparavant (du moins je l'espère). Enfin un beau jour j'ai envoyé mon tapuscrit à l'éditeur : non que j'étais totalement

satisfait, mais j'avais pris conscience que je pouvais encore faire des corrections pendant un an ou deux, et qu'il fallait bien se jeter à l'eau.

Avec la satisfaction du devoir accompli, j'ai cherché dans ma bibliothèque et j'y ai trouvé un vieux livre de Claude Duneton, « Parler croquant ».

Je l'ai relu avec beaucoup de plaisir, particulièrement le passage dans lequel il rappelle que la langue française a été codifiée à la cour du Roi : c'est donc une langue adaptée aux mots (maux) d'esprit des courtisans, pratiquée par des gens qui n'ont pas l'habitude d'agir : c'est une langue du substantif, non du verbe. Il est ainsi plus « correct » d'écrire « J'attends l'arrivée de mon amie » que « j'attends que mon amie arrive ». Du coup, je me suis « écouté écrire » avec une attention nouvelle, pour m'apercevoir qu'effectivement, c'étaient les formes verbales qui me venaient sous la plume, et non les formes substantivées.

Et le problème se pose autrement : est-ce que je cherche à écrire selon les canons de Jean d'Ormesson, ou selon les miens ? Vous imaginez à quel point ma réponse personnelle est sans appel : je me suis acheté le petit livre réédité à Raphèle-les-Arles : « Correction des fautes de français qui se commettent en Provence, même au sein de la meilleure société ». J'y retrouve l'origine de quantité de façons de parler pratiquées dans mon entourage ou ma famille. Quel plaisir de lire ces âneries ! Elles ont probablement procuré à leur auteur une jouissance égale à celle de Barnard Pivot constatant qu'il est le seul à savoir que chausse-trape s'écrit avec un seul « p » ; le fait ce que cela provienne de l'erreur d'un moine copiste ne change rien à l'affaire, tant il est vrai que derrière la langue se cache la domination. On peut se consoler en pensant que ledit Pivot a sans doute mangé beaucoup d'épinards dans sa jeunesse à cause de la fameuse erreur de décimale sur la calculatrice du chimiste étudiant la teneur en fer des épinards.

Rien, absolument rien des faits de langue n'est sans importance : sous les mots résident notre culture, nos pensées les plus secrètes, des choses dont nous n'avons même pas conscience la plupart du temps. La place des mots dans la phrase, l'ordre des compléments, nos « fautes de langue » font référence à une vision du monde : se relire avec attention peut, si nous parvenons à prendre une distance suffisante, nous apprendre beaucoup sur nous-même.

Mais on n'est pas au bout pour autant : reste-t-on envers et contre tous fidèle à sa façon d'écrire, ou profite-t-on de l'occasion pour se policer un peu ?

La réponse appartient à chacun d'entre nous, pourvu qu'elle soit aussi peu affectée que possible. Il serait à mon sens tout aussi calamiteux d'écrire dans une espèce de faux rustique pour « faire paysan » ostensiblement que de s'efforcer d'aller vers une d'Ormessonisation de notre langue écrite.

On le voit, quand on essaie d'écrire, bien des questions se posent, dont la résolution n'est pas évidente. Comme le disait une vendangeuse en septembre dernier : « On n'est pas sortis de la berge ! »

*Бахарева О.О., Томилова А.И.
ИИЯ УрГПУ, Екатеринбург, Россия
olesya.bakhareva91@mail.ru, alexara@list.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРЫ С ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ Х. ГИЛЬЕНА)

Поэтический перевод – это перевод поэтического текста, созданного на одном языке, с помощью поэтического текста на языке перевода. Это означает, что переводчик должен создать новый поэтический текст, эквивалентный оригиналу по его концептуальной и эстетической информации, но использующий по необходимости совсем иные языковые формы. [Мукаржовский 1996: 114].

Именно поэтические переводы порою способствуют полному стиранию граней между оригинальным и переводческим творчеством. Ведь перевод поэтического текста требует не меньше творческих усилий, чем написание оригинала: важно не только передать смысл, но и сохранить эстетическую функцию, прагматику, а также его поэтическую организацию. Невозможно также выработать универсальный алгоритм: у каждого переводчика свой стиль, своя интерпретация, поэтому зачастую представляют интерес переводы одного и того же подлинника, выполненные разными переводчиками. При переводе поэтических произведений особенно заметно столкновение формы и содержания, и, поскольку воспроизвести в переводе и содержание, и форму удается редко, перевод не обходится без "потерь" [Найда 1978: 116]. Выделяют несколько методов перевода одного и того же поэтического подлинника. В зависимости от того вида информации, который переводчик желает с максимальной точностью воспроизвести (а это, разумеется, зависит от той коммуникативной функции, какую он избирает для своего творения), возможны три принципиально разных метода перевода одного и того же поэтического подлинника [Задорнова 1984: 242].

1. Поэтический перевод как таковой – единственный способ перевода поэзии, предназначенный для поэтической коммуникации. Поэтическая коммуникация должна удовлетворять, по меньшей мере, двум условиям: во-первых, ее носителем должен быть стихотворный текст, а, во-вторых, этот текст должен быть организован таким образом, чтобы оказаться в силах осуществить передачу лаконичными вербальными средствами сложнейшего информационного комплекса.

2. Стихотворный перевод – это такой метод перевода поэзии, при котором информация оригинала передается на языке перевода не поэтической, а лишь стихотворной речью. Этот вид перевода очень близок к оригиналу в отношении слов и выражений, а равно и в стилистическом отношении. К сожалению, этот вид перевода искажает концептуальную информацию и практически не воспроизводит эстетической информации

3. Филологический перевод поэтического текста выполняется прозой и нацелен на максимально полную (почти дословную) передачу информации подлинника. Данный вид перевода не претендует на функцию поэтической коммуникации, но зато с максимальной

точностью передает каждую деталь оригинала и может служить важным подспорьем в работе исследователя или литератора [Задорнова 1984: 242].

В данной работе материалом для исследования послужило поэтическое наследие испанского поэта Хорхе Гильена, являющемся одним из представителей ультраистского² направления в поэзии. Основным требованием ультраизма к поэтике была метафора как средство создания «концентрированного поэтического образа». Ультраисты считали метафору самодовлеющей художественной ценностью. Ультраизм провозгласил необходимость создания такой поэзии, которая соответствует динамизму XX века. Формальными признаками ультраизма стали отказ от рифмы и классической метрики, а также образность, строящаяся в большей степени не на объективных, а на субъективных ассоциациях [www.wikipedia.org].

В связи с этим, объектом настоящего исследования является метафора (М.), под которой понимается один из основных тропов художественной речи. Метафорическим слово или выражение становится тогда, когда оно употребляется не в прямом, автологическом, а в переносном значении. В основе метафоры лежит не названное сравнение предмета с каким-либо другим предметом на основании признака, общего для обоих сопоставляемых членов. Будучи по своей конструкции образным выражением, основанным на сравнении, М. в различных формах или модификациях присутствует во всяком поэтическом тропе. Поэтическая метафора отличается от бытовой своей свежестью и новизной [Крупчанов 2003:208].

Метафора, по мнению многих ученых, является универсальным свойством языка. Как считает Н. Д. Арутюнова, если присутствие метафоры в практической речи может наталкиваться на существенные ограничения, налагаемые коммуникативными целями, то употребление метафоры в художественном произведении всегда ощущалось как естественное и законное. Метафора органически связана с поэтическим видением мира. Несомненный интерес для исследователя представляет изучение особенностей перевода метафоры, функционирующей в поэтическом тексте [Арутюнова 2007:56].

«Закон сохранения метафоры», существующий в теории перевода, представляет собой реализацию основного положения стилистики о том, что понятия, используемые в тропах, должны сочетаться друг с другом и в денотативном значении. Несоблюдение этого закона приводит к тому, что прямое значение концепта воспринимается раньше метафорического, и метафора разрушается [Гальперин 1981].

В ходе работы были проанализированы стихи: *Beato sillón* и *Las doce en el reloj*. Подробный анализ стилистических тропов представлен в таблицах 1 и 2:

² Ультраизм (исп. Ultraismo) — «крайность во взглядах, мнениях, убеждениях»; от лат. ultra — «находящийся по ту сторону») — литературное направление, имевшее распространение прежде всего в испаноязычной поэзии Испании и латиноамериканских стран.

Таблица 1

Оригинал	Троп	Художественный перевод	Троп	Дословный перевод
beato sillón		благодарное кресло		блаженное кресло
ibeato sillón! la casa	эпитет	блаженно, благодарно	эпитет	блаженное кресло! дом
corroborar su presencia	олицетворение	старинное кресло! в доме		подтверждает его присутствие
con la vaga intermitencia		ты память в полном объеме	метафора	с неопределенной прерывистостью
de su invocación en masa		и знак, что все неизменно,	метафора	его призыва к массовой
a la memoria. no pasa		незыблемо и нетленно,		памяти. не происходит
nada. los ojos no ven,		что прочностью мир отмечен,		ничего. глаза не видят,
saben. el mundo está bien		добротен, небыстротечен	метафора	они знают, что всё в мире правильно
hecho. el instante lo exalta	олицетворение	и крепко сбит, и любое		мгновение возвышает
a marea, de tan alta,		мгновение шумит в прибое	олицетворение	волны, так высоко,
de tan alta, sin vaivén.		прибой спокоен и вечен.		так высоко, без колебаний. (пер. с исп.яз. О.О. Бахаревой)

В данном стихотворении, метафора — это не только троп или фигура речи, метафорой является целое поэтическое произведение. Кресло сравнивается с памятью и знаком, которые обозначают гармонию, т. е. кресло несёт значение неизменного предмета, свидетельствующего о течении времени, и в тоже время является центром некой структурированной, неизменной системы. Это метафора константности, постоянства, устойчивости мира. *Прочностью мир отмечен, крепко сбит* — обозначение гармонии, четкой структурированности окружающего мира. Автор отмечает свое состояние спокойствия и радость от стабильной жизни.

Таблица 2

Оригинал	Троп	Художественный перевод	Троп	Дословный перевод
Las doce en el reloj		Полдень на часах		Двенадцать на часах
Dije: Todo ya pleno.		Сказал я: диво это		Я сказал: всё уже достигло полноты.
Un álamo vibró.		достигло полноты.		Тополь дрожал.
Las hojas plateadas		Серебряного цвета		Серебряные листья
Sonaron con	олицетворение	дрожащие		звучали с любовью

amor.	творение	листы.		
Los verdes eran grises,		Любовь что шар в зените	метафора	Зелень была серой
El amor era sol.	метафора	в высоких небесах,		Любовь была солнцем.
Entonces, mediodía,		и птица на ракете,	метафора	Тогда был полдень,
Un pájaro sumió		и полдень на часах.	метафора	Птица скрывшись
Su cantar en el viento		И птичий голос реял,		Пропела не ветру
Con tal adoración		и слушал белый свет,		С таким обожанием
Que se sintió cantada		и самый малый плевел	эпитет	Что все прониклись пением
Bajo el viento la flor		узнал, что он воспет.		Под ветерком цветок
Crecida entre las mieses,		А посреди творенья,		Возрос меж рожью
Más altas. Era yo,		в основе бытия		Но больше всех проникся я
Centro en aquel instante		был я, мой слух и зренье -		И средь того мгновения
De tanto alrededor,		вот эта жизнь моя,		Вокруг,
Quien lo veía todo		вся высота итога,		Кто видел все
Completo para un dios.		всей полноты размах,		Законченное Богом,
Dije: Todo, completo.		и мир дозрел до Бога,	метафора	Произношу: закончу-ка и я
¡Las doce en el reloj!	метафора	и полдень на часах.	метафора	Двенадцать на часах! (пер. с исп.яз. О.О. Бахаревой)

В данном стихотворении, метафора — обозначает то, что мир построен по одной геометрической модели. То есть метафора тут заключается в переносе геометрической фигуры (круг с линией, идущей к центру или от центра) на мир окружающий. Это говорит о структурированности мира, центром которого автор определяет человека (*в основе бытия был я*), метафора имеет контекст того, что человек является центром познанного им мира. *Мир дозрел до Бога* – значит расти, становится лучше. Дозреть до бога – стать совершенным и непостижимым.

Таким образом, в тексте оригинала первого стиха метафорой является целое поэтическое произведение, а в тексте перевода мы выделили 3 метафоры (*Ты память в полном объеме; И знак, что все неизменно, незыблемо и нетленно; Добротен, небыстротечен*). В тексте оригинала второго стихотворения мы выделили 2 метафоры (*El amor*

era sol, Las doce en el reloj), а в художественном переводе 8 (*Ты память в полном объеме; И знак, что все неизменно, незыблемо и нетленно; Добротен, небыстротечен; Любовь что шар в зените; И птица на раките; И полдень на часах*).

Данное различие объясняется особенностями именно поэтического перевода, который относится к особой сфере функционирования языка, что предопределено различиями в собственно филологическом статусе между текстами оригинала и перевода, между их "первичностью" и "вторичностью". В своем стремлении стереть с текста перевода уничижительное клеймо вторичности, оправдать свою высокую миссию в качестве творца переводчик не может быть объективен к своему материалу. Его пристрастия налагают отпечаток на текст перевода, прежде всего на языковые средства. Некоторую часть несовпадений можно обосновать также типологическими особенностями русского и испанского языков, а также от целей переводчика. В нашем случае целью переводчика не является дословный перевод, а целью становится передача образов на новом языке и понимание самой сути стиха. Также важно отметить, что в стихах Х. Гильена метафорой является целое поэтическое произведение, а не отдельные строки.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арутюнова Н. Д. Проблемы морфологии и словообразования: на материале испанского языка. М.: Языки славянских культур, 2007. 56с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
3. Задорнова В. Я. Восприятие и интерпретация художественного текста. – М.: Высш. шк., 1984. – 242 с
4. Крупчанов Л. Метафора // Словарь литературоведческих терминов. Стлб. 208 (www.philologoz.ru/tamar/t11.htm).
5. Мукаржовский Я. Структуральная поэтика. – М.: Школа „Языки русской культуры“, 1996. – 114 с.
6. Найда Ю. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сборник статей: Пер. с англ., нем., франц. Вступит. Статья и общая редакция перевода В.Н. Комиссарова. – М.: Международные отношения, 1978. – С.114-137.
7. Wikipedia, la enciclopedia libre (на испанском языке) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://es.wikipedia.org> (дата обращения: 22.12.2012).

*Бунькова Н.С., Томилова А.И.
ИИЯ УрГПУ, Екатеринбург, Россия
nata4831@rambler.ru, alexara@list.ru*

ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ИСПАНСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ М. ЭРНАНДЕСА)

Целью данной статьи является изучение способов перевода испанских стихотворений М. Эрнандеса «Песнь первая» и «Мальчик пахарь» на русский язык. Выбор материала исследования обусловлен

следующими причинами: во-первых, художественный текст наиболее труден для перевода, поскольку помимо общетекстовых категорий он характеризуется наличием скрытой, имплицитной художественной информации, которая является причиной его неизбежной полиинтерпретируемости [Никитченко 2000: электр. ресурс]. Поэтический текст как особый вид художественного текста имеет определенный набор дифференциальных признаков, подлежащих рассмотрению в контексте его исследования. Интерес к поэтическому тексту как объекту исследования не угасает на протяжении многих веков. Исследование поэтических текстов началось еще в Античности, а в Средневековье появились первые теоретические работы, посвященные поэзии [Плотникова 2012: 10]. Во-вторых, испанский поэт Мигель Эрнандес очень популярен среди читателей во всем мире, он поднимает проблемы жизни простых людей, его стихи отличаются простотой и жизненностью. Особенной чертой его произведений является отождествление поэтического содержания с личным опытом поэта. Магистральный путь Эрнандеса – это путь к новой поэзии, связанной с борьбой за демократическое будущее Испании. То, что в начале его творческого пути было отражением интуитивного восприятия мира в его еще юношеском сознании, в дальнейшем становится уже переживанием его жизненного опыта, эмпирической печалью и болью человека, столкнувшегося с реальным конфликтом любовного чувства с окружающим его миром [Камалаян 2011:1]. Помимо этого, рассматриваемые стихи переведены на многие языки мира, касаются бытовых реалий Испании и написаны живым языком, что немаловажно для целей нашего исследования.

Со временем у народов возникла потребность в изучении культуры других стран, следствием чего и стал перевод различных художественных произведений с одного языка на другой. В переводе поэтических текстов имелись свои сложности, а на успешность перевода мог повлиять выбранный способ перевода того или иного поэтического произведения.

О. В. Казакова выделяет три основных вида перевода стихотворений:

1) прозаический перевод стихов — самый простой подход к переводу поэтических произведений. Он характеризуется тем, что на выходе получается прозаический текст, передающий максимально близко к оригиналу смысловую, информационную и эстетическую составляющие. Задачей этого подхода является максимальное раскрытие идеи оригинального текста, следование всем тонкостям мысли автора и передача всех литературных приёмов, кроме приёмов поэтических. При этом приносится в жертву одна из ценнейших составляющих источника – поэтическая форма произведения. Характерным отличием этого вида является то, что текст, получающийся на выходе, совершенно лишён таких характерных элементов поэтического текста как рифма, ритмическая структура и разбиение на строфы.

2) поэтический перевод стихов – перевод, который имеет все свойства стихотворного текста, кроме рифмы.

3) стихотворный перевод – это вершина художественного перевода текста, так как требует от переводчика не только литературного таланта и умения писать стихи, но, кроме того, способности вместить в стихотворную форму иного языка исходный смысл, идею и даже литературные приёмы [Казакова 2006:95].

Из вышесказанного мы можем сделать вывод о том, что не только вид перевода влияет на успешность перевода, но и выбор того или иного переводческого решения, т. е. той или иной трансформации, а также эстетическое восприятие самого переводчика.

В литературе существует немало различных классификаций переводческих трансформаций. На наш взгляд, наиболее подходящей для романских языков является классификация Е. Н. Белой (2005), разработанная для перевода с французского языка на русский и в дальнейшем адаптированная для перевода с испанского языка на русский А. И. Томиловой (2012). В рамках данной классификации выделяются лексические (генерализация, конкретизация, смысловое согласование, антонимический перевод, адаптация, экспликация, амплификация, компенсация), грамматические (замена, перестановка, добавление, опущение) и стилистические (модуляция) трансформации [Томилова 2012: 7-14].

Подробный анализ переводческих трансформаций представлен в таблицах 1 и 2:

Таблица 1

Оригинал	Подстрочник	Перевод	Трансформации
El hombre acecha. Canción I	Человек опасен	Песнь первая	опущение
Se ha retirado el campo al ver abalanzarse crispadamente al hombre	Отошло поле увидев бросающегося раздраженно (напряженно) на человека.	Поля отступили, увидев, как судорожно человек бросается на человека.	Смысловое согласование, добавление
¡Qué abismo entre el olivo y el hombre se descubre!	Какая бездна между оливковым деревом и человеком обнаруживается!	Какая бездна открылась меж оливою и человеком!	перестановка, замена
El animal que canta: el animal que puede llorar y echar raíces, rememoró sus garras.	Животное, которое поет: животное, которое может плакать и бросать корни, вспомнило свои когти.	Животное, что поет, животное, что умеет и плакать, и корни пускать, вспомнило про свои лапы.	генерализация
Garras que revestía de suavidad y flores,	Когтистые лапы, которые он прятал под мягкостью и	Оно одолевало их и нежностью и цветами, но вот наконец обнажило	перестановка, генерализация, опущение, модуляция,

pero que, al fin, desnuda en toda su crueldad.	цветами, но которые он, наконец, обнажает во всей своей жестокости.	с жестокостью бесконечной,	замена
Crepitan en mis manos.	Они скрипят в моих руках.	как я обнажил свои руки.	замена, опущение, модуляция
Aparta de ellas, hijo.	Отойди от них , сын.	Беги и бойся их, сын мой!	Смысловое согласование, Модуляция
Estoy dispuesto a hundirlas, dispuesto a proyectarlas sobre tu carne leve.	Я готов вонзить их, в твоё слабое тело.	Когтями готов я впитаться в легкое тело твоё	Замена Перестановка Добавление
He regresado al tigre.	Я вернулся к тигру.	Назад я вернулся, к тигру.	Добавление модуляция
Aparta o te destrozo.	Уходи или я разорву тебя на куски .	Беги, не то уничтожу!	Замена генерализация
Hoy el amor es muerte, y el hombre acecha al hombre.	Сегодня любовь - смерть, и человек подкрадывается к человеку .	Сегодня любовь - это смерть, человек человеку охотник .	адаптация
	(Пер. с исп. яз. Буньковой Н. С.)	(Пер. с исп. яз. П. Грушко)	

Таблица 2

Оригинал	Подстрочник	Перевод	Трансформации
El niño yuntero	Мальчик пахарь	Мальчик пахарь	
Carne de yugo ha nacido más humillado que bello, con el cuello perseguido por el yugo para el cuello.	Мясо ярма, он родился больше униженным, чем красивым, с шеей привязанной к ярму для шеи.	Был он неуклюж, рожденный для ярма и униженья, и была ярму послушна шея с самого рождения.	Смысловое согласование Модуляция Замена перестановка
Nace, como la herramienta, a los golpes destinado, de una tierra descontenta y un insatifecho arado.	Рожденный, как инструмент, для ударов, недовольной земли и пахавший без оплаты.	Для ударов он родился, словно лемех непригодный, от прожорливого плуга и земли, всегда голодной.	Замена, перестановка, экспликация, добавление опущение
Entre estiércol puro y vivo de vacas, trae a la vida	Между чистым и живым навозом коров, он отдает жизнь и душу	И его душа в трясине занавоженного хлева рано	Добавление Перестановка Опущение модуляция

un alma color de olivo vieja ya y encallecida	становясь цвета оливкового дерева, уже старый и огрубевший	старясь , принимает цвет оливкового дерева.	
Empieza a vivir , y empieza a morir de punta a punta levantando la corteza de su madre con la yunta.	Он начинает жить , и умирать от острия до острия Поднимая плугом землю-мать.	Он вступает в жизнь, но рядом уже слышен смерти скрежет он взрывает плугом землю, словно плоть родную режет	Замена экспликация модуляция перестановка опущение добавление
	(Пер. с исп. яз. Буньковой Н. С.)	(Пер. с исп. яз. П. Грушко)	

В ходе исследований, мы выделили следующие переводческие трансформации:

Лексические	Кол-во	Грамматические	Кол-во	Стилистические	Кол-во
генерализация	3	замена	8	модуляция	7
конкретизация	-	перестановка	7		
смысловое согласование	3	добавление	6		
антонимический перевод	-	опущение	6		
адаптация	1				
экспликация	2				
амплификация	-				
компенсация	-				

Как видно из таблицы выше, в большинстве своем использованы грамматические трансформации, это обусловлено типологическими особенностями данных языков, значительными различиями в порядке слов и структуре испанского и русского языков, и применение таких трансформаций как замена, опущение, добавление, помогает переводчику построить перевод в соответствии с поэтическими требованиями русского языка.

Поскольку, по сути, перевод трансформационен, следует признать, что переводчик сознательно допускает переводческие потери по целому ряду причин, среди которых, например, следование конвенциональной норме или обеспечение доступности содержания текста для читателя. Допуская осознанное искажение какого-либо параметра текста, переводчик решает при этом переводческую сверхзадачу: устанавливает соответствие переведенного текста исходному, следуя собственной идеальной модели «хорошего перевода». Однако в любом случае подобные осознанные переводческие действия не могут квалифицироваться как ошибочные, а результат перевода – как «неправильный» [Княжева 2010: 193].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Казакова О. В. Особенности художественного перевода: - М.: Феникс, 2006. – 160 с.
2. Камалян А. В. Основные мотивы и символы в сборнике стихов "Неугасающий луч" Мигеля Эрнандеса // Теория литературы и искусства. – 2011.
3. Княжева Е. А. Оценка качества перевода: проблемы теории и практики. Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. – № 2. – с. 190-195.
4. Никитченко Т. Г. Субъективный фактор в художественном тексте: лингвистический и психологический аспекты (на материале перевода) : дис. ... канд. фил. наук. : 10.02.19 / Никитченко Татьяна Геннадьевна. – Краснодар, 2000. [Электронный ресурс] // URL: <http://31f.ru/dissertation/222-dissertaciya-subektivnyj-faktor-v-xudozhestvennom-tekste-lingvisticheskiy-i-psixologicheskiy-aspekty-na-materiale-perevoda.html> (дата обращения: 10.03.2013).
5. Томилова А. И. Практический курс перевода испанский язык: учебное пособие. – Екатеринбург, 2012. – 167с.

Гавриш Л. Ф.
МАОУ Лицей № 110, Екатеринбург, Россия
lqavrich@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ОСОЗНАННЫХ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗКОМУ ЯЗЫКУ

Новая структура государственного стандарта общего образования призвана обеспечить наряду с внедрением компетентностного подхода расширение спектра индивидуальных образовательных возможностей и траекторий развития ученика. Необходимость формирования иноязычной коммуникативной компетенции отмечается во многих нормативных документах, например, таких как «Стратегии модернизации содержания общего образования», материалах Совета Европы «Ключевые компетенции для Европы» и других.

Иноязычная коммуникативная компетенция наряду с коммуникативной компетенцией на родном языке рассматривается в настоящее время в качестве одной из ключевых компетенций, на формирование которых должно быть направлено образование.

Что касается обучения французскому языку, мы будем говорить о коммуникативной компетенции, которая в классическом варианте включает в себя четыре основных составляющих: аудирование, чтение, говорение, письмо.

Полностью сохраняя комплексный подход к обучению, автор считает приоритетным в начальной школе приобретение фонетических знаний и формирование осознанных произносительных навыков как основы дальнейшего успешного овладения всеми видами речевой деятельности и оптимизации процесса обучения.

Чтобы ответить на вопрос, почему автор считает эти знания и умения приоритетными, обратимся к русскому языку. В системе развивающего обучения изучению фонетических закономерностей и формированию осознанных произносительных навыков на начальном этапе обучения отводится значительное место. Это является базой дальнейшего лингвистического образования школьников. Фонетические знания и умения рассматриваются как «предпосылка всех четырех видов речевой деятельности: понимание, говорение, чтение и письмо» [Жедек 1991: 3] Там же [Жедек 1991: 5] автор подчеркивает, что «проверки на всех уровнях, в младших и средних классах показывают, что едва ли не самыми стойкими и трудно преодолимыми являются фонетические ошибки». Исследования показали, что более 70% учащихся 5-х классов плохо дифференцируют фонемы родного языка.

Что же мы наблюдаем при традиционном обучении французскому языку? Обучение после краткого вводного курса начинается с букв и чтения. Основной принцип «от простого к сложному», по сути, нарушается. Учащийся второго класса, который совсем недавно овладел навыками чтения на родном языке, поставлен в ситуацию, когда он должен начать читать на новом для него языке, не овладев устной речью на уровне адекватного озвучивания. Вполне естественно, что ребенок переносит имеющийся у него запас навыков и умений в чтении на родном языке на иностранный. И это тупиковый путь, который в дальнейшем будет вызывать трудности в обучении, резкое снижение мотивации и отношение к французскому языку не как к средству общения, а как к нагромождению непонятных конструкций и правил.

Многолетняя практика работы автора показывает, что принцип обучения французскому языку в начальной школе должен быть сформулирован так : «от элементарного к простому и далее к сложному». «Элементарное и простое» - это базовые умения и навыки во всех видах коммуникативной компетенции (говорение, письмо, чтение, аудирование). Доведенные до автоматизма, сформированные и устойчивые навыки станут прочной базой для дальнейшего успешного овладения языком, когда доля «автономизации» учащего в обучении постоянно возрастает и иностранный язык становится не только средством общения, но и инструментом приобретения новых знаний и умений.

Первоэлемент любого языка – это звук. С него и надо начинать на начальном этапе. Почему?

1. Фонетические системы русского и французского языков совершенно различны на всех уровнях в количественном и качественном отношении.

Русский язык – это язык согласных, французский – язык гласных. 37 согласных фонем в русском и 17 – во французском, 5 гласных в русском и 14 – во французском (в практике обучения французскому языку как иностранному 2 фонемы исключаются), также во французском языке имеется 3 полугласных-полусогласных фонемы, подобных которым нет в русском языке.

В практике преподавания автор не использует термин «фонема», заменяя его словом «звук», но учащимся нужно объяснить, что речь идет не просто о звуке, но о звуке, различающим смысл слова, как, например [о] и [у] в русских словах «стол» и «стул». (далее в тексте под словом «звук» подразумевается «фонема»).

Французские согласные, за исключением некоторых, обычно не представляют больших трудностей для русскоязычных ни в плане восприятия и дифференциации, ни в плане воспроизведения. Точнее будет сказать, они представляют гораздо меньшие трудности, чем французские гласные. Но гласные французского языка в связи с тем, что подавляющее большинство слогов являются открытыми, т. е. оканчивающимися на гласный, приобретают «огромный психологический вес». Являясь «истинным центром слога» и имея «четкую и напряженную артикуляцию на протяжении всего процесса произнесения» гласные, «кажется, становятся для согласных неотъемлемой опорой, когда согласный тесно прикрепляется к следующему за ним гласному». [Billière 2005: 8].

Все эти явления совершенно несвойственны русскому вокализму. Кроме этого, во французском языке по сравнению с русским преобладают односложные и малосложные слова, при этом односложные слова относятся к наиболее употребительным [Гак 1995: 62-63]. Зачастую ошибка в один гласный звук приводит к искажению смысла всего слова. Неумение «озвучивать» речь в соответствие с нормами французского языка исключает говорящего из процесса коммуникации (это касается не только устной речи, но и всех видов речевой деятельности).

2. Артикуляционные базы русского и французского языков значительно отличаются, особенно это касается вокализма. В разных языках число коррелятивных дифференциальных признаков, лежащих в основе системы гласных, в среднем колеблется от двух до четырех. В русском языке оно минимально, во французском – максимально(4), чем и объясняется большее число гласных фонем во французском языке. «Во французском языке различительные признаки гласных более разнообразны, более независимы друг от друга и более устойчивы, чем в русском» [Гак 1995: 47]. Наличие открытых и закрытых, заднеязычных, переднеязычных, огубленных, носовых гласных, которые являются фонемами требуют системной работы по формированию новой артикуляционной базы.

3. Возраст 6-7 лет признан многими методистами, опирающимися на исследования нейрофизиологов и нейропсихологов, самым «благодатным» для работы над произношением. Возраст 10 лет является критическим для приобретения произносительных навыков, адекватных нормам изучаемого языка, после формируется «национальное ухо», когда звуки чужого языка воспринимаются через «фонологическое сито» (термин Н. С. Трубецкого) родного языка.

Возрастные особенности младших школьников предполагают максимальное использование игровых моментов. Фонетика представляет для этого огромные возможности. Это отметил еще А. М.

Пешковский, известный русский лингвист и методист. Он писал: «Нигде игра не сливается так близко с делом и трудом, как именно в фонетике, и поэтому ничто так не пригодно для начального обучения, как она. Нигде, опять-таки, эта игра не превращается с такой легкостью в серьезное (подчеркнуто у автора), развивающее мыслительный аппарат дело, как в фонетике [Пешковский 1923: 11].

Практика преподавания автора показывает, что системно отработанные базовые фонетические знания, автоматизированные произносительные навыки, а на их основе навыки чтения и письма на начальном этапе обучения позволяют в дальнейшем интенсифицировать процесс обучения, перенеся акценты на другие аспекты языка и речи. При этом доля СУД (самостоятельной учебной деятельности) учащихся в процессе изучения иностранных языков возрастает, что реально обеспечивается полученными базовыми знаниями, навыками и умениями, а также формируемыми с начала обучения навыками самостоятельной работы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гавриш Л. Ф. Фонетика в системе обучения французскому языку в начальной школе // Актуальные проблемы лингвистики: Уральские лингвистические чтения: Материалы ежегодной региональной научной конференции. 2003. Екатеринбург, 3-4 февраля 2002 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – №16. – С. 64-65.

2. Гавриш Л. Ф. Новые технологии как средство оптимизации процесса изучения языка и достижения социальной компетентности // Культурологический подход в образовании: Материалы IY Всероссийской научно-практической конференции 26 февраля 2005г. – Екатеринбург: ИД «Гриф», 2005. – С.31-39.

3. Гавриш Л.Ф. Компетентностный подход в обучении французскому языку в начальной школе //Компетентностный подход в образовании: достижения, проблемы и опыт образовательной практики Екатеринбурга: Материалы XII городских педагогических чтений/ под общ. ред. А. А. Симоновой, М. В. Хайдуковой. – Екатеринбург: МУ ИМЦ «Екатеринбургский Дом Учителя», 2006. – С.120-122.

4. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – М.: Просвещение, 1995. – 288 с.

5. Жедек П. С. Вопросы теории и методики обучения фонетике, орфоэпии, графике и орфографии. - Томск: Пеленг, 1992.

6. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка. – Страсбург, Москва: Департамент современных языков, изд-во МГЛУ, 2003. 245 с.

7. Пешковский А. М. Методическое приложение к книге «Наш язык». - М.: Госиздат, 1923. – 123 с.

8. Billières M. (2005) « Codage phonologique et boucle articulatoire en mémoire de travail – Un support pour la facilitation de l'accès à l'oral et à la lecture pour des publics débutants en français langue étrangère ». Corela, Numéros spéciaux, Colloque AFLS. – 218 p.

9. Hagège C. L'enfant à deux langues. Edition O. Jacob, 1996. 79 p.

10. Hermeline L. Enseigner la phonétique : oui , mais comment ?// Le français dans le monde, 2000, №318. – P. 46-58.

11. Léon M., Léon P. La prononciation du français. Paris, 1996. 340 p.

12. Politique linguistique pour une Europe multilingue et multiculturelle. Conseil de l'Europe, Strasbourg, décembre 1997. 94 p.

Игошева О.С., Томилова А.И.
ИИЯ УрГПУ, Екатеринбург, Россия
ool.aglo@gmail.com, alexara@list.ru

ОСОБЕННОСТИ РИФМЫ В ИСПАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Рифма – органический компонент стиха. Как структурная деталь стиха, как художественно-эвфонический образ, как граница, разделяющая строфу, она является литературным фактом. Материальная же природа рифмы лингвистична, рифму образуют языковые единицы – звуки, единство звуков, слог, состав слова и т.п. Изучение рифмы теоретическим и историко-сопоставительными методами представляет предмет научной поэтики. Для развития поэзии необходимо изучение существующих научных положений о рифме [Цоцорина 1999: электр. ресурс].

Актуальность сопоставительного изучения рифмы в русском и испанском языках обусловлена возрастающим интересом к испанскому языку, культуре Испании, а также к проблемам перевода поэтических произведений. Поэзия – один из тех факторов, который обладает понудительной силой, направленной только в одну сторону – к взаимному сближению литератур, а через них – и народов, представляющих эти литературы.

В русской и испанской поэзии метрические системы различаются. Русскому стихосложению свойственна симметричность ударений и подсчет количества слогов в строке, который, однако, отходит на второй план, что говорит о приверженности силлабо-тонической традиции. Определив особенность чередования ударных и безударных слогов, мы можем определить вид стопы³. В зависимости от комбинации ударных и безударных слогов различаются следующие стопы: хорей, ямб, дактиль, амфибрахий, анапест. Выяснив разновидность стопы, необходимо определить, какое количество стоп укладывается в одну строку. Благодаря этому можно окончательно определить размер русского стиха: трехстопный ямб, четырехстопный хорей, четырехстопный анапест и т.д. [Гаспаров 1984: электр.ресурс]

В зависимости от положения ударения в рифмованном слове различают несколько типов рифмы⁴: 1) *мужская рифма*, где ударение стоит на последнем слоге (гласный звук, согласный с гласным или

³ Стопа - соединение по определенным правилам слогов различного количества или качества, являющееся наименьшей повторяющейся группой в стихотворной речи [Ахманова 1969: 600]

⁴ Рифма — повторение более или менее сходных сочетаний звуков в окончаниях стихотворных строк или симметрично расположенных частей стихотворных строк [Ахманова 1969:587]

группа звуков, произносимых единым выдыханием [Квятковский 1966: электр.ресурс]); 2) *женская рифма*, где ударение падает на предпоследний слог; 3) *дактилическая рифма*, в которой ударение находится на третьем слоге от конца строки; 4) *гипердактилическая рифма*, в которой ударение падает на четвертый слог или дальше. Расположение рифмы внутри строфы⁵ может быть разным. Например, в четверостишии возможны кольцевая (опоясывающая или охватная) рифма *abba*, смежная рифма *aabb*, перекрестная рифма *abab* и сквозная рифма *aaaa* [Брюсов 1924: электр.ресурс].

Несколько иную, нежели в русском стихосложении, картину мы можем увидеть в испанской поэзии, где одинаковое количество слогов в строке (принцип изосиллабизма или равностолия) важнее, чем симметричность ударений. Такого рода систему стихосложения принято называть силлабической [Алексеева 2001:261]. На основе данного принципа выделяются такие размеры как пятисложный, шестисложный, девятисложный и др. Например:

пятисложный	шестисложный	девятисложный
<i>La senorita Del abanico, Va por el Puente Del fresco rio (Federico Garcia Lorca «Cancion de jinete»)</i>	<i>En la luna negra de los bandoleros, cantan las espuelas (Federico Garcia Lorca «Romance de la guardia civil Espanola»)</i>	<i>En el silencio estrellado la luna daba a la rosa y el aroma de la noche (Miguel de Unamuno «La luna y la rosa»)</i>

Следует отметить, что ударение в испанской поэзии иногда выполняет более заметную функцию, чем обычно. В некоторых случаях отдельные строки испанского стихотворения могут приобретать отчетливое ямбическое, хореическое, дактилическое звучание, в результате чего создается иллюзия равностопия. Однако при этом мы можем говорить о силлабо-тонических признаках лишь отдельных фрагментов стихотворения, поскольку таковые исчезают уже через несколько строк, и стихотворение в целом не может быть определено как написанное той или иной стопой.

Испанские поэты по сей день придерживаются в своем творчестве строфического разнообразия. В полный список возможных разновидностей испанских строф входит более восьмидесяти вариантов. Самыми распространенными из них являются следующие:

1	Вильянсико (villancico) – песенная строфа, состоящая из запева (2-3 стиха), редондилли (четверостишие, написанное восьмисложником и короткой строкой) и репризы, в которой повторяется строка запева.	<i>Riu, riu, chiu, La guarda ribera, Dios guardó el lobo de nuestra cordera. El lobo rabioso La quiso morder, Mas Dios poderoso La supo defender, Quizole hazer que No pudiesse pecar, Ni aun original</i>
---	---	--

⁵ Строфа - соединение двух или нескольких стихотворных строк в единое ритмическое, интонационное и смысловое целое [Ахманова 1969: 600]

		<i>Esta virgen no tuviera. Riu, riu, chiu, La guarda ribera, Dios guarde el lobo De nuestra cordera (Pablo Piferrer)</i>
2	«Четвертная дорога» (cuaderna vía) – четверостишия на одну рифму и четырнадцатисложный (александрийский стих) с цезурой посередине	<i>Mester traygo fermoso non es de ioglaría mester es sin pecado que es de clerezía fablar curso rimado por la quaderna vía a silauas contadas que es grant maestría</i>
3	Двустиие (pareado) – строфа, состоящая из двух рифмующихся между собой строк, размер которых может варьироваться.	<i>Ante una vidriera rota coso mi lírica ropa (Federico García Lorca «Lunes, miércoles y viernes», del libro Canciones)</i>
4	Десима (decima) – десять восьмисложных строк, рифмующихся по схеме 1221133443.	<i>Cuentan de un sabio que un día tan pobre y mísero estaba que sólo se sustentaba de unas yerbas que cogía. "¿Habrá otro -entre sí decía- más pobre y triste que yo?" Y cuando el rostro volvió halló la respuesta, viendo que iba otro sabio cogiendo las hojas que él arrojó (Pablo Piferrer)</i>
5	Заджалъ (zejel) – древняя лирическая форма мосарабского происхождения. Строфа, состоящая, как правило, из запева, монорифменного трехстишия и репризы, повторяющей запев.	<i>¡Ay fortuna, cógeme esta aceituna! [Estríbillo de 2 versos] Aceituna lisonjera verde y tierna por defuera, y por dentro de madera, [Mudanza] ifruta dura e importuna! [Vuelta] ¡Ay fortuna, cógeme esta aceituna! [Repetición del estríbillo] (Quevedo: Letrilla satírica)</i>
6	Катрен (cuarteto) – четверостишие с перекрестной или опоясной рифмовкой, строки которого содержат свыше восьми слогов.	<i>¿Qué tengo yo que mi amistad procuras? ¿Qué interés se te sigue, Jesús mío, que a mi puerta cubierto de rocío, pasas las noches del invierno oscuras? (Lope de Vega)</i>
7	Сегидилья (seguidilla) – форма народной песни, в которой используется строфа из четырех строк; первая и третья при этом семисложны и между собой не рифмуются, вторая и четвертая состоят из пяти слогов и связаны рифмой.	<i>Hacia Roma caminan dos peregrinos, a que los case el Papa, porque son primos (Federico García Lorca «Los peregrinos»)</i>
8	Кинтет (quinteto) – строфа в пять девяти- или одиннадцати сложных строк, с рифмовкой по схеме 12122 –	<i>El buen caballero partió de su tierra; allende los mares la gloria buscó; los años volaban, se acabó la guerra; y allende los mares hasta él voló,</i>

	12112. Если в строке кинтета менее девяти слогов, он называется кинтильей (quintilla).	<i>voló un triste viento de su dulce tierra</i> (Pablo Piferrer)
9	Летрилья (letrilla) – стихотворение сатирического содержания, написанное в форме вильянско или романса с припевом.	<i>Madre, yo al oro me humillo, él es mi amante y mi amado, pues, de puro enamorado, anda continuo amarillo, que pues doblón o sencillo hace todo cuanto quiero, poderoso caballero Es Don Dinero</i> (Quevedo: Letrilla satírica)
10	Октава (octava real) – строфа из восьми одиннадцатисложных строк, обычно рифмующихся по схеме 12312344.	<i>Aquella voluntad honesta y pura ilustre y hermosísima María, que en mí de celebrar tu hermosura, tu ingenio y tu valor estar solía, a despecho y pesar de la ventura que por otro camino me desvía, está y estará en mí tanto clavada, cuanto del cuerpo el alma acompañada</i> (Garcilaso de la Vega)

Способы рифмовки испанского стихотворения имеют некоторую схожесть с русскими, но все же во многом от них отличаются. Это обусловлено и разницей в самой природе языков, и различиями культурно-исторических условий, в которых складывались испанская и русская поэтики. В испанской поэтике различают следующие типы рифм: 1) **гласно-согласные** (consonancias); 1.1. *Точная рифма* (rima perfecta) – в клаузулах⁶ полностью совпадают ударные гласные и все последующие за ними звуки: pena-pena; conmovida-herida. Графическая идентичность рифмующихся клаузул не обязательна: lavas-habas; 1.2. *Дифтонговая рифма* (rima diptongada) – рифма, удовлетворяющая определению точной рифмы, но в этой ударное **e** рифмуется с дифтонгом **ie** или **ue**: perro-entierro; pero-muerto, primavera-quisiera; 1.3. *Рифмоид* (rima simulada) – рифма, при которой полностью совпадают лишь ударные слоги, а заударные созвучны лишь приблизительно: arbol-marmol; 2) **гласные** (ассонанс – asonancia). Несмотря на то, что испанский ассонанс называется так же, как и русский, по своим параметрам он существенно от него отличается; 2.1. *Точный ассонанс* – такое созвучие клаузул, когда в них совпадают только гласные звуки, а согласные – различны: misa-pila-tinga; 2.2. *Дифтонгический ассонанс* – ударная гласная рифмуется с соответствующим дифтонгом: caíma-gama; 2.3. *Неточный ассонанс* – в заударной позиции **i** рифмуется с **e**, а **o** – с **u**: templo-venus; padre-Cadiz.

⁶ Клаузула – окончание стихотворной строки, состоящее из последнего ударного и следующих за ним безударных слогов, если они имеются [Ахманова 1969:581]

Стихи, лишенные рифмы, обычно называют белыми (*versos sueltos*). Если же в испанском стихотворении нельзя обнаружить признаков изосиллабизма, то его относят к разряду верлибра⁷ (*verso libre*).

Проанализировав классификации типов рифм в русском и испанском стихосложении, можно отметить, что в первой из них упор делается на положение ударения в строке, тогда как во второй более важным является сохранение определенного количества слогов в строке. Это доказывает, что русская и испанская поэтики следуют силлабо-тоническому и силлабическому принципам соответственно, что, в свою очередь, показывает нам разность двух данных видов стихосложения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика. С-Пб., «Союз», 2001. 288 с.

2. Ахманова О. Г. Словарь лингвистических терминов (около 70000 терминов) / О. Г. Ахманова. М. : Советская энциклопедия, 1966. 607 с.

3. Брюсов В. Я. О рифме // Печать и революция. №1 – 1924. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://dugward.ru/library/brusov/brusov_o_rifme.html (дата обращения: 22.03.2013).

4. Википедия, свободная энциклопедия (на русском языке) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.wikipedia.ru> (дата обращения: 26.12.12).

5. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М.: Наука, 1984. – С. 29-52. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.infoliolib.info/philol/gasparov/gsprsfr.html> (дата обращения: 22.03.2013).

6. Квятковский А. П. Поэтический словарь / Науч. ред. И. Роднянская. М.: Сов. Энцикл., 1966. 376 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://wikilivres.ru> (дата обращения: 22.03.2013).

7. Цоцорина Т. Н. Эвфонико-семантическая функция рифмы Галактиона Табидзе [Текст] : автореферат дис. ... канд. фил. наук. : 10.01.08.Тбилиси, 1999. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/evfoniko-semanticheskaya-funktsiya-rifmy-galaktiona-tabidze> (дата обращения: 22.03.2013).

Кузина Ю.В.

ИИЯ УрГПУ, Екатеринбург, Россия

kuzina85@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «АНГЛИЙСКИЙ ЧУДАК» В СКАЗОЧНОЙ ПОВЕСТИ Л. Ф. БАУМА «УДИВИТЕЛЬНЫЙ ВОЛШЕБНИК СТРАНЫ ОЗ»

В силу антропологической ориентации современной лингвистики одним из новых, активно развивающихся направлений является лингвоперсонология — наука, предметом изучения которой является

⁷ Верлибр – то же, что стих свободный [Ахманова 1969:576]

человек в языке, или языковая личность. Языковая личность изучается в двух основных направлениях [Карасик 2007: 223]: выделение языковой личности как конкретно индивидуального или типизируемого образования. В рамках второго направления построение модели языковой личности происходит с опорой на ту или иную область знания. Происходящая интеграция гуманитарного знания стала причиной того, что лингвоперсонология опирается на достижения таких наук, как лингвистика, литературоведение, психология, социология, культурология.

Одним из направлений изучения языковой личности с позиций лингвокультурологии является изучение лингвокультурных типажей. Лингвокультурный типаж — это типизируемая личность, представитель определенной этносоциальной группы, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации [Карасик, 2004: 49]. Совокупность таких узнаваемых образов составляет культуру того или иного общества. Каждой культуре свойственен собственный набор лингвокультурных типажей.

В исследовательском плане лингвокультурный типаж представляет собой концепт, содержанием которого является типизируемая личность. Соответственно, можно выделить образную, понятийную и ценностную сторону у концепта «лингвокультурный типаж N» [Карасик, 2002: 43].

Текст художественного произведения является продуктом культуры, к которой принадлежит автор; в созданных им словесных образах находят отражение ценности, присущие данной культуре. С одной стороны, лингвокультурный типаж как разновидность лингвокультурного концепта имеет своим центром ценностную составляющую [Карасик, Слышкин 2001: 76], выражая ценности социума. С другой стороны, важной характеристикой лингвокультурного типажа является способность конкретизироваться в персонаже художественного произведения [Карасик 2007: 235].

Данные положения позволяют нам считать, что при анализе текста художественного произведения возможно выделение лингвокультурных типажей, воплощённых автором в созданных им персонажах.

Как отметили В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин, «вход в концепт» осуществляется при помощи языковых единиц различных уровней [Карасик, Слышкин 2001: 77]. Отправной точкой нашего исследования сказочной повести Л. Ф. Баума «Удивительный волшебник страны Оз» является дефиниционный анализ лексем, использованных писателем для описания персонажей.

Одним из типажей английской лингвокультуры является лингвокультурный типаж «английский чудак», подробно описанный в работах В. И. Карасика и Е. А. Ярмаховой. Согласно выводам, сделанным Е. А. Ярмаховой, лингвокультурный типаж «английский чудак» является актуальным смысловым образованием в сознании как англичан, так и иностранцев, в той или иной мере знакомых с английской культурой. Лингвокультурный типаж «чудак» представляет собой обобщенный образ человека, ведущего себя странным образом. Конститутивными понятийными признаками рассматриваемого концепта

являются следующие: 1) человек, 2) вызывающий недоумение и удивление, 3) своей необычностью (странностью), 4) неопасный 5) получающий оценку [Ярмахова 2005: 7].

В отношении сказочной повести Л.Ф. Баума «Удивительный волшебник страны Оз» мы предполагаем, что персонажем, воплощающим в себе лингвокультурный типаж чудака, является the Scarecrow (Страшила в русскоязычных переводе С. Белова и литературной интерпретации А. М. Волкова). Для проведения дефиниционного анализа лексем, с помощью которых описан данный персонаж, мы обращаемся к лексикографическим источникам, начиная с анализа имени данного автором персонажу.

В словарях приводится несколько определений лексемы *scarecrow*. Первым из них является следующее:

Scarecrow

- an object usually *suggesting a human figure* that is set up to frighten birds away from crops [Merriam Webster's Dictionary: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/scarecrow>]

- an object *made to look like a person*, that is put in a field to frighten birds away

[Longman Advanced American Dictionary: <http://www.longmandictionariesusa.com/laad/dictionary#scarecrow>]

- an object, usually *a figure of a person* in old clothes, set up to frighten crows or other birds away from crops [Collins World English Dictionary: <http://dictionary.reference.com/browse/scarecrow?s=t>]

Согласно приведённым дефинициям, рассматриваемая лексема обозначает не человека, но объект, воссоздающий человеческий облик. Кроме того, согласно этимологии данного слова изначально оно обозначало именно человека, а позже приобрело современное значение.

scarecrow: word origin and history

1550s, Earliest reference is to *a person* employed to scare birds. Stick-figure sense is implied by 1580s [Online Etymology Dictionary: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=scarecrow&searchmode=none].

Подтверждением данной идеи служит то, что автор в тексте сказочной повести часто называет данного персонажа «набитым (соломой) человеком», *stuffed man*.

*Dorothy was puzzled ... to hear **a stuffed man** speak, and to see him bow and walk along beside her.*

*He smelled around **the stuffed man** as if he suspected there might be a nest of rats in the straw...*

*«Thank you very much, » said the Scarecrow, when he had been set down on the ground. «I feel like **a new man**».*

Существенной характеристикой чудака является признак «неопасный», который и определяет юмористическую тональность отношения к нему [Ярмахова 2005: 10]. Согласно следующим словарным дефинициям, этот признак присущ и рассматриваемому нами персонажу:

Scarecrow

- something frightening but *harmless* [Merriam Webster's Dictionary: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/scarecrow>]
- a person or thing that appears frightening but is *not actually harmful* [Collins World English Dictionary: <http://dictionary.reference.com/browse/scarecrow?s=t>]
- anything frightening but *not really dangerous* [Random House Dictionary: <http://dictionary.reference.com/browse/scarecrow?s=t>]

Как мы видим, общим для приведённых дефиниций является значение неопасности вопреки пугающему внешнему виду.

Согласно исследованию Е. А. Ярмаховой, чудаку свойственно эксцентричное поведение. В исследовании приведены различные виды эксцентричности, в частности, пренебрежение к социальным нормам в одежде, бросающаяся в глаза неопрятность либо экстравагантность [Там же, 9]. Словарные дефиниции, раскрывающие внешний облик the Scarecrow (Страшилы), таковы:

Scarecrow

- a skinny or *ragged* person [Merriam Webster's Dictionary: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/scarecrow>]
- an *untidy-looking* person [Collins World English Dictionary: <http://dictionary.reference.com/browse/scarecrow?s=t>]
- a person in *ragged* clothes [Random House Dictionary: <http://dictionary.reference.com/browse/scarecrow?s=t>]

Данные дефиниции показывают, что исследуемому нами персонажу свойственна небрежность, неопрятность в одежде. В пользу истинности данного утверждения свидетельствует описание данного персонажа:

...An *old*, pointed blue hat... *was perched* on his head, and the rest of the figure was a blue suit of clothes, *worn and faded*, which had also been stuffed with straw. On the feet were some *old boots* with blue tops, such as *every man* wore in this country...

Лексема *blue* упоминается в приведенном нами отрывке три раза, что также побудило нас обратиться к словарям. Дефиниционный анализ данной лексики показал, что помимо обозначения цвета, она имеет следующее значение:

Blue

- low in spirits; marked by low spirits [Merriam Webster's Dictionary: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/blue>]
- sad and without hope [Longman Advanced American Dictionary: http://www.longmandictionariesusa.com/laad/dictionary#blue_1]
- depressed, moody, or unhappy [Collins World English Dictionary: <http://dictionary.reference.com/browse/blue?s=ts>]
- depressed in spirits; dejected; holding or offering little hope; dismal; bleak [Random House Dictionary: <http://dictionary.reference.com/browse/blue?s=ts>]

Согласно тексту повести, подобным образом выглядел каждый человек

(мужчина) в этой стране.

Every

- used for referring to all the people or things in a particular group or to all the parts of something [Longman Advanced American Dictionary]
- being one of a group or series taken collectively [Random House Dictionary: <http://dictionary.reference.com/browse/every?s=t>]
- each one (of the class specified), without exception [Collins World English Dictionary: <http://dictionary.reference.com/browse/every?s=t>]
- being each individual or part of a group without exception [Merriam Webster's Dictionary: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/every>]

Кроме реализации конститутивного понятийного признака *человек*, такое сочетание лексем раскрывает грани образа персонажа, не отражённые в русскоязычных вариантах повести, такие как неопасность, неопрятность в одежде и внешнем виде в целом. Кроме того, из текста повести становится понятным, что the Scarecrow (Страшила) можно считать типичным представителем своей страны и народа, её населяющего (the land of the Munchkins).

Лексема *blue*, несущая в себе такие значения, как «печальный», «грустный», «безнадёжный», «несчастный», с одной стороны, «очеловечивает» персонажа, ведь только люди могут испытывать подобный чувства и эмоции. С другой стороны, мы понимаем, что такие чувства и эмоции свойственны всем жителям страны, где Дороти встретила Страшила.

По итогам проведённого анализа, Е. А. Ярмахова указывает в качестве базового признака чудака его странность как отклонение от нормы. Разные виды странности противопоставлены друг другу по содержанию нормы, отклонение от которой обозначено той или иной лексемой. «Чужачество» является частным случаем «странности», которая, в свою очередь, выступает частным случаем «необычности» [Ярмахова 2005: 12]. Данный признак также выражен с помощью лексем, использованных автором для описания персонажа the Scarecrow (Страшила).

*...While Dorothy was looking earnestly into the **queer**, painted face of the Scarecrow, she was surprised to see one of the eyes slowly wink at her.*

*... for it sounded **queer** to hear a stuffed man speak*

В лексикографических источниках приведены следующие дефиниции лексемы *queer*.

Queer

- differing in some odd way from what is usual or normal
- eccentric, unconventional: mildly insane : touched
- absorbed or interested to an extreme or unreasonable degree : obsessed [Merriam Webster's Dictionary: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/queer>]
- (old-fashioned) strange [Longman Advanced American Dictionary: <http://www.longmandictionariesusa.com/laad/dictionary#queer>]

Данные словарные дефиниции свидетельствуют о обладании персонажем таких качеств, как странность (odd, strange), эксцентричность (eccentric), и даже лёгкая степень психической

ненормальности (mildly insane, touched). Все эти качества, согласно исследованию Е. А. Ярмаховой, свойственны чудаку [Ярмахова 2005: 7].

В силу своей странности чудак вызывает недоумение и удивление. О странности the Scarecrow (Страшила), свидетельствуют также лексемы, с помощью которых автор описывает отношение к нему Дороти.

... *she (Dorothy) **was surprised** to see one of the eyes slowly wink at her...*

Surprise (verb)

- to strike with wonder or amazement especially because unexpected [Merriam Webster's Dictionary: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/surprise>]

- to strike or occur to with a sudden feeling of wonder or astonishment [Random House Dictionary: <http://dictionary.reference.com/browse/surprise?s=t>]

Surprised (adjective)

- having the feeling you get when something unusual or unexpected happens [Longman Advanced American Dictionary: <http://www.longmandictionariesusa.com/laad/dictionary#surprised>]

... «*Did you speak?* » *asked the girl, **in wonder**...*

(In) wonder

- the quality of exciting amazed admiration
- rapt attention or astonishment at something awesomely mysterious or new to one's experience

- a feeling of doubt or uncertainty [Merriam Webster's Dictionary: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/wonder>]

- to be surprised by something [Longman Advanced American Dictionary:

http://www.longmandictionariesusa.com/laad/dictionary#wonder_1]

... *Dorothy **was puzzled** at this, for it sounded queer to hear a stuffed man speak, and to see him bow and walk along beside her.*

Puzzle (verb)

- to confuse someone because s/he does not understand something [Longman Advanced American Dictionary: http://www.longmandictionariesusa.com/laad/dictionary#puzzle_2]

Puzzled (adjective)

- confused and unable to understand something [Longman Advanced American Dictionary: <http://www.longmandictionariesusa.com/laad/dictionary#puzzled>]

Согласно приведённым дефинициям, Страшила вызывает у встретившейся с ним Дороти те чувства и эмоции, которые, по Е. А. Ярмаховой, вызывает чудак своей странностью: недоумение, удивление, любопытство.

Проведённый нами дефиниционный анализ подтверждает, что персонаж the Scarecrow (Страшила) обладает способностью вызывать удивление своей странностью. Данному персонажу также свойственен неопрятный внешний вид, что, по Е. А. Ярмаховой, является одним из

проявлений эксцентричности. Несмотря на свой внешний вид, Страшила неопасен. По своей сути Страшила не является человеком, но его образ максимально приближен к человеческому. Таким образом, мы можем утверждать, что персонаж обладает признаками лингвокультурного типажа «английский чудак» и является его воплощением.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
2. Карасик В.И. Коммуникативный типаж: аспекты изучения // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы. — Волгоград, 2004. — С. 48—50.
3. Карасик В.И. Языковые ключи. — Волгоград: Парадигма, 2007. — 520 с.
4. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А.Стернина. — Воронеж: ВГУ, 2001. — С. 75—80.
5. Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудак»: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19. —Волгоград, 2005. — 19 с.
6. Baum L.F. The Wonderful Wizard of Oz [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.literature.org/authors/baum-l-frank/the-wonderful-wizard-of-oz/>
7. Dictionary.com [Электронный ресурс].URL: <http://dictionary.reference.com/>
8. Longman Advanced American Dictionary [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.longmandictionariesusa.com/>
9. Merriam Webster's Dictionary [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.merriam-webster.com/>

*Куркова Ю.Н.
УрГЭУ, Екатеринбург, Россия
kurkova.yulia@yandex.ru*

ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА «БАБУШКИНЫ СКАЗКИ» ЖОРЖ САНД)

Период 1860–1900 гг. – это «эпоха переводов» произведений Жорж Санд, о которой писал еще В.Г. Белинский. Если до этого времени ежегодно переводилось и издавалось в среднем от двух до шести романов или повестей, то после 1860-х гг. их число могло увеличиваться до одиннадцати. Особый интерес представляют малоизученные произведения Жорж Санд, переводами которых занималась лишь А.Н. Толиверова. Это «Бабушкины сказки», написанные романисткой в период с 1872 г. по 1875 г.

«Бабушкины сказки» Жорж Санд – увлекательные, в то же время мудрые сочинения, интересные широкому кругу адресатов. А.Н.

Толиверова дала возможность русскому читателю беспрепятственно насладиться «венцом» творческого наследия Жорж Санд. Насколько полно и точно она сумела передать философскую концепцию, композицию, содержание и образы оригинала сказок, мы сможем понять только после сопоставительного анализа перевода и оригинала хотя бы одной из них. Для примера возьмем сказку «Красный молоток» 1893, [Санд Жорд, 1991: 301-312] и «Le marteau rouge» [Sand George, 2004: 384-393].

В данном произведении Жорж Санд повествует о судьбе сердоликовой глыбы, однажды отделившейся от скалы и разделенной волшебной феей на мелкие части. Один из таких осколков попал в руки к оружейнику, который сделал из него палицу для своего клиента – великого вождя воинственного племени. Это оружие долго оберегало народ от вражеских набегов и служило ему своеобразным талисманом. Далее оно часто меняло свои функции в зависимости от того, в чьих руках оказывалось. Оно было и кухонным ножом у старушки, и предметом гордости в коллекции антиквара, и воображаемой морковью для кукольного супа у шестилетней девочки. Жорж Санд выводит мораль сказки: цена и роль предметов определяется самим человеком («предметы существуют постольку, поскольку мы придаем им цену»).

Таков краткий пересказ фабулы произведения, полностью совпадающий и в русском, и во французском вариантах. По объему обе сказки занимают практически одинаковое количество страниц (около десяти). Из всего французского текста выпущено всего два-три предложения, не играющие большой роли в построении сюжета, но иногда делающие образ, о котором идет речь, более ярким.

Практически все конструкции оригинала сохранены, текст передан в полном виде, но при этом внутренняя структура перевода не соответствует оригиналу. Большие и сложные абзацы Жорж Санд Толиверова дробит на более мелкие, тем самым облегчая не только чтение произведения, но и его устное восприятие.

Подобная тенденция очевидна и при переводе некоторых синтаксических конструкций. Большая часть повествования Жорж Санд состоит из длинных, сложных, имеющих причастные и деепричастные обороты предложений, что сильно затрудняет понимание текста. В русском же варианте многие эти громоздкие конструкции сохранены – это точно передает стиль французской писательницы. При переводе синтаксических конструкций переводчица допускает меньше вольностей, чем при построении самой композиции текста, но точной передачи всех элементов все же не наблюдается.

Что же касается передачи лексического строя оригинального произведения, то А.Н. Толиверова, ориентируясь на детское восприятие, подвергла французскую сказку определенным трансформациям. Как известно, адресатами «Бабушкиных сказок» Жорж Санд были ее внучки. В связи с этим и в самих произведениях она обращалась непосредственно к ним: «mes enfants» («мои дети»). Толиверова в соответствии с традициями русских сказок «мои дети»

переводит как «милые дети», тем самым значительно расширяя читательскую аудиторию.

Руководствуясь стремлением приспособить французскую сказку к восприятию русским читателем, при переводе некоторых лексических единиц переводчица использует слова, обозначающие чисто русские реалии. Тогда создается впечатление, что это не иноязычное произведение, а русское народное. Русский вариант сказки Жорж Санд практически не сокращен, в предложениях сохранены почти все лексические единицы. Переводчица стремилась не сократить текст, а, наоборот, расширить его, объяснить каждый элемент, не совсем понятный при буквальном воспроизведении оригинала по причине лаконичности французского языка. Важным недостатком русского варианта сказки являются подобранные переводчицей неточные эквиваленты французской лексики. Иногда они изменяют идеи Жорж Санд, а иногда просто подменяют детали повествования.

Таким образом, оригинал сказки «Красный молоток» и его перевод, выполненный А.Н. Толиверовой, при полном сходстве сюжетной линии имеют одно важное различие, объясняющее все трансформации исходного текста, – адресаты произведения. Переводчица адаптировала сочинение Жорж Санд только для детей, отсюда все композиционные, синтаксические, лексические и стилистические перестройки. Романистка же создала классическое произведение, интересное для любой возрастной группы и актуальное даже через сто и более лет после его создания.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Санд Жорж. Красный молоток/ Пер. с франц. А.Н. Толиверовой // Санд Жорж. Бабушкины сказки – М., 1991. – С. 301–312.
2. Sand George. Le marteau rouge // Sand George. Conte d'une grand-mère. – Edition Flammarion, 2004. – P. 384–393.

*Манчева Е.Г.
ИГЭУ им. В.И. Ленина, Иваново, Россия
ekmancheva@gmail.com*

МОДАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СО СТРУКТУРОЙ КОМПАРАТИВНОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА

Модальность как грамматическая и логико-семантическая категория получила достаточно широкое освещение в работах отечественных [Виноградов 1986 и др.] и зарубежных [Palmer 2001; Лайонз 2003 и др.] лингвистов, причем носителями модального значения считаются, преимущественно, слова (глаголы, наречия и имена существительные). В то же время проблема выражения модальной семантики сверхсловными образованиями и, в частности, фразеологическими единицами остается до настоящего времени мало изученной. Можно указать всего несколько работ, посвященных данному вопросу. Это,

прежде всего, диссертационные исследования С. Н. Савицкой «Фразеологические единицы с модальным значением в современном английском языке» [Савицкая 1961], которая выделила и проанализировала 113 модальных фразеологизмов английского языка и предложила их классификацию по структурно-синтаксическим признакам; а также Ж.З. Мительской «Языковые свойства фразеологизмов модального класса» [Мительская 1996]. Модальность в сфере фразеологии рассматривается также А.В. Куниным в книге «Курс фразеологии современного английского языка» [Кунин 1996: 331-339] и А.Г. Назаряном в пособии «Фразеология современного французского языка» [Назарян 1987: 203-204]. Однако до последнего времени недостаточно внимания уделялось вопросам сопоставительного анализа модальной фразеологии разных языков, а также проблемам ее перевода, т.к. имевшиеся исследования, например, [Рецкер 1974: 170-190], рассматривали лексические, грамматические и интонационные средства выражения модальности, но не учитывали возможности применения фразеологических единиц в этой функции. Только в последние десять лет начали появляться работы, посвященные изучению модальных фразеологизмов в сопоставительном и переводческом аспектах, например, [Санльер 2003; Цепордей 2009], которые, тем не менее, можно рассматривать лишь в качестве начального этапа изучения этой проблемы. Данная статья представляет собой попытку дальнейшей разработки проблемы перевода модальных фразеологизмов с английского языка на русский. Непосредственным объектом исследования являются фразеологизмы с компаративной и полукompatивной структурой.

Итак, модальность в сфере фразеологии, вслед за А.В. Куниным, следует рассматривать как «выражение ФЕ утверждения и отрицания, обозначение ими отношения к высказыванию с точки зрения его достоверности, желательности, предположительности, а также соотношенности ФЕ с модальными словами» [Кунин 1996: 336]. В соответствии с этим определением в эту группу сравнений входят компаративные фразеологизмы типа *as sure as...*, которые подтверждают «достоверность высказывания» и соотносятся со словами *surely, sure, certainly*, например, **(as) sure as a gun; (as) sure as death; (as) sure as fate**; амер. **(as) sure as shooting 'навверняка, верно, несомненно, неизбежно'**, а также **(as) sure as eggs is eggs; (as) sure as I'm alive; (as) sure as I am standing (sitting) here; (as) sure as God made little (green) apples; (as) sure as you're born** [Кунин 1996: 336]. В эту группу следует добавить также ФЕ **(as) sure as hell** и **(as) sure as you live**, имеющие аналогичное значение, но по каким-то причинам не зарегистрированные в Большом англо-русском фразеологическом словаре А.В. Кунина (далее БАРФС) [Кунин 2005], хотя только у одного автора (Рэймонда Чандлера), произведения которого были проанализированы в ходе данного исследования, в различных работах первое из двух сравнений встречается три раза. Оба фразеологизма зарегистрированы в онлайн словарях, например,

[<http://idioms.thefreedictionary.com/sure+as+you+live>]. Кроме того, модальным является переносное значение сравнения (*as*) **right as rain 'правильно, верно'**. Еще одну ФЕ **like hell 'как бы не так; так я и поверил'** А.В. Кунин включает в группу междометных компаративных фразеологизмов. С последним утверждением, в целом, можно согласиться, поскольку сигнификатом данного сравнения, как и некомпаративных ФЕ междометного характера, является «отраженное сознанием обобщенное выражение эмоции, эмоционального состояния» [Кунин 1996: 331]. Однако наряду с передачей эмоции (недоверия) данная ФЕ приобретает модальное значение – 'отрицание достоверности высказывания' или 'утверждение ложности высказывания'. Такой же переходный статус между междометиями и модальными сравнениями имеют **like fun** и устаревшая ФЕ **very like a whale 'как бы не так'**, зарегистрированные в БАРОС. Поэтому представляется целесообразным рассматривать особенности перевода этих единиц вместе с другими модальными фразеологизмами.

Все вышеперечисленные фразеологизмы с семантической точки зрения характеризуются почти полной утратой сравнительного значения. Одновременно с этим они приобретают модальное значение и соотносятся с модальными словами. Это, однако, не означает, что они равноценны последним семантически, поскольку обладают гораздо большей экспрессивностью и художественной выразительностью, т.к. стертость, неяркость образа любого устойчивого компаративного оборота не означает полной потери образности и абсолютного абстрагирования от лексического значения образного компонента. В переводческом плане модальные сравнения характеризуются, прежде всего, отсутствием постоянных эквивалентов и аналогов в русском языке. Так, ФЕ со структурой (*as*) **sure as...** имеют в русском языке только узуальные фразеологические синонимы: **даю голову на отсечение, верно, как дважды два – четыре, как пить дать**, как и фразеологизмы **like hell, like fun** и **very like a whale – как бы не так, черта лысого, черта с два**, а ФЕ (*as*) **right as rain 'правильно, верно'** никаких узуальных соответствий не имеет. Кроме того, такие компаративные единицы обычно «вводятся в речь путем соотнесенности, т.е. семантически реализуются в зависимости от сообщения о ситуации» [Кунин 1996: 339]. Именно поэтому выбор переводного соответствия в гораздо большей степени, чем при переводе других типов сравнений определяется предшествующим контекстом, причем как на семантическом, так и на синтаксическом уровне, например:

'Don't be a goof, Carmady,' she said. 'A few hours' sleep for you, a few hours' start for us. Don't make me shoot. I would.'

'Damn you,' I mumbled. 'I believe you would.'

'Right as rain, toots. I'm a lady that wants her own way. That's fine. Sit down.' (R. Chandler. *Goldfish*)

- Не будь дураком, Марло. Отдохнешь несколько часов, да и у нас будет немного времени. Не заставляй меня стрелять. Я готова это сделать.

- Черт побери, - промямлил я. – Совершенно в этом не сомневаюсь.
- **И правильно делаешь**, котик. Я – дама, любящая делать по-своему. Ну ладно. Садись.

Еще в большей степени от описания ситуации зависит перевод модального сравнения **like hell**:

'...I hear a guy say laughing that Eddie Mars' woman lammed out with Rusty Regan and Mars is acting like he was best man, instead of being sore. So I tell Joe Brody and Joe was smart'.

'Like hell he was', I said. (Chandler. The Big Sleep)

...Но потом один парень рассказал, что супруга Эдди Марса смылась будто бы с Рыжим Риганом, а Марс не только не злится, но ведет себя точно шафер на свадьбе. Все это я передал Джо Броди, он ведь был парень не промах.

- **Еще какой промах**, - буркнул я. (Перевод А. Ливерганта)

Отличительной чертой ФЕ **like hell** является необходимость повторения компонентов (отдельных слов или сочетаний) предшествующего контекста, поскольку эта ФЕ вводится «в речь путем двойной (контактной и дистантной) соотносительности с ними» [Кунин 1996: 333]. В упомянутых выше примерах переводчики смогли отразить эту особенность и в русском тексте. Это, однако, не означает невозможности использования имеющихся узуальных соответствий. Например, при передаче следующего отрывка один из переводчиков остановил свой выбор на узуальном соответствии, а другой предпочел опциональное:

I suppose she had parents. I was not interested enough to find out."

Like hell she wasn't. I could see her digging with both hands, digging hard, and getting herself a double handful of gravel. (R. Chandler. The High Window)

а) ... - Полагаю, и родители у нее были. Меня это не очень интересовало, я не спрашивала.

Черта с два, не интересовало. Я так и видел, как она пыталась раскопать, копала обеими руками, а вытаскивала горсти пустой породы. (Перевод А. и С. Рябчук)

б) Надо думать, у нее были родители. Я не выясняла – не все ли мне равно.

Как же, не выясняла она! Я представил себе, как старуха с остервенением копается в родословной невестки, словно ищет глубоко зарытый клад. (Перевод А. Ливерганта)

Оба варианта перевода адекватны оригиналу, так как совпадают с ним не только по своему сигнификативному значению, но и по экспрессивности, а полное отсутствие какой-либо образности во втором переводе не влияет на его адекватность, поскольку и в модальном фразеологизме оригинала образный компонент почти полностью стерт.

Влияние на выбор соответствия может также оказывать место модального фразеологизма в структуре предложения, а также стилистическая функция, выполняемая таким сравнением в речи героев или тексте в целом. В большинстве случаев они выступают как обособленные несогласованные члены предложения и выделяются

запятыми. Однако компаративные единицы типа **(as) sure as...** могут употребляться в середине предложения и запятыми не обособляться, например:

'Don't bother, Miss Gonzales. I'm just a guy who came here on business. I don't have any idea of raping anybody.'

'No?' The smile became soft, lazy and, if you can't think of a better word, provocative.

*'But I'm **sure as hell** working up to it,' I said. (R. Chandler. The Little Sister)*

а) – Не беспокойтесь, мисс Гонсалес. Я пришел сюда просто по делу. И никого насиловать не собираюсь.

- Вот как? – Улыбка ее стала нежной, ленивой и, если вам не удастся подобрать лучшего слова, соблазнительной.

- Но **определенно** склоняюсь к этому, - сказал я. (Перевод Д. Вознякевича)

Используемое здесь однословное соответствие «определенно» вне данного контекста не могло бы считаться полноценным эквивалентом оригинальной фразеологической единицы, поскольку значительно уступает ей по экспрессивности, однако такой вариант перевода следует считать адекватным с точки зрения передачи юмористического эффекта, создаваемого, в том числе, и компаративной единицей. В то же время, применение имеющихся межъязыковых синонимов (**как пить дать, даю голову на отсечение, как дважды два – четыре**), обладающих более яркой образностью и несколько более распространенной синтаксической структурой по сравнению с оригиналом, привлекло бы чрезмерное внимание к данной ФЕ и поэтому в данном случае неуместно. Примечательно, что и другой переводчик в этом случае выбрал семантически более нейтральное соответствие:

б) – Не беспокойтесь, мисс Гонсалес. Я пришел по делу, у меня нет намерений изнасиловать кого-нибудь.

- Да? – улыбка была ленивой и, если нельзя придумать более подходящего слова, провокационной.

- Но **думаю**, все этим закончится, - добавил я.

Анализ данного примера также подтверждает утверждение Я. И. Рецкера о том, что с переводческой точки зрения не имеет значения, выражена ли модальность отдельным словом или другими языковыми средствами при условии соответствия переводного соответствия нормам переводящего языка и функции модальности в сообщении [Рецкер 1974: 172].

Таким образом, отсутствие постоянных эквивалентов и аналогов, а также особенности функционирования английских компаративных фразеологизмов с модальным значением, необходимость реализации значения в зависимости от сообщения о ситуации приводят к тому, что в большинстве случаев переводчики отказываются от имеющихся межъязыковых синонимов и предпочитают им окказиональные соответствия, как фразеологические, так и лексико-фразеологические.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. <http://idioms.thefreedictionary.com/sure+as+you+live>
2. Palmer F.R. Mood and Modality. Second edition. Cambridge University Press. Cambridge, 2001.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учебное пособие для вузов / Под ред. Г.А. Золотовой. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1986. С.552-581.
4. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 5-е изд., перераб. М.: Русский язык – Медиа, 2005. XVIII. 1210 с.
5. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учебник для институтов и факультетов иностранных языков. – 2-е изд., перераб. М.: Высшая школа, Дубна: Издательский центр «Феникс», 1996. С. 331-339.
6. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 343-352.
7. Мительская Ж.З. Языковые свойства фразеологизмов модального класса: дис. ... канд.филол.наук. Челябинск, 1996. 198 с.
8. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка: Учеб. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1987. С. 203-204.
9. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика, М., «Международ. отношения», 1974. 216 с. С. 170-190.
10. Савицкая С.Н. Фразеологические единицы с модальным значением в современном английском языке: дис. ... канд.филол.наук. Киев, 1961. 231 с.
11. Санлыер Д. Ф. Глагольные фразеологические единицы с компонентом модальности в английском и турецком языках: дис. ... канд.филол.наук. Казань, 2003. 192 с.
12. Цепордей О.В. Лексико-семантические средства выражения модальности в художественных произведениях прозы Э. М. Ремарка и их переводах на русский язык: дис. ... канд.филол.наук. Краснодар, 2009. 209 с.

*Муртазина Д.А.
МАОУ ВПО НМИ, Нижнекамск, Россия
sha-dilyara@yandex.ru*

СТРОИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В МЕТАФОРИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В КОНЦЕПТОСФЕРАХ НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Данная статья посвящена рассмотрению репрезентации категории времени в концептуальной картине мира носителей английского и русского языка посредством метафоризации лексем семантического поля строительной лексики. Метафорическая репрезентация

абстрактных понятий достаточно часто становится предметом исследования лингвистов-когнитологов в виду того, что метафора как феномен языка помимо придания речи экспрессивности, эмотивности, стилистической окраски, выполняет и первичную номинативную функцию во многих контекстах функционирования. Время – одна из абстрактных категорий мышления человека, представление о которой актуализируется в речи посредством метафоры. Результаты проведенного сопоставительного исследования на материале английского и русского языков свидетельствуют о том, что строительная лексика является одной их частотных сфер-источников метафорической экспансии в репрезентации категории времени в сопоставляемых языках.

В концептосферах носителей английского и русского языков присутствует аналогия между восприятием временного промежутка и здания. Так, например, ничем не занятое время, промежуток в цикле работ, деятельности, в учебном расписании осмысливается как окно в обеих концептосферах: *I've got a window on Friday when I could see you* [Macmillan English Dictionary for Advanced Learners 2006]; *окно между лекциями* [Ожегов 1997]. В приведенных примерах прослеживается функциональная образная аналогия, поскольку окно обеспечивает доступ света и приток свежего воздуха в здание, которое в контексте приведенных примеров рассматривается как определенный вид деятельности. Наличие подобной метафоры обусловлено и существованием базового когнитивного переноса **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА – ЭТО СТРОИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**. В рамках данной концептуальной метафоры в концептосфере английского языка можно выделить и метафорическое употребление существительного *build-up* для характеристики временного промежутка: *build-up – the time before an event when people are talking about it and preparing for it* [Longman Dictionary of Contemporary English 2003]. Об образом восприятия временного промежутка как здания в концептосфере английского языка свидетельствует и лексическая сочетаемость глаголов строительства и разрушения с некоторыми существительными семантического поля времени: *We want to build a better future for our children* [Cambridge Advanced Learner's Dictionary 2009].

Здание времени имеет и свои структурные особенности. Так, в концептосфере английского языка в нем присутствует водосточный желоб, по которому стекает потраченное впустую время, усилия, деньги: *Well that's it. 18 months' work down the drain* [Longman Dictionary of Contemporary English 2003].

В своем взаимодействии с окружающим миром человек подсознательно оперирует знакомыми ситуациями, предметами материального мира для своей ориентации в нем и мире абстрактных понятий. Как показывает наше исследование, одной из эмпирических основ ориентации человека является его дом. Во временной ориентации человека дом является одной из точек отсчета. Как указывают Дж. Лакофф и М. Джонсон, «в некоторых культурах будущее находится как бы впереди нас, в других оно – за нами»

[Лакофф, Джонсон 2004: 35]. В концептосферах рассматриваемых языков будущее находится за пределами дома, дом – это настоящее. Подобная аналогия прослеживается и в концептосфере английского языка в метафорическом употреблении существительного *threshold*: *on the threshold of something* – at the start of a new and important time or development: *We are on the threshold of a new era in European relations* [Cambridge Advanced Learner's Dictionary 2009]; *be next door to something* – to be almost the same as something: *If you're asked to resign from your job, it's next door to being fired* [там же]. Физической основой данного метафорического восприятия будущего является нахождение человека внутри дома. Развитие противоположного метафорического значения у существительных *порог* и *door* наблюдается при изменении физической основы метафоры: после вхождения человека в дом то, что осталось за порогом, за дверью, рассматривается как прошлое: *close the door on the past* [Мюллер 1998]; *беда за порогом* – о том, что прошло, миновало [Ожегов 1997]. Единичным случаем в концептосфере английского языка представлена метафорическая ориентация прошлого под лестницей: *below stairs* – in the past [Longman Dictionary of Contemporary English 2003].

Поскольку традиционный доступ в дом обеспечивается порогом, преддверием, дверью, они и являются символам приближающегося будущего в концептосфере носителей русского языка: *на пороге* – очень скоро наступит, придет [Федосов 2003]; *стучаться в дверь* – неуклонно приближаться, надвигаться, давать знать о своем появлении [Ожегов 1997]; у *дверей* – совсем близко [там же]; *преддверие* – начальный период чего-нибудь, время, непосредственно предшествующее чему-нибудь: *преддверие восстания*; в *преддверии* – непосредственно перед чем-нибудь, накануне чего-нибудь: *находиться в преддверии важных событий*; *тёплые ветры в преддверии весны* [там же].

Таким образом, вышеприведенные примеры свидетельствуют о достаточно высокой продуктивности строительной лексики в репрезентации категории времени в концептосферах носителей английского и русского языков, что, вероятно, обусловлено общностью психофизиологической организации, когнитивных представлений об окружающей действительности, их концептуальной репрезентации и лингвистической актуализации. Человеческому сознанию вне зависимости от языковой принадлежности свойственна материальная языковая адаптация идеальных сущностей объективной реальности. Метафорическая репрезентация некоторых составляющих категории времени в рассматриваемых языках демонстрирует, что данные особенности осмысления категории времени характерны и для когнитивного сознания носителей английского и русского языков.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 206 с.

2. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. 5-е изд., стереотип. / В.К. Мюллер, В.Л. Дашевская, В.А. Каплан. М.: Рус. яз., 1998. 880с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Федосов И.В., Лапицкий А.Н. Фразеологический словарь русского языка / И.В. Федосов, А.Н. Лапицкий. М.: ЮНБЕС, 2003. 608 с.
5. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. 3rd ed. Cambridge University Press, 2009. 1852p.
6. Longman Dictionary of Contemporary English. 4th, new ed. Harlow: Longman, 2003. 1949 p.
7. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student ed. Macmillan Publishers Limited, 2006. 1691p.

*Питолин Д.В.
ИИЯ УрГПУ, Екатеринбург, Россия
danilpitolin@gmail.com*

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «СВОЙ» В РАМКАХ ДИХОТОМИИ «СВОЙ–ЧУЖОЙ» В РОМАНЕ К. МАККАРТИ «THE CROSSING»

Предлагаемая статья посвящена изучению метафорического моделирования концепта «свой» в романе К. Маккарти «The Crossing». Методика данного исследования основана на теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона и теории метафорического моделирования (Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, А.П. Чудинов), которые обеспечивают выделение основных метафорических моделей.

Концепт «свой» является частью метафорической диады «свой–чужой». Рассматриваемая нами концептуальная диада «свой – чужой» относится к базисным мифологемам ценностной картины мира. В архаической модели мира члены «своей» социальной группы («люди») противопоставлялись «чужим» («не людям»). С развитием общественного сознания группа «не людей», или «чужих», приобретает статус социальной [Васильева 2001: 5]. Выделяя социальный характер концептуальной диады «свое – чужое», Ю.С. Степанов отмечает, что она «в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 2004: 126]. Кроме того групповые социальные понятия «друг – враг» (варианты: «свои – чужие, «мы – они») предшествуют становлению категории личностной идентификации – «я» [Поршнева 1977: 95; Кон 1978: 128].

Концептуальная диада «свой – чужой» служит универсальным принципом концептуализации реальности. Она может выступать макрокоррелятом действительности, трансформируясь в прочие биполярные концепты. Она может расширяться до доменов географического пространства согласно принципу трансформации по аналогии, выработанному в структурной антропологии: свое – дом – ферма – поле – отдаленное [Leach 1964: 36].

В целом, исследования оппозиции «свое – чужое» в русле лингвокультурологической проблематики позволяют сделать наиболее обобщенные выводы о ее универсальных или обусловленных национальностью спецификой свойствах, статусе в различных культурах, связи с другими концептуальными диадами (В.В. Красных 2003, С.Л. Сахно 1991, А.Н. Серебренникова 2005, Ю.С. Степанов 2004, Т.В. Цивьян 2005 М. Vamberg 2004, J. Fabian 1996, E. Leach 1964 и др.).

Кроме рассмотрения теоретических основ необходимо обратиться и к истории спанглиша как явления контактной лингвистики. Регулярные контакты носителей английского и испанского языков происходят уже не один век, тем не менее, интерес к спанглишу, как к результату этих контактов, возник относительно недавно. Прежде считалось, что смешение данных двух языков в речи носит несистемный и индивидуально-характерный характер, и спанглиш как целостное лингвистическое явление не рассматривался. В последней четверти XX века на волне возникшего интереса к афроамериканскому варианту английского языка внимание учёных привлёк и спанглиш. О статусе этого языкового явления высказывались различные мнения. Некоторые исследователи называют спанглиш самостоятельным языком [Stavans 2001], другие, напротив, считают его проявлением неграмотности отдельных людей [Бетансос Паласиос 2001]. Однако наиболее отвечающим задачам нашего исследования нам представляется мнение о спанглише как об интерязыке [Franco, Solorio 2007].

Неопределённость статуса спанглиша как явления не помешала развитию целой культуры, отражённой в нём. Как следствие возник массив литературы, написанной на смеси языков, которая была оценена не только культурологами и лингвистами, как материал для исследований, но и литературными критиками.

Одной из главных идей романа «The Crossing» является мысль о том, что человек абсолютно одинок от рождения до смерти, как среди близких, так и среди незнакомцев. Бесконечно одинок не только главный герой, но и другие персонажи произведения. В связи с этим концепт «свой» выражена намного менее объемно по сравнению с концептом «чужой».

Тем не менее, основным фреймом, репрезентирующим концепт «свой», является фрейм «семья». Одной из центральных развернутых метафор первой части романа является сон главного героя об отце. Он резюмирует завязку романа, демонстрируя конец чего бы то ни было своего в жизни Билли. Его погибшие дом и семья здесь представлены образом отца. Пеший, посреди пустыни, что почти всегда для путника в пустыне означает смерть, он смотрит на закат. С закатом уходит не только привычная и понятная жизнь главного героя, с последними лучами солнца угасает надежда на то, что всё можно будет ещё поправить. И из темноты поднимается ветер неизвестности. **...his father was afoot and lost in the desert. In the dying light of that day he could see his father's eyes. His father stood looking toward the west where the sun had gone and where the wind was rising out of the darkness... ..его отец потерялся пешим в пустыне. В**

умирающем свете дня он видел глаза отца. Его отец стоял, глядя на запад, где исчезло солнце, и где из темноты поднимался ветер.

В уходящем свете солнца Билли удаётся разглядеть глаза отца. Они уже отрешены, уже нет в них желания спастись, вырваться. Даже во сне его отец уже обречён. Этим сном автор показывает конец всего привычно «своего» для главного героя, вероятно именно поэтому он не просыпается посреди кошмара, а видит сон до конца, когда тьма поглощает всё, поэтому он разбужен одиноким звоном колокола. ...***His father's eyes searched the coming of the night in the deepening redness beyond the rim of the world and those eyes seemed to contemplate with a terrible equanimity the cold and the dark and the silence that moved upon him and then all was dark and all was swallowed up*** and in the silence he heard somewhere a solitary bell that tolled and ceased and then he woke. ...Глаза его отца искали приближение ночи в сгущающейся красноте под куполом мира, и эти глаза с жутким хладнокровием смотрели на холод, и тьму, и тишину, которые двигались над ним, и затем тьма и всё остальное исчезло. И в тишине он услышал одинокий колокол, и остановился, и затем проснулся.

Затем с представлениями о семье Билли встречается уже в Мексике. Однако для местных жителей важно не столько кровное родство, сколько ответственность родственников, взятая друг за друга перед Богом. Так, в истории о сироте рассказчик выделяет не то, что мальчик был отдан дяде, а то, что дядя также был крестным отцом ребенка. *He will go to Bavispe and there leave the boy in the care of an uncle who is also the boy's padrino.* Он пойдёт в Бависпе и оставит мальчика на попечение его дяди, который к тому же и его крёстный.

В финальной части романа Билли уверен, что единственная вещь в мире, действительно принадлежащая ему – это он сам: его разум, душа, сердце. Но встретившаяся ему на пути мексиканка убеждает его, что и сердце способно предать. *She said that the heart betrayed itself and the wicked often had eyes to see that which was hidden from the good.* Она сказала, что сердце может предавать себя, и что злые люди часто видят то, что скрыто от добрых людей. К концу романа у главного героя не остается ничего кроме бесконечного пути – дороги, не им выбранной. Доказательством этому служит его беспомощная позиция в споре с цыганами. Он противостоит не их мировоззрению, а своим внутренним установкам, не позволяющим принять путь, однако проигрывает спор и себе и цыганам ... *the gitanos for they also were men of the road. He said that for men of the road the reality of things was always of consequence. Эти цыгане были тоже людьми дороги. Он сказал, что для людей дороги суть вещей – всегда последовательность.* Таким образом, в финале романа протагонист приходит к осознанию, что своим в жизни он может назвать лишь свой путь.

Таким образом, анализ способов метафорического моделирования концепта «свой» в романе К. Маккарти «The Crossing», представленный в данной статье, показывает, что в силу особенностей

авторского замысла концепт «свой» представлен достаточно скупо и, главным образом, для усиления контраста с чуждым герою миром романа.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Васильева, Е. В. Концептуальная оппозиция индивид – группа в языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 23 с.
2. Кон, И. С. Открытие «я». – М.: Политиздат, 1978. – 336 с.
3. Поршнева, Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1977. – 211 с.
4. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры.: Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004.– 992 с.
5. Betanzos Palacios O. El español en Estados Unidos: problemas y logros. II Congreso Internacional de la Lengua Española. Valladolid, España, 2001. URL: <http://www.cervantes.es/congresosdelalengua.es/default.htm>
6. Franco, J. C., Solorio, T., Baby-Steps Towards Building a Spanglish Language Model – UTEP Technical Departmental, 2007 – 11 p.
7. Leach, E. Anthropological Aspects of Language: Animal Categories and Verbal Abuse // New Directions in the Study of Language / Ed. E. H. Lenneberg. – Cambridge: MIT Press, 1964. – P. 34–40.
8. Stavans I. Impulsor del spanglish desafía a profesores, traductores y lingüistas. Second Seminar on the Transatlantic Dimension of the Spanish Language. Nueva York, 2001. URL: <http://www.casadellibro.com/palabra>

*Рябова М.В.
БГПУ, Благовещенск, Россия
marina-riabova@rambler.ru*

ПЕРЕВОД И МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕНИЕ: АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Процесс межкультурного общения зачастую приводит не столько к взаимодействию, сколько к «столкновению» картин мира коммуникантов. Сходная ситуация складывается и при переводе иноязычного текста: переводчик и автор принадлежат к разным этнокультурам, поэтому специфика картины мира переводчика не может не реализоваться в тексте перевода. В связи с этим представляется интересным определить аспекты соприкосновения и взаимодействия ключевых понятий межкультурной коммуникации и современного переводоведения. Для этого необходимо исследовать общие механизмы функционирования перевода, как акта опосредованной межкультурной коммуникации, проявляющиеся при сопоставлении оригинального и переводного текстов.

Первый аспект взаимодействия связан с проблемой взаимодействия языка и культуры, ставшей для теории межкультурной коммуникации фундаментальной.

Основы изучения данного вопроса были заложены научными трудами многих известных ученых. В работах немецкого философа и филолога В. фон Гумбольдта язык отождествляется с «духом» народа, обладает энергией и самостоятельным характером и оказывает влияние не только на культуру, но и на мышление народа [Гумбольдт 1985].

В теории и практике перевода взаимодействие языка и культуры получило воплощение в проблеме переводимости. За всю историю существования переводов сомнения в возможности осуществления полноценного перевода высказывались неоднократно, однако статус серьезной проблемы они постепенно приобрели с усовершенствованием переводческой практики. Идея об абсолютной невозможности перевода долгое время соотносилась с именами тех ученых, в чьих научных концепциях язык играет доминирующую роль в процессе формирования человеческого сознания и в жизни общества. Из этого теоретики перевода автоматически делали вывод, что, обращаясь к иностранному языку, переводчик не только актуализирует новый аспект в своем мировоззрении, но и неизбежно переносит влияние своего собственного мировоззрения на этот язык, поэтому достижение полноценного перевода представляется проблематичным [Федоров 1983].

Однако проблема переводимости так и не стала доминирующей в исследованиях в области переводоведения, поскольку она изначально вступала в противоречие с практикой переводов, доказывавшей обратное.

Второй аспект взаимодействия межкультурной коммуникации и перевода проявляется в проблеме репрезентации фоновых знаний в языке. Наряду с реалиями носители национально-культурной семантики называются «безэквивалентной лексикой» и «фоновой лексикой». В работах лингвокультурологов используется термин «лингвокультурема», который в более широком понимании обозначает «комплексную межуровневую единицу», «совокупность формы языкового знака, его содержания и культурного смысла, сопровождающего этот знак» [Маслова 2001: 52].

Вопрос о классификации реалий приобрел, пожалуй, наибольшую значимость в рамках теории и практики перевода, где был предпринят целый ряд попыток выявить оптимальные способы их передачи на язык перевода. Наиболее развернутая классификация реалий разработана болгарскими исследователями С. Влаховым и С. Флориным, в которой учитываются денотативное и коннотативное значение реалии, язык, степень освоенности, распространенность, форма и приемы перевода, способ их выбора [Влахов 1980].

Следующий смежный аспект межкультурной коммуникации и перевода можно обозначить как взаимодействие языковой и культурной картин мира.

В лингвистической науке отношение человека к окружающей действительности рассматривают через комплексное функционирование нескольких разновидностей картины мира: реальной, культурной и языковой. Первая составляющая этого

комплекса, реальная картина мира, находит воплощение в универсальных фоновых знаниях носителей языка. В роли второй составляющей выступает культурная картина мира», которая понимается как совокупность всех знаний и представлений о ценностях, нормах, нравах, менталитете собственной культуры и культур других народов [Садохин 2005]. Национальная специфика культурной картины мира находит своё отражение в языковой картине мира, под которой обычно понимается «специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке» [Маслова 2001: 64].

В переводоведении для обозначения возможных этнокультурных трудностей перевода существует понятие «лингвоэтнического барьера». В его состав входят компоненты, обусловленные принадлежностью коммуникантов к разным лингвокультурным общностям: расхождение языковых систем, участвующих в переводе, их языковых норм, речевых норм (узусов) и расхождение преинформационных запасов носителей языков. Все компоненты определяются культурой, поскольку, например, в значениях слов усматривается «культурный компонент», в роли которого выступают сигнификативные коннотации, а принципы организации сферы узуса зависят от организации культуры общества. Под преинформационными запасами понимаются экстралингвистические знания, которые используются при восприятии и интерпретации текстов [Латышев 1988].

В процессе перевода переводчик должен нейтрализовать лингвоэтнический барьер и предотвратить нарушение смыслового восприятия, не допустив национально-культурной ассимиляции перевода, чтобы «партнёр не потерял в процессе коммуникации своей национально-культурной идентичности» [Латышев 1988: 21]. Для этого ему необходимо владеть определенным набором переводческих модификаций и трансформаций, в том числе рекомендуется добавлять в текст перевода дополнительную информацию поясняющего характера либо использовать примечания.

Очередной аспект соприкосновения межкультурной коммуникации и перевода проявляется в проблеме «столкновения» этнокультур в процессе межкультурного общения.

Традиционно межкультурная коммуникация характеризуется как своеобразный «диалог культур» [Тер-Минасова 2000: 14]. Однако положительный исход взаимодействия участников общения наблюдается далеко не всегда, так как оно «может протекать как через взаимную адаптацию и понимание культурного своеобразия соседей, так и через взаимные распри и конфликты» [Грушевицкая 2003: 22]. При определении возможных причин возникновения трудностей в общении теория межкультурной коммуникации ориентируется на данные смежных с ней наук – социолингвистики, этнопсихолингвистики, антропологии. Обобщая полученные данные, специалисты в области межкультурной коммуникации называют несколько параметров, несовпадение которых приводит к нарушению коммуникации: картины мира (Weltbilder) – ценности (Werte) – нормы

(Normen) – условности (Konventionen) – поведенческие образцы (Verhaltensmuster) [Kelz 2000].

Изучение вероятного «столкновения» этнокультур при переводе происходит в рамках семиотического подхода к переводу. Например, в системно-семиотическом исследовании И.Э. Клюканова переводу отводится первостепенное место в общении, в ходе которого носители разных языков осуществляют контроль над своей коммуникативной деятельностью, учитывая свой лингвокультурный потенциал и потенциал других лингвокультур. Не только текст и культура, но и реальная действительность существует в виде знаков, которые требуют перевода в другие знаки, поскольку именно таким образом они могут раскрыть свою сущность в процессе коммуникативного воздействия. Знак рассматривается не как статическая сущность, а интерпретируется более динамично, как целое коммуникативное событие [Клюканов 1998].

Проецируя положения концепции на межкультурное взаимодействие, ученый представляет перевод в виде «двунаправленного процесса постоянной аппроксимации между культурами-объектами и культурами-интерпретантами», так как культуры стремятся понять друг друга путём перевода своих знаков в чужие [Клюканов 1998: 75]. Изначально они являются друг для друга лакунизированными, однако постепенно становятся все более близкими. Соотношение между их знаками может проявляться в равноэквивалентности, разноэквивалентности и безэквивалентности.

Наконец, последний аспект взаимодействия межкультурной коммуникации и перевода логично следует из предыдущего. Это проблема «коммуникативных неудач».

В теории межкультурной коммуникации были выработаны определённые категории, с помощью которых можно охарактеризовать особенности культур и обнаружить расхождения между ними, например: осознание себя и пространства; одежда и внешний вид; еда и правила поведения за столом; время и его восприятие; нормы и ценности; организация труда и отношение к работе [Персикова 2002]. О похожих категориях, или «культурных темах» (Kulturthemen) упоминают и зарубежные германисты, приводя в качестве примера следующие: «Еда» („Essen“), «Работа» („Arbeit“), «Поведение» („Verhalten“), «Время» („Zeit“), «Вежливость» („Höflichkeit“) и др. [Knapp 2003]. Специфичность категорий является причиной наибольшего количества случаев «неадекватного понимания речевого или поведенческого акта другого, обусловленного невладением системой значений его культуры» [Гудков 2003: 59]. Такие случаи принято считать «коммуникативными неудачами».

«Коммуникативные неудачи» могут быть вызваны не только незнанием кода общения (языка) (лингвистические неудачи), но и отсутствием внекодовых знаний (семиотические неудачи). К типичным случаям семиотических ошибок относятся непонимание семантики знака другой культуры (например, жеста), приписывание знаковых функций незнаковым единицам другой культуры и неверное

истолкование знака другой культуры. Подобные коммуникативные неудачи часто не осознаются и поэтому могут привести к серьезным межкультурным конфликтам [Гудков 2003].

Поэтому межкультурную коммуникацию необходимо интерпретировать как совокупность специфических процессов взаимодействия партнёров, осознающих факт «чужеродности» друг друга. Её ключевыми моментами являются чужеродность партнёра, которую необходимо осознать и учесть в общении с ним, и стремление к преодолению межкультурных различий, которое должно быть главной целью общения.

Понимание каждой культуры как системы знаков, а текста как элемента данной системы однозначно указывает на то, что переводчик также находится на стыке двух семиосфер: «своей» и «чужой», представленной подлежащим переводу текстом. Поэтому каждый иноязычный текст является для переводчика изначально лакунизированным. В процессе перевода происходит расшифровывание значений единиц, входящих в его состав, с последующим перекодированием их в единицы текста перевода, сопровождающееся элиминированием лакун в лингвистических и фоновых знаниях переводчика. При этом единицы содержания оригинального текста, требующие перекодирования, получают в тексте перевода вербальные соответствия, а семы, входящие в их лексические значения, заменяются семами их соответствий.

Реализация картины мира переводчика в процессе его деятельности всегда сопровождается изменением смысла оригинального текста, которое превращает текст перевода в «новый», «самостоятельный» текст. Так, в некоторых случаях наблюдается утрата образности, поскольку идиома не переводится идиомой, а метафора – метафорой, например: *Es war ein glücklicher Verzicht; auch Napoleon hätte lächerlich in einem Schwalbenschwanz ausgesehen.* (Remarque E. M. *Der schwarze Obelisk*) - *Такой отказ он считал для себя даже лестным; ведь и Наполеон был бы смешон, надень он фрак.* (Ремарк Э. М. *Чёрный обелиск*)

В других ситуациях имеет место усиление образности, например: *Tagsüber machen wir Wettschießen auf Ratten und lungern umher.* (Remarque E. M. *Im Westen nichts Neues*) - *Весь день мы соревнуемся в стрельбе по крысам и слоняемся как неприкаянные.* (Ремарк Э. М. *На Западном фронте без перемен*)

Нередко содержанию высказывания в переводе придаётся более конкретная по сравнению с оригиналом форма выражения, например: *Sie hatte mir ein Cafe als Treffpunkt angegeben.* (Remarque E. M. *Drei Kameraden*) - *Она предложила для свидания одно кафе.* (Ремарк Э. М. *Три товарища*)

В противоположном случае содержание перевода может быть менее конкретным, чем содержание оригинала, например: *Kein Wort von Geschäft, keine unzarte Andeutung heute – ... vergessen Kikis Tänze um den Salzbrezelkorb im Morgengrauen.* (Remarque E. M. *Drei Kameraden*) - *Ни слова о делах, ни одного скользкого намёка; ... нужно забыть, как*

пляшет Кики на рассвете вокруг корзины с булочками. (Ремарк Э. М. Три товарища)

Выявление подобных смысловых изменений позволяет судить о различиях между оригинальным и переводным текстами, обусловленных несовпадением картин мира автора текста и его переводчика, а также о том, являются ли они переводческими (коммуникативными) неудачами, искажающими содержание оригинала.

Итак, перевод иноязычного текста представляет собой акт межкультурной коммуникации, обусловленный спецификой картины мира переводчика и направленный на расшифровывание значений единиц, входящих в состав данного текста, с последующим перекодированием их в единицы текста перевода. При этом неизбежно происходят изменения в содержании текста, которые в определенных случаях могут приводить к его неправильной интерпретации, то есть к тому, что в межкультурной коммуникации принято считать коммуникативными неудачами

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Влахов, С. Непереводимое в переводе / Под ред. Вл. Россельса. М.: Международные отношения, 1980. С. 51-105.

2. Грушевицкая, Т.Г. Основы межкультурной коммуникации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 20-53.

3. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. С. 32-83.

4. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1985. С. 358-382.

5. Клюканов, И.Э. Динамика межкультурного общения. Системно-семиотическое исследование. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998. 99 с.

6. Латышев, Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. М.: Просвещение, 1988. С. 17-87.

7. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учебное пособие. М.: Академия, 2001. С. 60-78.

8. Персикова, Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура: Учебное пособие. М.: Логос, 2002. С. 25-60.

9. Садохин, А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Высшая школа, 2005. С. 31-65.

10. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие по спец. «Лингвистика», «Межкультурная коммуникация». М.: Слово, 2000. С. 14-55.

11. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Высшая школа, 1983. 303 с.

12. Kelz, H.P. Interkulturelle Kommunikation und Wirtschaftsdeutsch-Didaktik // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch '00-01 GUS, DAAD-Lektorin (MSU). М.: „Metatext“ Ltd, 2000. S. 247-262.

13. Knapp, K. Kulturunterschiede // Handbuch interkulturelle Germanistik. Stuttgart; Weimar: J.B. Metzler Verlag, 2003. S. 54-60.

ПРОЯВЛЕНИЯ АРХЕТИПА АНИМЫ/АНИМУСА В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ НА Б. ОБАМУ⁸

Эта статья посвящена тем новым преломлениям, которые обретают архетипы К. Г. Юнга в современной политической карикатуре США. Сначала вспомним некоторые отправные положения гипотез К. Г. Юнга.

«Архетип в себе <...> есть некий непредставимый наглядно фактор, некая диспозиция, которая в какой-то момент развития человеческого духа приходит в действие, начиная выстраивать материал сознания в определенные фигуры» [Юнг: [http](http://)].

В соответствии с теорией К. Г. Юнга единого перечня архетипов не существует, как не существует и единого универсального списка архетипических образов. Последние варьируются не только в зависимости от эпохи и лингвокультуры, но и от индивида к индивиду. Тем не менее основными архетипами души К. Г. Юнг считал архетипы Тени, Анимы и Анимуса, Старого Мудреца, Самости, Маски (Персоны), Великой Матери. Эти архетипы могут находить реальное воплощение в архетипических образах андрогина, Святого Грааля, Бога, Спасителя, Троицы, ангелов и демонов, трикстера, Искусителя, эльфических существ, воды, мирового океана, ветра, огня, дерева жизни, различных растений, животных и птиц, частей тела и т.д. [Юнг: [http](http://)].

Политическая карикатура тоже во многом строится на мифах, стереотипных представлениях, сплавле образцов, персонажей, сюжетных линий, понятий, присущих той или иной лингвокультуре. Поэтому карикатуру, как и любую графику, можно проанализировать с точки зрения конкретных способов проявления архетипических структур. Обратимся к материалу современной американской политической карикатуры и посмотрим на возможные проявления архетипа **Анимы** или **Анимуса** при изображении действующего президента США.

Чувственное начало – вот с чем в крайне упрощенной форме связан этот архетип. Проявления могут включать такие образы, как языческие боги, Змей-Искуситель, русалки, духи, домовые, лешие, сирены, т.е. такие персонажи, у которых сильна полая сторона или которые соблазняют, заманивают. Нам кажется, что традиционный для культуры США образ супермена можно рассмотреть как именно такой архетипический образ анимуса, особенно приняв во внимание, что его дополняет женский образ, т.е. парная анима. Б. Обама – привлекательный мужчина, и это не могло не сказаться на его графических образах. Обычно это или супермен как таковой или некто, похожий на Джеймса Бонда, или покоритель женских сердец, или откровенный мачо. Кстати, образ супермена применительно к Б. Обаме далеко не всегда несет положительную прагматику. Нередко здесь

⁸ Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 «Политическая метафорология»).

наблюдаются преобразования исходного образа, и мы получаем супермена-вампира, супермена-гоблина, супермена-безжалостного убийцу и т.д. (рис.1, 2). В качестве его жертв может выступать прекрасная мисс Америка, статуя Свободы, нормативный синтаксис и стандартное американское произношение (см. ниже). Это в полной мере соотносится с таким свойством архетипа, как наличие двух сторон – светлой и темной.

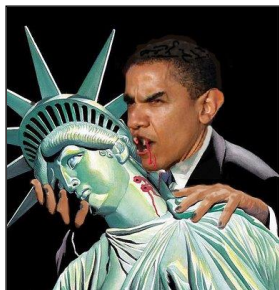

Рис. 1

Рис. 2

В то же время обратим внимание на то, что К. Г. Юнг вводит в архетипические образы анимы и анимуса эльфические существа и языческих богов и полубогов. Эльфы появляются у скандинавских племен как трансформации под влиянием христианства языческих божеств альвов, жертвоприношения которым было принято приносить на зимнее солнцестояние [Буайе 2012: 307]. Скорее всего, что-то подобное произошло и на Британских островах либо под влиянием скандинавских набегов и завоевания (8 июня 793, когда разграбили аббатство Линдисфарн в Нортумбрии – 25 сентября 1066, день битвы при Стамфорд-Бридже), которые как раз приходятся на время широкого распространения христианства, либо это был параллельный процесс, сходный для этих германских племен. Эльфы далеко не самые безобидные существа в фольклоре. На Британских островах их роль меняется в зависимости от территории. Они могут, конечно, просто резвиться, пить молоко или нектар, помогать и награждать упорных, бесхитростных и трудолюбивых, но нередко они пугают людей, предвещают смерть, крадут или подменяют детей. В сказках легко можно найти описания подменышей: у них старческое личико, искривленное тельце, неразвитые конечности. Считалось, что, мучая подменыша, который на самом деле вовсе не ребенок, а престарелый эльф или фейри, можно заставить злых духов вернуть украденное дитя. К сожалению, это приводило к садизму в обращении с детьми-инвалидами, которых принимали за подменышей [Коунти, Харса 2011: 120]. К эльфам могут относиться и гоблины, т.е. образ супермена-вампира или гоблина – это проявления темной стороны анимуса.

Обратимся сначала к относительно положительным образам. Образ уверенного в себе мачо, находящегося в гораздо лучшей форме, чем Дж. Маккейн, представлен на рис. 3. Каких-то дополнительных пояснений эта карикатура не требует – сексуальный архетипический образ налицо.

На карикатуре 4 торжествующий Б. Обама сметает со своего плеча своих мелких, насекомopodobных оппонентов.

Рис. 3

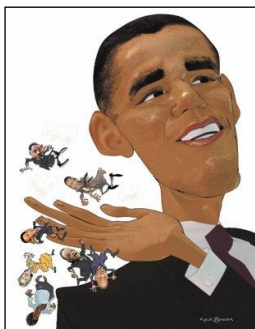

Рис. 4

Карикатура относится к периоду первой президентской кампании Б. Обамы, когда, желая отдать ему должное, сенатор Дж. Биден назвал своего конкурента «articulate». Худший промах трудно представить, и это немедленно вызвало бурю негодования в американском обществе. Дело в том, что афроамериканцев часто называют «inarticulate», подчеркивая этим фонетические особенности, ряд грамматических отличий, и даже особые когнитивные модели и менталитет. В прямом значении *inarticulate* – это «невнятный, невразумительный, нечленораздельный», «неразборчивый (о речи)», а также в метонимическом значении «немой,

онемевший; потерявший способность артикулировать». А применительно к афроамериканцу, в принципе, это синоним слова «тупой», только этот смысл имеет сильнейшую расовую подоплеку. Т.е., желая похвалить риторику своего оппонента и пытаясь сказать «У этого парня хорошо подвешен язык! Он очень убедителен!», Дж. Биден попросту брякнул: «А Обама не негритос!». После этого инцидента Б. Обама обратился к американскому обществу и, как отмечали лояльно настроенные комментаторы, «brushed Biden's dirt off his shoulder» – «смёл грязь Бидена со своего плеча». Сделал он это в своей обычной манере – обратившись к афроамериканским риторическим приемам и умело используя свой тембр голоса, который при желании с его стороны у Б. Обамы может приятно напоминать афроамериканских

Рис. 5

певцов. Именно эта особенность обыгрывается на рис. 5. Из уст присягающего Б. Обамы несутся слова: «Culture. Race. Empathy. Gender. Love. Dreams. Hope. Emotion. Tenderness. Touchy. Feely.» – «Культура. Раса. Эмпатия. Пол. Любовь. Мечты. Надежда. Чувства. Нежность...», а вот последние два слова буквально перевести достаточно сложно. В приближенном переводе они значат примерно следующее: «Почувствуй, детка, как тебе хорошо!». При этом он нежно поглаживает по спине стоящую рядом даму, вводя ее в полный транс и заставляя позабыть обо всем, в том числе и о Конституции США. В целом, карикатура беззлобная и призвана лишь подчеркнуть особенности харизмы Б. Обамы, не в последнюю очередь речевые.

Рис. 6

Б. Обама, напоминающий другого знаменитого покорителя женских сердец Агента 007, представлен на рис. 6. Карикатура не несет выраженных отрицательных смыслов. Превалирует уверенность в себе, владение ситуацией, харизма.

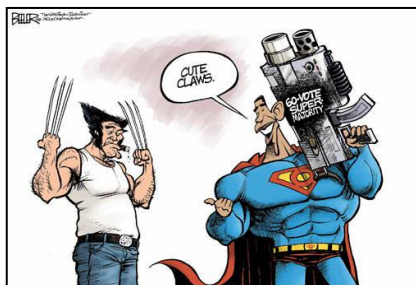

Рис. 7

Перейдем к менее приятным образам, к карнавализации (по М. М. Бахтину). К такому переиначенному проявлению архетипа анимуса можно отнести карикатуры, где Б. Обама изображен в образе супермена. Последний предстает в необычной для себя функции или роли. В частности, на рис. 7 супермен-Обама нахваливает когти Росوماхи (Wolverine) – мутанта, традиционно относимого к анти-героям.

Надпись на супероружии Б. Обамы позволяет заключить, что он заигрывает с избирателем-Росомахой, пытаясь встать с ним по одну сторону баррикад. Здесь не помешает вспомнить, что Росوماха (Wolverine) – это прозвище жителя штата Мичиган.

В самом мягком варианте переиначенный образ супермена призван передать его слабость, неспособность справиться с проблемами, придти на помощь, что создает контраст с привычным героем. На рис. 8 Б. Обама лишен магической способности летать – он вынужден голосовать, чтобы его подбросили до места разлива нефти. Понятно, насколько быстро он прибудет на место катастрофы.

На рис. 9 Супермена-Обаму можно только пожалеть – его активность и призывы помочь безработным и спасти экономику не

Рис. 8

Рис. 9

находят сочувствия у слона-Республиканца, который просто тормозит все действия горе-Супермена.

В более агрессивных вариантах Супермен-герой превращается в анти-героя, демонстрируя черты трикстера. Образ вампира мы уже видели. Посмотрим на иные похожие образы. На рис.10 прекрасная белокурая женщина становится жертвой супермена-варвара, который изначально должен ее защищать. Интересно, что женский образ напоминает амазонку, воплощая США в целом, показывая боееспособность страны, ее умение противостоять действиям «супермена»-оборотня.

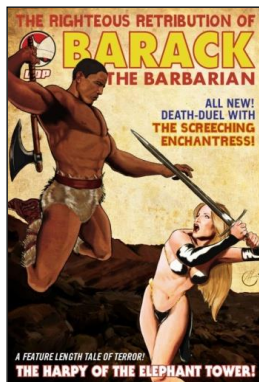

Рис. 10

Рис. 11

Еще один образ – это гоблин, губящий своих пленников по имени Синтаксис и Грамматика (рис.11). Насколько предвзят и неоправдан этот образ применительно к Б. Обаме, можно судить по свидетельствам, приведенным выше.

К архетипическому образу анимуса можно отнести и такой волшебный персонаж, как Санта Клаус. Считается, что Санта Клаус возник как трансформированный образ святого Николая Миркилийского, т.е. изначально он ближе к проявлениям архетипа (Старого) Мудреца или Духа. Но согласитесь, что сегодня у него другая роль и внешность. Одними из первых изображений Санта Клауса в Северной Америке считаются рисунки Томаса Наста (сер. XIX в.). Художник сам стал прообразом для внешности Санты. На этих рисунках Санта больше похож на толстого эльфа в шубке. Кстати,

в Альпах его нередко сопровождает антипод в лице Крампуса – злого демонообразного существа, забирающего и съедающего на Рождество (или топящего в море) непослушных детей. Чем не злой эльф или гоблин, сопровождающий доброго (по случаю праздника) собрата? Применительно к Б. Обаме снова наблюдается карнавализация. Беспомощный Санта Клаус-Обама (рис.12) неспособен совершить чудо и порадовать избирателей подарками в виде увеличения процентных ставок по вкладам, спокойствием на фондовой бирже и другими финансовыми прибавлениями к семейному бюджету. В качестве ответа

Рис. 12

на грустный вопрос неумеха-Обама изрекает свой видоизмененный предвыборный лозунг: Вместо «Yes, we can!» – «Да, мы можем!» доносится «No, I can't!» – «Нет, я не могу!».

В целом, анализ образов, воплощающих архетипы в карикатуре на Б. Обаму, позволяет говорить о преобладании негативной прагматики, нацеленной на создание образа чужого, врага, человека безответственного и неадекватного, неумеющего принять правильное, взвешенное решение, и, как следствие, ведущего страну к хаосу. Это

не может не создать «нужный» настрой у потенциального реципиента. Тем не менее, стоит отметить, что такая негативная прагматика характерна и для карикатуры на других известных политических лиц США. Еще одна особенность: если сопоставить карикатуры первого президентского срока Б. Обамы и ситуации накануне выборов 2012 г., можно легко заметить, что негативная прагматика снизилась. Это, безусловно, отражает общие настроения в американском обществе и восприятие Б. Обамы как ведущего политика.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Американа: Англо-русский лингвострановедческий словарь. Смоленск: Полиграмма, 1996. 1185 с.
2. Буайе Р. Викинги: История и цивилизация. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. 416 с.
3. К. Г. Юнг и аналитическая психология. Основные архетипы [Online]. URL: www.psystatus.ru/article.php?id=97. -- Title from the screen. (дата обращения 15.03.13).
4. Коунти Е., Харса Н. Суеверия Викторианской Англии. М., СПб.: Центрополиграф : Русская тройка, 2011. 474 с.
5. Юнг К. Г. Аналитическая психология. Тавистокские лекции. СПб.: МЦНК и Т «Кентавр», 1994. 211 с.
6. Юнг К. Г. Психологические типы. СПб.: изд-во «Азбука», 1996. 736 с.
7. Юнг К. Г. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 1997. 368 с.

8. ABBYY Lingvo : электр. программа.

ИСТОЧНИКИ

1. Baltimore Caricatures Maryland Portraits by Jerry Breen [Online]. – URL: <http://www.newbreen.com>. – Title from the screen. (дата обращения 15.03.13).
2. Court Jones – Caricature and Illustration (2004) [Online]. – URL: <http://www.courtjones.com>. – Title from the screen. (дата обращения 15.03.13).
3. Erudite logo | Flickr – Photo Sharing! (2010) [Online]. – URL: <http://www.flickr.com/photos/40233248@N03/4385442351/> – Title from the screen. (дата обращения 15.03.13).
4. Funny caricature: Politic caricature, Obama Caricature, Celebrity caricature (2011) [Online]: Blog. – URL: <http://www.allfunnycaricatur.blogspot.com>. – Title from the screen. (дата обращения 15.03.13).
5. Kaltoons: the official site of Kevin Kallaughter (2008) [Online]. – URL: <http://www.kaltoons.com>. – Title from the screen. (дата обращения 15.03.13).
6. Political Cartoon Blog by Jerry Breen (2011) [Online]: Blog. – URL: <http://www.jerrybreen.blogspot.com>. – Title from the screen. (дата обращения 15.03.13).
7. Political Graffiti | Independent Political cartoons (2011) [Online]. – URL: <http://www.politicalgraffiti.worldpress.com>. – Title from the screen. (дата обращения 15.03.13).
8. Shutterstock images (2003–2012) [Online]. – URL: <http://www.shutterstock.com>. – Title from the screen. (дата обращения 15.03.13).
9. The Bad Cartoonist (2008) [Online]: Blog. – URL: <http://www.badcartoonist.worldpress.com>. – Title from the screen. (дата обращения 15.03.13).
10. The caricatureMan.com Blog!!! – Typepad (2008) [Online]: Blog. – URL: <http://www.caricatureman.typepad.com>. – Title from the screen. (дата обращения 15.03.13).

*Южакова А. А., Томилова А.И.
ИИЯ УрГПУ, Екатеринбург, Россия
annsoap@e1.ru, alexara@list.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ЗОО-КОМПОНЕНТОМ НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК

Сфера фразеологии всегда являлась самой сложной для перевода. Изучая любой язык, мы сталкиваемся с проблемой непереводимости, и почти всегда речь идет о фразеологических единицах, которые являются одним из ключевых средств образной и выразительной литературной речи. Фразеология позволяет сложить наиболее полное

впечатление о носителях языка, в ней отражается история, быт и мировоззрение народа.

Существует множество определений фразеологизма, данных разными лингвистами. Мы опираемся на определение А. В. Кунина, который под фразеологизмами понимает устойчивые словосочетания с осложненной семантикой, не образующиеся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний [Кунин 1996: 6], поскольку считаем данное определение наиболее точным и полным.

Следует так же отметить, что страны различны и разнообразны как по своей культуре, так и по этническому составу. В связи с этим нужно упомянуть, что картина мира в разных культурах различается. Каждый язык отражает определенный способ концептуализации мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, которая считается обязательной для носителей языка. Свойственный каждому языку способ концептуализации отчасти универсален, отчасти национально специфичен. Языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании народа и нашедшая отражение в языке совокупность представлений. Язык выступает связующим звеном между поколениями, хранилищем и средством передачи коллективного опыта, так как язык не только отражает современную культуру, но и фиксирует ее предшествующее состояние. Коммуникативная функция свойственна всем языковым единицам, однако наиболее ярко она проявляется в области лексики [Пронченко 2008: электр. ресурс].

Фразеология является наиболее чувствительной к изменениям, происходящим в языковой картине мира любого народа, так как в семантической структуре фразеологических оборотов аккумулируется богатейшая информация об особенностях мировосприятия, способах мышления, жизненных ценностях того или иного этноса. Судьба фразеологизмов позволяет проследить способы фиксации многих сторон жизни народа, постичь систему представлений о мире, понятий, жизненных установок, правил, законов, по которым народ жил, и обнаруживает связи, ранее не предвиденные, помогая ученым объяснить природу духа и поведения народа, восстанавливая утраченную связь времен [Поддячая 2008: электр. ресурс].

Испания, благодаря своему географическому положению, стала своеобразным мостом между двумя цивилизациями – западной и восточной: европейской, арабской, афроазиатской. Сплав культур и традиций, религий и языков начался с прихода кельтских племен на земли, населенные иберийцами. После кельтов этнос полуострова обогащается финикийцами, карфагенянами, галлами. Шестисотлетняя власть Римской империи в V в. так же внесла значительный вклад в историю и культуру Средиземноморского побережья [Пронченко 2008: электр. ресурс].

Естественно, что особая роль отводится фразеологизмам, так как они ассоциируются с культурно-национальными эталонами,

стереотипами, мифологемами и в употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет.

Пути образования фразеологических единиц с зоо-компонентом различны: одни сразу создаются прямым сочетанием слов, другие возникают путем переосмысления обычных, свободных словосочетаний, третьи заимствуются из других языков. Большинство из них основано на наблюдениях носителя языка над окружающей его природой. Мифологические представления облекались в форму образов и символов. Кроме того, человек отмечал те или иные качества животных, которыми хотел бы обладать сам. Отсюда, скорее всего, берут начало, в частности, такие выражения, как: *ser un águila* (букв.: быть орлом) – быть проворным, хитрым, бдительным и осторожным, *ser un león* (букв.: быть львом) – быть бесстрашным, сильным и др. [<http://rudocs.exdat.com/docs/index-224106.html?page=2>].

На образование многих фразеологизмов с зоонимическим компонентом оказали значительное влияние и этнокультурологические факторы. Так, некоторые ФЕ⁹ связаны с обычаями, традициями и верованиями народа, а также с реалиями, преданиями, историческими фактами. В Испании выражение *matar el gusanillo* (букв.: убить червячка) – выпить рюмочку натошак, заморить червячка – когда-то имело свое образное обоснование. По средневековым народным верованиям в желудке человека водился червь, который часто требовал еды. Чтобы умерить его аппетиты, следовало с утра выпить рюмочку хмельного, которое, если и не убивало его, то, по крайней мере, успокаивало на какое-то время [Виноградов 1977: 173-174].

Фразеологизмы с зоонимическим компонентом РЫСЬ – *perspicaz como un lince* (букв.: пронизательный, как рысь) – зоркий, пронизательный, наблюдательный, *vista de lince* (букв.: рысье зрение) – острое зрение, пронизательность – и часто связываемые с данным животным имплицатуры «зоркость» и «пронизательность» также не основываются на объективном анализе действительности. По данным зоологии, зрение у рыси ничуть не лучше, чем у иных представителей семейства кошачьих. В отличие от русской культуры, где рысь вообще не использовалась, так как это животное было не знакомо для носителей данной культуры. Так, в испанском языке лексема ЗАЯЦ (*liebre*) закреплена за переносным значением «трусливый или чрезмерно пугливый человек, который в случае опасности сразу же пускается наутек»: *más cobarde que una liebre* – труслив как заяц, заячья душа. Лексема «заяц» в своем значении полностью схожа, с образом в русской культуре [<http://rudocs.exdat.com/docs/index-224106.html?page=2>].

Фразеология – это сокровищница языка, во фразеологизмах находит свое отражение история народа, своеобразие его культуры и быта. Во многих случаях они являются единственными обозначениями предметов, свойств, процессов, состояний и т.д. Фразеологический перевод предполагает использование в тексте перевода устойчивых

⁹ ФЕ – фразеологическая единица

единиц различной степени близости между единицей ИЯ и соответствующей единицей ПЯ — от полного и абсолютного эквивалента до приблизительного фразеологического соответствия.

Фразеологизмы так же можно классифицировать по тематическим, семантическим, дискурсивным, лингвокультурологическим, и коммуникативным признакам, мы остановимся на семантических. Эквивалентность перевода фразеологических единиц достигается с учетом двух критериев – семантического и стилистического. По мнению В. Е. Щетинкина, фразеологизмы представляют собой устойчивые предикативные или непредикативные структуры, употребляющиеся в речи в готовом виде. Наибольший интерес для теории и практики перевода имеют те из них, в основе которых лежит некоторый образ и которые, следовательно, употребляются в переносном смысле [Щетинкин 1987].

Согласно автору, в семантическом плане соотношение между разноязычными фразеологизмами в основном сводится к трем типовым случаям:

1) образная основа фразеологизмов в языке-источнике и языке-приемнике одинакова, перевод в принципе делается на уровне слов; это фразеологические эквиваленты.

2) образная основа фразеологизмов разная, но при этом сохраняется их структурное тождество; эквивалентность перевода достигается на уровне словосочетания; это фразеологические аналоги.

3) разноязычные фразеологизмы различаются как своей образной основой, так и структурой; перевод осуществляется на уровне предложения или даже текста; это фразеологические ситуативные замены.

Мы рассмотрели 98 фразеологических единиц, с компонентом «животные», и подразделили их на данные три группы, в зависимости от степени приближенности их перевода к оригиналу, на основании семантического критерия.

Первую группу – фразеологические эквиваленты, вошло 27 единиц. Например: *Бедный как церковная мышь – Más pobre que una rata de iglesia. Без kota мышам раздолье – Ausente el gato los los ratones se divierten. Бережливый конь первым с копыт валится – El caballo muy cuidado es el primero en caer. Большая рыба маленькую целиком глотает – El pez grande se traga al más pequeño. В мутной воде рыбу ловить – A río revuelto ganancia de pescadores/ Pescar en río revuelto.*

Во вторую – фразеологические аналоги – 48 ФЕ с компонентом «животные». Например: *Баба с возу – кобыле легче – Menos bulto, más claridad. Бог не выдаст, свинья не съест – Cuando Dios no quiere, los santos no pueden. Ворона в павлиньих перьях – Aunque la mona se vista de seda, mona se queda. Делить шкуру неубитого медведя – No tener hijo y ponerle nombre.*

В третью группу – фразеологические ситуативные замены – 23 единицы. Например: *А Васька слушает, да ест – Andeme yo caliente y raise la gente/ Dame pan y llámame tonto. Закон – паутина: шмель проскочит, муха увязнет – Alla van leyes do quieren reyes/ Hecha la ley,*

hecha la trampa. Закон что конь: куда захочешь, туда и поворишиш – Alla van leyes do quieren reyes/ Hecha la ley, hecha la trampa/ La ley del embudo: lo ancho para mi y lo angosto para ti. Крик петуха утра не делает – No por mucho madrugar amanece mas temprano).

Группа	Процентное соотношение
Фразеологические эквиваленты	28%
Фразеологические аналоги	48%
Фразеологические ситуативные замены	24%

Таким образом, наиболее часто фразеологические единицы переводятся фразеологическими аналогами. Это связано, с тем, что нельзя всегда передать дословно смысл и образность, в силу различий культур и отношения к тем или иным предметам. Третью группу составили фразеологические единицы, в основном свойственные именно русской культуре, не имеющие аналога в испанском языке, такие фразеологизмы в большинстве имеют несколько вариантов перевода.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: – М. : Высшая школа, 1996. – 381 с.
2. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография: М. : Наука, 1977. – С 140–161.
3. Принципы построения фразеологической системы испанского языка. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-224106.html?page=2> (дата обращения 21.12.2012).
4. Поддячая И. А. Функционирование фразеологизмов качественно-обстоятельственной семантики в процессе межкультурной коммуникации // Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2008. – [Электронный ресурс] Режим доступа: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/61.html (дата обращения 21.03.2013).
5. Пронченко Е. Н. Топонимическая система языковой картины Мира испанского языка / 2008. – [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/V/uch_2008_V_00013.pdf (дата обращения: 21.12.2012).
6. Щетинкин В.Е. Пособие по переводу с французского языка на русский: Учеб. пособие для студентов пед. институтов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» – М.: Просвещение, 1987. – 160 с.

Список авторов, опубликованных в сборнике

- Андреева М.И.** г.Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, аспирант кафедры контрастивной лингвистики и лингводидактики; lafruta@mail.ru
- Антонова А.В.** г.Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, студентка ИИЯ; annieantonova@mail.ru
- Арсланова В.Ф.** г.Уфа, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Институт филологического образования и межкультурных коммуникаций, магистрант; Arslanova_Valiya@mail.ru
- Бахарева О.О.** г.Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, студентка ИИЯ; olesya.bakhareva91@mail.ru
- Богоявленская Ю.В.** г.Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, и.о. зав. каф. романских языков Института иностранных языков, канд.филол.наук; jvbog@yandex.ru
- Богуславская Е.Л.** г.Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, доцент кафедры перевода и переводоведения Института иностранных языков, канд. филол.наук; eboguslavskaya@yahoo.com
- Бунькова Н.С.** г.Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, студентка ИИЯ; nata4831@rambler.ru
- Ерофеева Е.В.** г. Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, зав.кафедрой романских языков Института иностранных языков, erofeeva@2-u.ru
- Гавриш Л.Ф.** г. Екатеринбург, учитель французского языка высшей категории МАОУ Лицей № 110,
- Глазырина А.И.** г.Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, зав. кафедрой перевода и переводоведения Института иностранных языков, канд.филол.наук; glazyrina-anna@mail.ru
- Игошева О.С.** г.Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, студентка ИИЯ; ool.aglo@gmail.com
- Ковтуненко И.В.** г. Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, зав. кафедрой русского языка и культуры речи, канд. филол.наук; kivi05@rambler.ru

- Кузина Ю.В.** г.Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, ассистент кафедры английского языка Института иностранных языков, аспирант; kuzina85@mail.ru
- Кузьмина Е.К.** г.Казань, Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, ассистент кафедры французской филологии; lenysinka@yandex.ru
- Куркова Ю.Н.** г.Екатеринбург, Уральский государственный экономический университет, Гуманитарный институт, преподаватель кафедры иностранных языков; kurkova.yulia@yandex.ru
- Манчева Е.Г.** г.Иваново, Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина, старший преподаватель кафедры интенсивного изучения английского языка; kmancheva@gmail.com
- Мезенцева Т.А.** г.Екатеринбург, Уральский государственный экономический университет, Гуманитарный институт, доцент кафедры иностранных языков, канд.филол.наук; tanya_mezentseva@mail.ru
- Муртазина Д.А.** г. Нижнекамск, Нижнекамский муниципальный институт, доцент кафедры иностранных языков, канд.филол.наук; sha-dilyara@yandex.ru
- Питолин Д.В.** г. Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, ассистент кафедры перевода и переводоведения Института иностранных языков, аспирант; danilpitolin@gmail.com
- Плотникова М.В.** г.Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, ст. преподаватель кафедры романских языков Института иностранных языков, канд.филол.наук; plotnikova_mary@mail.ru
- Протасова Б.Б.** г. Улан - Уде, Бурятский государственный университет, доцент, канд.филол.наук; valprot@mail.ru
- Рябова М.В.** г. Благовещенск, Благовещенский государственный педагогический университет, доцент кафедры немецкого языка и МП, канд.филол.наук; marina-riabova@rambler.ru
- Томилова А.И.** г.Екатеринбург, Уральский государственный

Шустрова Е.В.

педагогический университет, ст.
преподаватель кафедры романских языков
Института иностранных языков, канд.
филол.наук; alexara@list.ru

Южакова А.А.

г.Екатеринбург, Уральский государственный
педагогический университет, профессор
кафедры перевода и переводоведения
Института иностранных языков, доктор
филол.наук; shustrovaev@mail.ru

**Deschamps Eric
Erard Patrick**

г.Екатеринбург, Уральский государственный
педагогический университет, студентка ИИЯ;
annsoap@e1.ru

Paris, professeur de français
Riga, directeur d'école 23

**Проблемы сопоставительного языкознания,
межкультурной коммуникация и переводоведения**

Сборник научных трудов
с международным участием

Выпуск № 2

Подписано в печать . Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага для множительных аппаратов. Гарнитура «Georgia».
Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 7 Уч.-изд. л. . Тираж 100 экз. Заказ .
Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, просп. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.ru